

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Факультет мировой политики

А.А. Кокошин

**Политико-военные
и военно-стратегические
проблемы
национальной
безопасности России
и международной
безопасности**

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва, 2013

УДК 323
ББК 66.4(0)
К59

Редакционный совет:

А.С. Бабуркин, Ю.Н. Балуевский, В.А. Веселов, В.П. Володин,
В.И. Есин, Н.Н. Ефимов, В.А. Золотарев, А.А. Кокошин, А.В. Лисс,
С.В. Мезенцев, Г.В. Осипов, А.Н. Панов, В.Я. Потапов,
П.П. Скороспелов, А.В. Торкунов, А.О. Чубарьян, С.М. Шахрай

Научный редактор — к.и.н. О.А. Кубицкая

Кокошин, А. А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности [Текст] / А. А. Кокошин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 261, [3] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-1068-1 (в обл.).

В книге академика РАН А. А. Кокошина, 6-го секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, занимавшего также посты первого заместителя министра обороны Российской Федерации, секретаря Совета обороны Российской Федерации, рассматриваются ряд политико-военных и военно-стратегических проблем национальной безопасности России. В их числе — концептуальные вопросы взаимоотношений между политической и военной стратегией, долгосрочные проблемы обеспечения стратегической стабильности, оценка тенденций в развитии сил и средств общего назначения, вопросы неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России и др.

Для студентов, аспирантов и преподавателей гражданских и военных вузов, а также для всех интересующихся политико-военной и военно-стратегической проблематикой.

УДК 323
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-7598-1068-1

© Кокошин А.А., 2013
© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013
© МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013
© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Политика и военная стратегия: взаимодействие и взаимовлияние	11
Глава 2. О решении в стратегическом управлении в военной сфере	71
Глава 3. Разведка в системе стратегического управления (руководства).....	94
Глава 4. Долгосрочные проблемы обеспечения стратегической стабильности	142
Глава 5. Некоторые тенденции в развитии вооруженных сил и средств общего назначения и их воздействие на стратегическую стабильность	196
Глава 6. О системе неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России.....	208
Глава 7. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности.....	224
Глава 8. 22 июня 1941 г. и некоторые его уроки для развития современных Вооруженных сил Российской Федерации	246

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важность данной работы состоит в том, что в ней рассматриваются как теоретические, так и прикладные вопросы национальной безопасности России и международной безопасности.

Большое значение имеет представленная автором новая редакция разработки проблем обеспечения стратегической стабильности, подчеркивается огромная роль усилий в этой области для обеспечения национальной безопасности России. Здесь особо следует отметить важность тезиса академика А.А. Кокошина о необходимости учета обратных связей между политической и военной стратегией, о том, что в принятии политических решений о применении военной силы обязательно должны учитываться сугубо военные факторы, мнения, оценки военных профессионалов.

Проблеме принятия важнейших решений в области обороны посвящена специальная глава данной книги «О решении в стратегическом управлении в военной сфере». В нашей стране А.А. Кокошин является едва ли не единственным автором, успешно сочетающим теоретическую и прикладную разработку этой исключительно важной и сложной темы.

А.А. Кокошин справедливо отмечает, что решение — это своего рода фокальная точка всего управленческого процесса. Соответственно фокальной точкой стратегического управления является стратегическое решение. Стратегические решения в области обороны, утверждает автор, оказывают воздействие на крупномасштабные процессы, на исход войны, на судьбу отдельных государственных руководителей, высшего командования вооруженных сил, а в конечном счете, в зависимости от масштаба войны, на судьбу страны и народа в целом. С глубоким знанием дела он пишет о том, что в большинстве своем решения по военным вопросам принимаются при отсутствии всей полноты информации. Но, подчеркивает А.А. Кокошин, «ее компенсирует опыт руководителей, опыт аппарата, наличие сильной

институциональной памяти, воображение, основанное на глубоких знаниях предмета».

Вообще к теме *институциональной памяти* А.А. Кокошин обращается регулярно в своих работах по проблемам управления. С сожалением можно констатировать, что у нас нередко забывают об этой исключительно важной управленческой категории, производя многочисленные структурные изменения в аппарате, увольняя при этом ценнейшие опытные кадры, обладающие институциональной памятью.

А.А. Кокошин демонстрирует весьма реалистический взгляд на механизм принятия решений, говоря о том, что принятие решений на войне — сложный мыслительный процесс с активным вторжением эмоций, всякого рода случайностей, несуразностей, нарушающих стройную формализованную логику.

Весьма полезной с практической точки зрения является предлагаемая А.А. Кокошиным классификация ситуаций, в которых принимаются стратегические решения: в мирное время в относительно спокойной военно-политической обстановке; в период обострения международной обстановки; в момент возникновения острого кризиса; в явно предвоенный период, когда дело уже почти наверняка идет к войне, но пушки еще не заговорили; и наконец, собственно в ситуации военного времени.

А.А. Кокошину, занимавшему на протяжении ряда лет крупные посты в системе государственного управления (руководства) нашей страны, приходилось часто иметь дело с различными разведанными по вопросам обороны и национальной безопасности, координировать усилия отечественных разведслужб по ряду направлений. Соответственно он оценивает роль разведки в системе стратегического управления в этих областях с точки зрения *потребителя* разведанных, с позиций лица, принимающего политические и политико-военные решения. Автор рассматривает политическую и военную внешнюю разведку как весьма важные органы.

Нельзя не отметить, что в отечественной литературе, отечественной политологии, военной науке это едва ли не единственный случай такого подхода к столь важной теме. Заслуга автора состоит именно в том, что эту проблему он рассматри-

вает с большим знанием дела, с учетом различных конкретно-исторических ситуаций именно в ракурсе государственного управления. «Концентрация усилий разведывательной деятельности прежде всего на обеспечении высшего руководства информацией, необходимой для принятия решений, самоочевидна и происходит едва ли не автоматически, но это только на первый взгляд», — пишет А.А. Кокошин.

Далее автор отмечает, что «в годы “холодной войны” все больше усилий у разведслужб обеих сверхдержав уходило на противоборство друг с другом, на получение максимально возможной информации о деятельности разведки (и контрразведки) другой стороны. Результаты в этой сфере деятельности ценились особенно высоко “по обе стороны баррикад”, что вполне понятно хотя бы в силу повышенной рискованности и сложности проведения соответствующих операций».

В то же время А.А. Кокошин правомерно утверждает: «При всей важности нацеленности разведки на такую деятельность, на такую информацию она далеко не всегда является наиболее важной с точки зрения интересов стратегического управления». Существенно, впрочем, замечание автора о том, что «исключение составляет, разумеется, информация о деятельности разведслужбы другой стороны, направленной на изменение политической или политико-военной ситуации в той или иной стране мира, представляющей для данного государства жизненно важный интерес».

Вопросы обеспечения стратегической стабильности обоснованно рассматриваются автором как в ее ядерном, так и в неядерном измерении. А.А. Кокошин исследует эти вопросы в определенном историческом контексте, начиная, по крайней мере, с 1960-х годов. Автор известен тем, что ряд своих принципиально важных работ по проблемам стратегической стабильности он «произвел» на свет (с различными уровнями открытости и секретности) еще в 1980-е годы. Эти работы сохраняют свою актуальность и по сей день. В предлагаемой вниманию читателя книге А.А. Кокошин представляет свое современное видение данной проблемы, ее различных политико-военных, оперативно-стратегических и научно-технических аспектов. Он

справедливо пишет о том, что «главным аспектом стабильности является наличие некоего потенциального барьера, преодоление которого в результате внешних возмущений означало бы переход военно-стратегической «суперсистемы» в новое качественное состояние — от взаимодействий, характерных для мирного времени, к взаимодействию, определяемому принципиально отличной военной логикой, логикой, ведущей к ядерной, стратегической войне».

Автор отмечает, что «понятия *равновесие* и *стабильность*, прежде отражавшие по сути одно и то же состояние стратегического соотношения сил сторон ...стали все заметнее расходиться в своем значении». По его словам, «термин *равновесие* скорее отражает количественные параметры существующей ядерной «суперсистемы», тогда как понятие *стабильность* характеризует ее качественное содержание. Ведь равновесие может быть устойчивым, а может быть и неустойчивым».

Во многих своих работах по политико-военной и военно-стратегической проблематике А.А. Кокошин не раз обращался к теме *асимметричности* как важному способу оптимизации усилий по обеспечению обороноспособности нашей страны в условиях ограниченности имеющихся ресурсов. В данном труде он пишет: «Задача поддержания военно-стратегического равновесия с учетом существующего потенциала ракетно-ядерных вооружений *не предполагает обязательного поддержания точного симметричного равенства сил сторон по числу носителей боевых блоков и бомб (их совокупному “мегатоннажу”), по забрасываемому (выводимому) весу*». Автор обоснованно констатирует: «Огромная разрушительная сила ядерного оружия до определенных пределов нивелирует различия в размерах арсеналов сторон, в технических характеристиках отдельных компонентов их стратегических сил».

Полной поддержки заслуживает позиция А.А. Кокошина о том, что нам ни в коем случае нельзя отказываться от нестратегического ядерного оружия.

Для надежного обеспечения стратегической стабильности автор предлагает осуществить комплекс мер неядерного (предъядерного) сдерживания с использованием высокоточ-

ного дальнобойного оружия с обычными боезарядами либо с использованием средств на новых физических принципах. Конкретно обращается внимание на использование крылатых ракет воздушного и морского базирования. Убедительна логика комментируемого труда относительно того, что неядерное сдерживание — это очень важное средство предотвращения эскалационного доминирования «оппонента» в условиях острой кризисной ситуации.

На сегодняшний день А.А. Кокошин является едва ли не единственным в нашей стране ученым, государственным и военным деятелем, который разрабатывает тему эскалационного доминирования. Думается, что ей надо уделять больше внимания в военно-политических разработках и разработках сугубо военного плана. Проблема предотвращения эскалационного доминирования — это тема для военно-доктринальных установок, для стратегии национальной безопасности России, для конкретных планов применения Вооруженных сил РФ.

Весьма логичным представляется включение в книгу глав, посвященных исключительно важным моментам в отечественной и мировой политико-военной и военной истории.

Острейший в послевоенной мировой истории Карибский кризис 1962 г. рассматривается А.А. Кокошиным в контексте проблемы стратегической стабильности в прошлом и настоящем. Раскрытие сути Карибского кризиса именно в таком контексте дополнительно подчеркивает, что эта тема не только представляет большой исторический интерес, но и весьма актуальна в наше время, когда появляются новые вызовы и угрозы стратегической стабильности.

А.А. Кокошин в числе немногих авторов обращает внимание на то, что Карибский кризис высветил, в частности, проблему несанкционированного применения ядерного оружия. Вооруженные силы обеих сторон были приведены к высоким степеням боеготовности. Но такие шаги, оправданные с сугубо военной точки зрения и служащие средством оказания политического воздействия на оппонента, неизбежно вели и к повышению вероятности случайного и несанкционированного использования оружия, в том числе ядерного. В то же время меры,

обеспечивающие предотвращение такого развития событий, как отмечает автор, «надежнее, как правило, работают в условиях невысокого уровня политико-военной напряженности».

Академик А.А. Кокошин вполне оправданно уделяет большое внимание формулированию уроков Карибского кризиса в плане обеспечения эффективного управления в кризисных ситуациях. Заметим, эти уроки поучительны для нынешнего поколения государственных и военных руководителей.

Автор последовательно проводит мысль о неразрывной взаимосвязи военных и политических аспектов решений по международным вопросам. Он справедливо подчеркивает, что чисто военные меры должны дополняться продуманными шагами во внешнеполитической, дипломатической сфере.

Размышления А.А. Кокошина о некоторых уроках июня 1941 г. поучительны для решения современных проблем строительства Вооруженных сил России.

В этом смысле, безусловно, необходимо обратить внимание на проблемы обеспечения средствами связи, ее организации и в целом роли связи в боевом управлении: на протяжении десятилетий после Второй мировой войны в наших войсках не раз возникали проблемы обеспечения средствами связи.

Выступая 27 февраля 2013 г. на Расширенной коллегии Министерства обороны Российской Федерации, Президент России — Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Российской Федерации В.В. Путин отметил, что в ходе предстоящих крупных учений ВС РФ необходимо в том числе «проверить работу систем управления войсками и координацию действий частей и соединений, что особенно важно, имея в виду наши проблемы, касающиеся связи»¹. Далее В.В. Путин добавил: «На это прошу обратить особое внимание»².

Разумеется, в современных условиях проблемы связи, управления в целом следует в значительной мере рассматри-

---

¹ Расширенная коллегия Министерства обороны Российской Федерации. 27.02.2013. См.: Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/новости/17588>

² Там же.

вать в контексте борьбы в киберпространстве, ведения «кибервойн», как в военное, так и в мирное время.

Итак, предлагаемый вниманию читателей труд представляет большой научный и практический интерес. Тем более что автор его известен и как один из крупнейших отечественных ученых, и как государственный и военный деятель России, внесший очень весомый вклад в укрепление обороноспособности нашей страны, ее национальной безопасности.

Ю.Н. Балувеский,

генерал армии в отставке, бывший начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ — первый заместитель министра обороны РФ, бывший заместитель секретаря Совета Безопасности РФ

В.П. Володин,

генерал-лейтенант в отставке, к.в.н., бывший председатель Военно-научного комитета Генерального штаба Вооруженных сил РФ

В.Я. Потапов

генерал-полковник в отставке, бывший заместитель секретаря Совета Безопасности РФ

Глава 1

ПОЛИТИКА И ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ¹

Вопросы взаимовлияния и взаимодействия политики и военной стратегии продолжают оставаться чрезвычайно актуальными как с научной, так и с практической точки зрения. Они имеют, в частности, прямое отношение к стратегическому управлению (руководству) в сфере национальной обороны. Это относится и к внешней политике, которая в значительной мере должна опираться на военную мощь государства, в том числе на возможности ее использования в той или иной конфликтной или кризисной ситуации.

Очевидно, что данные вопросы не могут рассматриваться исключительно в рамках военной теории или истории военного искусства. Это, безусловно, комплексная тема, требующая работы на стыке социологии, политологии, различных исторических дисциплин и, наконец, собственно военного дела.

* * *

Наиболее известная формула Клаузевица о соотношении политики и войны гласит: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами». Это едва ли не центральная часть учения Клаузевица о войне, на

---

¹ Данная глава является развитием разработок автора, представленных прежде всего в таких книгах, как «Армия и политика. Эволюция советской военно-политической и военно-стратегической мысли, 1918–1991 годы», «Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России», «Политология и социология военной стратегии».

которой прежде всего сосредоточено внимание политиков, ученых, военных².

С тех пор как был опубликован ставший каноническим труд Клаузевица «О войне», содержащий приведенную формулу, прошло уже более 160 лет, но несмотря на это практически никто не смог опровергнуть его общие положения³.

В то же время попытки различной интерпретации и детализации формулы Клаузевица предпринимались постоянно, предпринимаются и поныне. Ее осмысление, как правило, имеет значение, выходящее далеко за рамки интеллектуальных упражнений узкой группы посвященных. Те или иные нюансы, явно или неявно отраженные в этой формуле, играют огромную роль в стратегическом управлении (руководстве), в судьбе любой военной кампании или войны. А если речь идет о войне с крупномасштабными политическими целями (и соответствующим размахом боевых действий), — то и в судьбе страны. Строго выверенные теоретические положения помогают достичь оптимального характера взаимоотношений между политическим руководством стран и военным командованием в высшем стратегическом звене управления; они позволяют установить подобные отношения и во всех последующих звеньях. Именно формула Клаузевица дает возможность очертить сферу ответственности гражданских политических руководи-

---

² Важное замечание на этот счет сделал в начале 1920-х годов председатель Реввоенсовета РСФСР, наркомвоенмор Л.Д. Троцкий: «Война есть продолжение политики: кто хочет понять “продолжение”, тот должен уяснить себе, что ему предшествует. Но продолжение “другими средствами” значит: недостаточно быть ориентированным в политике, чтобы тем самым уже правильно оценивать “другие средства войны”» (цит. по: *Кишин Ю.Я.* Лев Троцкий — военный теоретик. Клинцы: Изд-во Клиновской городской типографии, 2003. С. 29).

³ Между тем ряд авторов справедливо обращают внимание на изменившийся со времен Клаузевица характер самой политики. Генерал армии В.Н. Лобов, например, пишет: «В наши дни политика стала одной из самых ярких форм общественного сознания. В условиях широкого развития новейших форм и средств коммуникаций и средств связи политика осознается как приоритетная социальная ценность» (*Лобов В.Н.* Очерки истории отечественных военных реформ. М.: Абизо, 1995. С. 141).

телей, а также военных профессионалов, призванных реализовывать политические установки в планах стратегических действий, в планах подготовки и проведения операций и даже в тактике, определить военные способы достижения конкретных политических целей.

На основе формулы Клаузевица видным советским военачальником и государственным деятелем М.В. Фрунзе было разработано отечественное учение о военной доктрине, которую Фрунзе подразделял на две основные части — политическую и «техническую». Под «технической» он подразумевал характер боевой подготовки войск, методы решения боевых задач на уровне стратегии, оперативного искусства, тактики, организационные основы строительства Красной Армии. В политической же части военной доктрины, считал Фрунзе, должен определяться «характер военных задач», «момент зависимости и связи технического строительства вооруженных сил с общим строем государственной жизни»⁴.

Формулой Клаузевица и определяется наиболее ярко и многозначно характер взаимоотношений между политической и военной стратегией.

До Клаузевица в теоретических и прикладных трудах европейских авторов по вопросам войн и военного искусства господствовали совершенно иные взгляды на войну. При этом даже у таких канонических авторов, как Т. Гоббс и Ш. Монтескье, которых сегодня назвали бы «политологами», размышления о войне («о войне и мире»), лежат совсем в другой плоскости, нежели у Клаузевица.

Примером такого рода размышлений может служить и определение войны, которое дал в своих «Записках» Р. Монте-

---

⁴ Единая военная доктрина и Красная Армия // Фрунзе М.В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1957. Т. 2. С. 7–8. О военной доктрине М.В. Фрунзе см.: *Гареев М.А.* Фрунзе — военный теоретик. М.: Воениздат, 1985. С. 105–133; *Кокошин А.А.* О предмете военной доктрины: дебаты 1920-х гг. «О единой военной доктрине» и их некоторые уроки // Воин содружества. 1998. № 6. С. 28–29; *Он же.* Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. 1918–1991 годы. М.: ИМО, 1995. С. 34–36.

кукколи. Этот весьма авторитетный в XVII в. военный теоретик, чьи труды почитались и в XVIII в., полководец, одержавший немало побед над шведскими и турецкими войсками, писал, что «война есть действие между собой различными способами воюющих армий; а обоих намерение к получению победы клонится»⁵.

Видный российский военный теоретик и историк, профессор Николаевской академии Генерального штаба Г.А. Леер, творивший на несколько десятилетий позднее Клаузевица, в своем главном труде приводит формулу, подобную той, что дал прусский военный писатель, но с весьма существенной оговоркой, что война есть *крайнее средство* политики: «Война является в виде одного из средств и притом крайнего средства в руках политики для достижения государственных целей». Тут же Леер добавляет, что война «есть спор о праве между государствами, рассматриваемыми как политические силы»⁶.

Леер, в отличие от Клаузевица, не углублялся далее в соотношения между политикой и войной, но пытался доказать, что в современных для него условиях «война есть явление весьма естественное в жизни народов»; она, хотя и имеет свою «широкую злую сторону», но «в конце концов, при благоразумном орудовании этим средством является одним из самых быстрых и могущественных цивилизаторов человечества»⁷.

Такого рода взгляды на войну были весьма распространены в Европе вплоть до Первой мировой войны, которая масштабами насилия и разрушений превзошла все предположения подавляющего большинства политиков и профессиональных военных и заставила международное сообщество поновому взглянуть на роль войны в развитии мировой цивилизации (что, увы, не предотвратило Вторую мировую войну, еще более разрушительную и жестокую).

---

⁵ Записки Раймунда графа Монтекукколи Генералиссима Цесарских Войск, генерала-фельдцейгмейстера и кавалера Златаго Руна, или Главныя правила военной науки, вообще. Печатано при Императорском Московском университете. 1760 года / пер. с фр. Я.С. Семченкова. Т/О «НЕФОРМАТ»; Accent Graphics Communications, 2012. С. 2–3.

⁶ *Леер Г.* Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (Положительная стратегия). СПб., 1869. С. 1.

⁷ Там же. С. 3.

Многие видные мыслители, политические и военные деятели рассматривали книгу «О войне» не просто как специальный трактат на военную тему, а как цельный философский труд. Таким его, в частности, видели Ф. Энгельс и В.И. Ленин⁸. Последний самым тщательным образом в ходе Первой мировой войны проштудировал этот труд Клаузевица, оставив множество выписок из него и пометок⁹.

Заслуживают внимания и оценки Клаузевица И.В. Сталиным, сделанные после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Эти оценки значительно менее известны, нежели то, что писали о Клаузевице Энгельс и Ленин. Клаузевицу посвятил Сталин свой ответ известному советскому военному историку полковнику Разину (от 23 февраля 1946 г.; он был опубликован в № 3 журнала «Большевик» за 1947 г.).

Разин в письме Сталину спрашивал, не устарели ли положения Ленина в оценке Клаузевица. Он пишет, что вопрос поставлен неверно. Сталин отмечает, что «в отличие от Энгельса, Ленин не считал себя знатоком военного дела», причем «вплоть до окончания гражданской войны», что он заявлял своим более молодым товарищам по руководству большевистской партии и советского государства, что «ему уже поздно из-

---

⁸ В 1933 г. вышло специальное издание, содержащее размышления В.И. Ленина о труде Клаузевица. См.: *Ленин В.И.* Замечания на книгу Клаузевица «О войне и ведении войн». М.: Партиздат, 1933.

⁹ «Война есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами». «Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам Клаузевицу», — писал В.И. Ленин в своем труде «Социализм и война» в 1915 г. (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1961. Т. 26. С. 316). В другой, несколько более ранней работе «Крах II Интернационала» Ленин оценил Клаузевица практически идентично: «В применении к войнам основное положение диалектики... состоит в том, что *“война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами”*. Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, *каждую* войну рассматривавших как продолжение политики данных заинтересованных держав — и разных *классов* внутри них — в данное время» (Там же. С. 224).

учать военное дело». Этим Сталин объясняет своей аудитории, что «Ленин подходил к трудам Клаузевица не как военный, а как политик»¹⁰.

Не опровергая высокую оценку, которую давал Ленин канонической формуле Клаузевица о примате политики над войной, Сталин пишет о том, что надо критиковать «военную доктрину Клаузевица», что «мы обязаны с точки зрения интересов нашего дела и военной науки нашего времени раскритиковать не только Клаузевица, но и Мольтке, Шлиффена, Людендорфа, Кейтеля и других носителей военной идеологии Германии»¹¹. При этом Сталин призывает к тому, чтобы покончить с «незаслуженным уважением» к «военным авторитетам Германии», для чего «нужна критика, особенно с нашей стороны, со стороны победителей Германии»¹².

Как вспоминали многие ветераны — представители отечественной военной науки, это высказывание Сталина практически поставило крест на сколько-нибудь серьезном изучении сильных сторон военного искусства нацистской Германии, в том числе оперативного искусства вермахта в целом и его отдельных видов, в частности ВВС — люфтваффе. А здесь германской стороной не раз демонстрировались крупные, даже экстраординарные результаты, которые вели к тяжелым поражениям Красной Армии, к крупным потерям.

Клаузевиц, воспитанный на идеях и логике Макиавелли, Канта, Монтескье, как отмечают ряд отечественных авторов, вместе с тем непосредственно опирался на диалектику Гегеля, применяя ее в качестве базовой методологии¹³.

Одна из важнейших конкретно-исторических работ Клаузевица, предшествовавших труду «О войне», — книга

---

¹⁰ *Сталин И.В.* Ответ товарищу Разину. URL: www.politology.vuzlib.org (дата обращения: 18.12.2012).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ См.: От редакции // Клаузевиц. О войне. 4-е изд. М.: Госвоениздат, 1937. Т. I. С. 8. Автором этого предисловия авторитетные отечественные ученые называют А.А. Свечина.

«1812 год». (В нашей стране она впервые увидела свет в 1937 г., прежде всего усилиями А.А. Свечина, и была переиздана только в 2003 г.) Основные теоретические выводы Клаузевица опираются в первую очередь на его собственный опыт участия в войне 1812 г.¹⁴, в которой Россия нанесла тяжелейшее поражение наполеоновской Франции. Между работами «1812 год» и «О войне» прослеживается определенная связь, прежде всего в вопросах об установлении соотношения политики и военной стратегии, наступления и обороны, о форме и сути оперативного маневрирования, о сути стратегического истощения и др. В труде «О войне» можно найти 37 ссылок на опыт войны 1812 г.¹⁵

Еще в молодости Клаузевиц изучил историю походов шведского короля Густава II Адольфа в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг.; позднее он дал стратегическое освещение походам французского военачальника XVII в. Тюренна, французского маршала XVII в. герцога Люксембурга, польского полководца и короля Яна Собеского, российского генерал-фельдмаршала (с 1732 г.) Б. Миниха, Фридриха Великого, Фердинанда Брауншвейгского и подошел к изучению войн эпохи Наполеона, на которых он остановился значительно подробнее. Кампания Наполеона 1796 г. в Италии, походы Суворова 1799 г. в Италии и Швейцарии, кампания 1806 г. в Пруссии, поход Наполеона в Россию в 1812 г., война за освобождение Германии 1813–1815 гг. — вот темы, которые детально исследовал этот выдающийся ученый.

Деятельность Клаузевица, проанализировавшего более чем 200-летний военный опыт, — едва ли не самый поучительный пример того, какую роль играет изучение военной истории для выработки военной теории, глубоких оценок современности и предвидений, для разработки проблем военной науки.

---

¹⁴ В войне 1812 г. К. Клаузевиц принадлежал к той небольшой, но очень активной группе патриотически настроенных прусских офицеров генерального штаба, которые эмигрировали в Россию для того, чтобы под русскими знаменами продолжать борьбу с Наполеоном, в 1806 г. разгромившим Пруссию.

¹⁵ См.: *Клаузевиц К. 1812 год* / пер. с нем. М.: Госвоениздат, 1937.

М.В. Фрунзе подчеркивал, что «простое историческое описание военных событий — это, по существу, лишь сырой материал». Он справедливо указывал, что, «только изучая детально всю обстановку борьбы, выясняя условия, в которых зарождалась, развивалась и проходила каждая операция, выявляя влияние самых разнообразных, иногда совершенно скрытых факторов, мы сможем верно судить о событиях, делать оценки и выводы...»¹⁶.

Профессор Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-майор И.С. Даниленко пишет о военной науке следующее: «Военная наука начала формироваться и получила “права гражданства”, то есть признание общества и государства в конце XVIII века. С этого времени почти во всех странах активно идет процесс “обнаучивания” своей и чужой военной практики, анализируется и оценивается военно-политическая ситуация, делаются обобщающие выводы и прогнозы, которые предлагаются государству и обществу для выработки своей позиции, принятия оптимальных решений и действий в меняющихся исторических условиях». Даниленко приводит весьма примечательные оценки военной науки в нашей стране: «Слабостью военной науки оказался преимущественно ведомственный метод ее развития, малая доступность для общественности, сфокусированность ее содержания на проблемах только технологии подготовки и ведения войны и слабая связь с вопросами раскрытия ее природы, социального смысла и целей. Обычно война провозглашалась извечной исторической данностью со времен Адама и Евы, и предполагалось, что конец ее наступит с концом истории. Задачей науки ставился поиск путей победного воевания»¹⁷.

Далее данный автор пишет: «Причиной обособленного, можно даже сказать, некоего сектантского положения военной науки явилась сложившаяся система мирно-военного разделения труда, то есть выделение профессиональной группы людей, которые постоянно занимаются вопросами подготовки и ведения войны, и малое непосредственное участие в решении военных дел остального общества. Такое же разделение труда пришло и

---

¹⁶ Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. М.: Наука, 1991. С. 199.

¹⁷ Даниленко И.С. Классика всегда актуальна // Стратегия в трудах военных классиков. М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003. С. 8.

в науку, в ней военная наука выделилась в особую область. Но разделение общественного труда порождает непростую проблему его интеграции, от решения которой в большой мере зависит эффективность существующей системы разделения труда, в интересах повышения которой она и осуществляется. Применительно к мирно-военному ходу исторического процесса проблемы разделения и интеграции труда оказались чрезвычайно сложными и ответственными, в том числе и в научном плане. Была и другая причина замкнутости военной науки: нежелание просвещать вероятного противника, стремление преподнести ему в войне шокирующие сюрпризы»¹⁸.

К сожалению, барьеры между военной наукой и другими областями знания, без которых давно уже невозможно изучать проблемы даже собственно военной стратегии, весьма высоки, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки их преодолеть, которые в ряде случаев давали весьма плодотворные результаты¹⁹.

Роль военно-исторических знаний в научном осмыслении политико-военных и военно-стратегических проблем остается базовой и в современных условиях, когда стремительно изменяется характер войн и вооруженных конфликтов. Как пишет отечественный военный историк С.Н. Михалев в своем капитальном труде по военной стратегии, «уже в прошлом веке значение опыта прошедших хотя бы и недавно войн стремительно устаревает. Не только достижения Наполеона и Мольтке, но и опыт обеих мировых войн стал достоянием истории. Никому в голову не придет ныне извлекать практические советы из сочинений Клаузевица и Жомини, класть в основу замыслов операций схемы Бюлова и эрцгерцога Карла Австрийского». Тем не менее опыт этих войн, труды классиков военного дела, как спра-

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ Многие идеи, касавшиеся проблем, которые лежат на стыке политики и военной стратегии, удалось обсудить, «испытать на прочность» в рамках совместных семинаров группы ученых Академии наук СССР и Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР «Политика и военная стратегия», одним из сопредседателей которых был генерал-майор И.С. Даниленко, а другим — автор данной работы.

ведливо заключает Михалев, необходимо изучать «с целью обретения базы для развития военного мышления»²⁰.

Весьма значительная часть этой базы на многие десятилетия в силу идеологических и политических причин была забыта. Только в последние несколько лет она начинает восстанавливаться — прежде всего за счет возвращения в научный оборот тех трудов, которые издавались в СССР в 1920–1930-е годы.

Возвращаясь к Клаузевицу, следует отметить, что в своих конкретно-исторических трудах он тщательно рассматривал многие детали, в частности анализировал, как принимались решения, какую роль и в каких союзах играли при этом конкретные люди.

Обстоятельные и весьма рельефные характеристики основных действующих лиц в системе стратегического управления — это практически неперменный атрибут работ Клаузевица. Так, в исследовании, посвященном поражению Пруссии в войне с Францией в 1806 г., он дает подробный анализ личных качеств 16 лиц, имевших отношение к руководству войной в Пруссии в этот трагический для нее год. Среди них — не только такие известные деятели, как герцог Карл Брауншвейгский, фельдмаршал Моллиндорф, генерал Рюхль, князь Гогенлоэ, полковник Шарнгорст, но и менее заметные фигуры — граф Гаугвиц, кабинетный советник Ломбард, тайный кабинетный советник Бейме и др.²¹

Позднее в теоретическом труде «О войне» Клаузевиц пишет, что «искры личных отношений», которые пролетают «через любые материальные перегородки», имеют «исключительное значение на войне, где личность деятелей — в кабинете и в поле — играет такую крупную роль»²².

Для любого исследователя это чрезвычайно важный ориентир, который не должен упускаться из виду ни в теоретических, ни в прикладных разработках.

---

²⁰ *Михалев С.Н.* Военная стратегия: подготовка и ведение войн нового и новейшего времени / под ред. В.А. Золотарева. М.: Жуковский: Кучково поле, 2003. С. 27.

²¹ См.: *Клаузевиц К.* 1806 год / пер. с нем. М.: Госвоениздат, 1936. С. 23–48.

²² *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 66.

Чтобы несколько углубиться в рассмотрение связей между политикой и войной, следует вспомнить практически незамеченные определения *собственно войны*, данные Клаузевицем. Война «представляет собой своеобразную троицу», составленную из следующих элементов: «из насилия как первоначально своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт*»; «из игры вероятностей и случайностей, что делает ее *свободной душевной деятельностью*»; «из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она становится достоянием непосредственно *рассудка*»²³.

Далее Клаузевиц пишет, что первая из этих трех сторон «обращена больше к *народу*, вторая — к полководцу и его *войску*, а третья — к правительству»²⁴.

Понятно, почему в нашей стране в советское время это «триадное» определение войны Клаузевица практически не использовалось в научном обиходе: слишком много в нем того, что в то время называлось идеализмом («слепой природный инстинкт», «свободная душевная деятельность»). Война в упрощенно материалистической трактовке рассматривалась почти исключительно как рациональный процесс, как противоборство двух разумов, двух логично действующих организаций, военных машин. Такого рода инерция мысли сохраняется во многом и по сей день.

Между тем история войн учит, что «слепой природный инстинкт» действительно играет огромную роль в ходе реальных военных действий. Нередко они выходят из-под контроля не только высшего государственного руководства, «политики», но и военного командования всех уровней. Это характерно и для внешних, и для «внутренних» войн.

* * *

И Клаузевиц, и наиболее вдумчивые его последователи много внимания уделили вопросу об обратной связи военной

---

²³ Там же. С. 57.

²⁴ Там же.

стратегии, военных средств реализации политики с самой политикой, на что, к сожалению, в отечественной литературе до сих пор обращалось явно недостаточное внимание.

Военная стратегия имеет право «выставлять свои требования к политике»; это относится прежде всего к вопросу о максимально четком формулировании политических целей применения военной силы. Проистекающие из формулы Клаузевица взаимоотношения между государственным политическим руководством и военным командованием и вооруженными силами в целом — это не просто «отношения между всадником и лошадей»; *это набор взаимных встречных обязательств, взаимная ответственность друг перед другом при главенствующей роли политики*. Со своей стороны, высшее военное командование обязано полностью информировать руководство о том, соответствуют ли наличные военные средства поставленным политическим целям. Одним из сложнейших вопросов, как показывает опыт многих войн в мировой истории, является постановка задач для военной стратегии на основе сформулированных государственным руководством политических целей.

К тому же политика — как внешняя, так и внутренняя — может оказаться в ряде своих сегментов средством обеспечения войны, обеспечения благоприятных условий для выполнения военно-стратегических задач²⁵. Это обеспечение

---

²⁵ Здесь можно привести любопытные суждения Е.И. Мартынова, военного историка и теоретика, которому довелось служить в российской императорской армии и в РККА. Он, человек с богатейшей военной и научной биографией, в которой немалую долю составляют и трагические моменты, начал публиковать свои труды еще в конце XIX в. В царской армии Мартынов достиг звания генерал-лейтенанта. Ряд очень важных военно-исторических работ он опубликовал в 1920-е годы, когда служил в РККА. В 1931 г. Мартынов был арестован и заключен в лагерь, но уже летом 1932 г. ему было разрешено вернуться в Москву. Вторично он был арестован в 1937 г. и решением тройки при УНКВД СССР по Московской области приговорен к высшей мере наказания. Постановлением № 5 лс-1764/56 Президиума Московского городского суда от 26 ноября 1956 г. постановление тройки было отменено, и Мартынов был посмертно реабилитирован. См.: *Кавтарадзе А.Г.* Из плеяды известных военных мысли-

телей Отечества // Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003. С. 7–12.

Говоря о политическом обеспечении военной стратегии, Е.И. Мартынов справедливо пишет о том, что это в равной мере относится как к внутренней, так и к внешней политике: «От внутренней политики зависит определить общую численность армии и бюджет военного министерства. В конституционных государствах эти нормы устанавливаются путем пререканий между различными политическими партиями и посредством целого ряда компромиссов, в которые приходится вступать правительству. При таких условиях не всегда бывает легко создать вооруженную силу, нужную для выполнения известной политической задачи». Как замечает Мартынов, «это пришлось испытать Бисмарку в первые годы его деятельности» (Мартынов Е.И. Политика и стратегия. С. 46).

Далее автор пишет, что «в государствах абсолютных вопрос о численности армии и о бюджете военного министерства разрешается без всякого вредного шума, и потому военная система их может получить несравненно более широкое развитие». При этом Мартынов обоснованно отмечает, что «здесь легко погрешить в обратную сторону» (Там же. С. 47).

Мартынов убедительно иллюстрирует эти тезисы одним из наиболее ярких примеров из российской истории: «Так, в эпоху императора Николая I, как известно, все внимание почти целиком было обращено на армию: перед ее интересами отходили на задний план другие нужды государства. И действительно, русская армия пятидесятых годов считалась образцовой в Европе, и только немногие дальновидные люди сомневались в военном могуществе России. Когда в сентябре 1854 года союзники высадили в Крыму около 60 тысяч человек, Россия располагала колоссальной по тому времени армией в 1335 тысяч, но эти силы отчасти охраняли границы, отчасти же были разбросаны внутри страны, и мы не успели их своевременно сосредоточить к угрожаемому пункту — главным образом вследствие отсутствия хороших путей сообщения. Вооружение наших войск значительно отстало от европейского — вследствие слабого развития у нас техники» (Там же. С. 48).

В своей оценке российских Вооруженных сил он идет дальше оценок, касающихся недостатков в развитии коммуникаций и технической оснащенности нашей армии: «Начальствующий персонал оказался не на высоте современных требований. В армии не было инициативы — вследствие того, что в обществе была подавлена личная самостоятельность. Солдат, сурово воспитанный, действовал автоматически, — что отвечало общему крепостному строю». При этом, как отмечает Мартынов, «в деле снабжения войск господствовало хищение — что объясняется отчасти низким умственным и нравственным уровнем тогдашнего общества, отчасти отсутствием гласности» (Там же).

происходит в рамках того, что можно именовать *высшей стратегией*²⁶.

Мартынов делает вполне обоснованное заключение о том, что «в результате армия, на которую тратились громадные средства, оказалась, несмотря на свое геройство, не в силах выдержать борьбу, и величественное здание военного могущества, с такой заботливостью воздвигнутое императором Николаем I, пошатнулось, потому что не имело под собой прочного основания» (Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 48). Эти выводы отечественного мыслителя и военачальника, к сожалению, не были восприняты ни в его время, ни позднее.

Внешняя политика (он ее отождествляет с дипломатией, что не вполне корректно) должна, считает Мартынов, поставить перед военной стратегией посильную цель: «Дипломатия должна взвесить, чего она может достигнуть в известный исторический момент с имеющимися в ее распоряжении средствами. Ошибка в этом направлении — постановка для войны слишком крупной политической цели — может иметь своим последствием то, что стратегия надорвется в непосильной работе» (Там же. С. 43).

Внешняя политика, обоснованно отмечает данный автор, «должна умело эксплуатировать результаты, добытые стратегией». Далее Мартынов пишет: «При исполнении этой последней своей обязанности политике приходится бороться не столько с неприятелем, сопротивление которого уже сломлено оружием, сколько с вмешательством соседних держав. Как бы успешна ни была война, но, во всяком случае, она временно ослабляет государство». Далее он делает весьма глубокое замечание о том, что «вслед за страшным напряжением всех сил наступает период материального и нравственного изнурения». И «этим периодом временной слабости могут воспользоваться соседние государства и, под предлогом посредничества вмешавшись в мирные переговоры, отнять у победителя плоды его успехов. Много удачных войн было таким образом сведено на нет, не принеся ничего, кроме военного блеска и материальных потерь. Извлечь из успехов, одержанных стратегией, наибольшую пользу составляет венец дипломатического искусства, без которого теряют смысл все подготовительные труды» (Там же. С. 49).

²⁶ В отечественной традиции активно используется понятие *военная политика*. С.Н. Михалев, в частности, пишет, что «в соответствии с определением войны как политического акта выстраивается ряд мероприятий по подготовке и ведению ее. Предпринимаемые государством (орудием политической власти), эти мероприятия составляют содержание *военной политики*». Эти мероприятия включают: «определение целей и задач применения средств вооруженного насилия (вооруженной борьбы), обеспечение безопасности и организацию защиты страны, мобили-

Высшая стратегия — это категория более высокого и многопланового уровня, нежели военная стратегия²⁷. Под высшей стратегией можно подразумевать целенаправленную деятель-

зацию всех сил ее — материальных ресурсов и духовных возможностей народа — на достижение поставленной политической цели; выбор и приобретение на этом пути союзников и создание военно-политических блоков (коалиций); наконец, усилия по внешнеполитической изоляции противника». Далее автор пишет (со ссылкой на Б.Н. Каневского): «Военная политика — составная часть общей политики государства, понимаемой как совокупная деятельность его учреждений по управлению страной, — находится в неразрывной связи со всеми остальными аспектами, охватывающими сферы экономики, идеологии, культуры; она проникает во все поры жизни общества, оказывая прямое влияние на распределение материальных ресурсов страны, на выбор приоритетов в развитии науки и техники, на уровень жизни населения, на воспитание вступающего в жизнь поколения» (см.: *Михалев С.Н.* Указ. соч. С. 25). Данное определение военной политики заслуживает внимания, однако в целом, как представляется, оно носит скорее общефилософский, нежели операционный характер.

Несколько иное определение военной политики приводится в «Военном энциклопедическом словаре»: «Военная политика, составная часть общей политики классов, государств, партий и других социально-политических институтов, непосредственно связана с созданием военной организации, подготовкой и применением средств вооруженного насилия для достижения политических целей. Военная политика государств конкретизируется в их военных доктринах, военной стратегии и в практике военного строительства. Опирается на оценку своих сил и сил вероятных противников, потенциалов, составляющих военную мощь государства, и факторов, решающих ход и исход войны. Важное место в военной политике занимают проблемы создания, укрепления и совершенствования военной организации, технического оснащения Вооруженных сил, определения перспектив развития военной техники, мобилизационных возможностей государства, подготовки военно-обученных резервов, а в случае необходимости — их мобилизационного развертывания» (Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 137).

²⁷ М.В. Фрунзе писал, что «государство должно заранее определить характер общей и, в частности, военной политики, наметить соответственно с нею возможные объекты своих военных устремлений, выработать и установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии» (*Фрунзе М.В.* Избранные произведения. Т. 2. С. 6).

ность государства во время войны (и в период подготовки к ней) по наиболее эффективному использованию всех компонентов его мощи для достижения победы²⁸. Высшая стратегия включает не только собственно применение военной мощи, вооруженных сил ради победы, но и дипломатию, экономическое принуждение (включая разные формы экономической блокады), разведывательно-диверсионные операции, многоплановое пропагандистско-психологическое воздействие, используемое для обеспечения победы в войне, мобилизацию в необходимых масштабах и формах национальной промышленности и трудовых ресурсов и т.п.²⁹

---

²⁸ Первые зачатки идеи высшей стратегии можно обнаружить, в частности, в уже упоминавшемся византийском «Стратегиконе Маврикия» — трактате VI в. н.э. В нем автор ведет речь не о «чистых» военных стратагемах, а о целом комплексе мероприятий, в которых дипломатия, в частности, становится одним из орудий достижения успеха. См.: Кучма В.В. Военное искусство // Культура Византии IV — первой половины VII в. / отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1984. С. 399.

²⁹ В конце 1920-х годов М.Н. Тухачевский начал разработку понятия «полюмостратегия», во многом созвучного по духу понятию «высшая стратегия». Под «полюмостратегией» Тухачевский понимал учение о сущности, методах и способах подготовки к войне, о путях и способах наиболее целесообразного использования всех сил и средств государства для достижения победы. Тухачевский исходил из того, что Верховное главнокомандование, руководящее войной в целом, не может опираться только на классическую военную стратегию, «чистую стратегию» старого типа; отсюда он выводил потребность в новой, высшей стратегии. Идея «полюмостратегии» в СССР, однако, не нашла сколько-нибудь широкой поддержки. Некоторые критики в попытке Тухачевского конструировать «полюмостратегию» усмотрели стремление не столько подчинить военную стратегию политике, сколько «подтянуть» политику к стратегии. См. подробнее: Кокошин А.А. Армия и политика. С. 46.

Примерно в то же самое время в Великобритании на основе непосредственного опыта Первой мировой войны, потребовавшей беспрецедентных по масштабам усилий общества и государства для достижения победы, разрабатывалась концепция «большой стратегии». Позднее (в 1935 г.) категория «большой стратегии» вошла в английский Полевой устав. См.: Ржешевский О.А. Предисловие // Говард М. Большая стратегия / пер. с англ. Ю.А. Неподаева, Б.И. Павлова, Ю.М. Щебенкова; под ред. О.А. Ржешевского. М.: Воениздат, 1980. С. 5.

Особого внимания в современных условиях заслуживают вопросы политико-пропагандистской подготовки войны и ее обеспечения³⁰. Можно сказать, что значение этого фактора возрастает чуть ли не по экспоненте. При этом следует различать несколько объектов такого воздействия: собственные граждане³¹, собственные вооруженные силы, население страны-противника, ее вооруженные силы и другие «силовые структуры», союзные страны, нейтральные страны³². Огромную роль играет заблаговременное завоевание необходимых позиций в международном информационном пространстве.

Особое значение этого фактора отмечалось еще в китайском трактате Сунь-Цзы по военному искусству конца VI — начала V в. до н.э. В этом трактате определяется пять явлений, которые кладутся в основу войны. Первым из них Сунь-Цзы называет «путь»: «Путь — это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним жить, когда он не знает страха и сомнения»³³.

---

³⁰ При вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. не была осуществлена политико-пропагандистская подготовка ни собственного населения, ни мирового общественного мнения. Как обоснованно пишет генерал армии В.И. Варенников, «наше политическое руководство не воспользовалось главным оружием — информацией... Мы... действовали тихой сапой, и это было ошибкой. Против СССР развернули информационную войну, которая обернулась для нас тяжкими последствиями». См.: *Варенников В.И.* Афганский вопрос останется в истории // Военно-промышленный курьер. 2004. № 5 (22). 11–17 февр. С. 3.

³¹ Можно с большой степенью уверенности считать, что США проиграли в 1960-е годы войну во Вьетнаме в значительной степени из-за того, что на определенном этапе война лишилась поддержки большей части населения в собственной стране, чему в немалой степени способствовали ряд органов американских СМИ, которые освещали эту войну совсем в ином духе, нежели официальные власти.

³² Весьма важным в этом отношении является опыт работы соответствующих структур в СССР в годы Великой Отечественной войны: Совинформбюро, ТАСС, Советского бюро военно-политической пропаганды. См.: *Волковский Н.Л.* История информационных войн. СПб.: Полигон, 2003. Ч. 2. С. 365–431.

³³ *Конрад Н.И.* Синология (Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве). М.: Наука, 1977. С. 26.

Очевидно, что в обеспечении политико-пропагандистской подготовки войны и в соответствующем обеспечении собственно боевых действий должны играть важную роль как гражданские, так и военные органы и спецслужбы³⁴. При этом решающее значение имеет подготовка собственного общественного мнения к войне (впрочем, в современных условиях это относится и к любым видам применения военной силы).

Клаузевиц считал, что *действие политических факторов не прекращается с началом боевых действий*. Говоря об особенностях войны, он отмечал: «То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств». Продолжая эту мысль, Клаузевиц подчеркивал, что у военного командования есть свои особые права в отношении политиков и политики. «Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае, — пишет он, — вправе требовать, чтобы направление и намерение политики не вступали в противоречие с военными методами». При этом, отмечает Клаузевиц, «данное требование отнюдь не является незначительным». Однако и оно «не должно ни в коем случае отменять доминирование политики. Сколько бы сильно ни сказывалось влияние этого требования на намерения политики, все же это воздействие следует мыслить только как видоизменяющее их, ибо политическое намерение является целью, война же — только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели»³⁵.

---

³⁴ Примечательно, что в одном из канонических китайских трактатов по военному искусству и военной науке («Шесть секретных учений Тай Гуна»), в частности, говорится о «двенадцати правилах гражданского наступления» в случае ведения войны. Эти правила включают, например, тайный подкуп помощников правителя страны-противника, лесть, превознесение и восхваление его самого: «Преувеличивай его достоинства; будь первым, кто с почтением возносит его, смиренно провозглашает его совершенно мудрым. Тогда в его государстве будут великие потери!» Тай-Гун также рекомендует поддерживать «его беспутных чиновников».

Что касается разработки собственно военной стратегии, то по древнекитайскому учению она должна осуществляться максимально скрытно и наиболее умными военными профессионалами («скрытно собери мудрых воинов и доверь им составление великой стратегии»). См.: У-Цзин. Семь военных канонов древнего Китая / пер. с англ. СПб.: Евразия, 1998. С. 55–56.

³⁵ Клаузевиц К. О войне. Т. 1. С. 55–56.

Клаузевиц прогнозирует, что стало бы с войной, если бы, «бросив политику и совершенно от нее освободившись, война устремилась бы своим независимым путем». В таком случае война стала бы «взорванной миной», она «распространила бы разрушение соответственно своему начальному устройству, не подчиняясь никаким последующим влияниям».

Словно опасаясь быть непонятым, этот выдающийся немецкий теоретик раз за разом, вновь и вновь подчеркивал, что ни при каких условиях не должно мыслить «войну как нечто самостоятельное». Клаузевиц, возвращаясь снова и снова к вопросу о господстве политики над войной, словно предчувствовал, что у него найдутся «последователи», которые будут искажать это положение, выдвигать прямо противоположные идеи.

Его опасения, как показала последующая германская история (и не только германская), полностью подтвердились в ходе Первой мировой войны, когда в определенный момент политика стала подчиняться военной стратегии, когда все руководство страной оказалось в руках генерального штаба во главе с Гинденбургом и Людендорфом.

* * *

В истории случается, писал Клаузевиц, что «политика ошибочно ожидает от применения некоторых боевых средств и мероприятий несоответственного их природе действия». К тому же политика, не знакомая с вопросами военной стратегии, оперативного искусства, «может поставить задачи (перед военными. — *А.К.*), не соответствующие ее собственным намерениям»³⁶. Последнее в истории имело место множество раз; в силу этого, осторожно замечает Клаузевиц, «политические вожди не должны быть чужды известному пониманию военного дела»³⁷. Замечание, не вызывающее никакого сомнения в свете нашего нынешнего положения, а также осмысления трагического для России опыта Первой мировой войны, Великой Оте-

---

³⁶ Там же. Т. 2. С. 380.

³⁷ Там же.

чественной войны, Афганской войны, «первой чеченской кампании» 1990-х годов³⁸.

Что же подразумевать под «известным пониманием военного дела»? Это очень и очень непростая тема для политика, государственного руководителя. Определить объем знаний, которыми должен обладать ответственный политик в военной сфере, — одна из важнейших задач для специалистов в области государственного управления и в области военной стратегии³⁹.

Сегодня границы этого «поля» (как, впрочем, и любой другой сферы общественной деятельности) расширились по сравнению со временем Клаузевица до невообразимых размеров. Принятие решений в области обороны, в сфере военной стратегии, как отмечалось, уже давно не просто отдача приказов на применение вооруженных сил в той или иной форме или в тех или иных масштабах. Это и принятие решений по конкретным военно-экономическим и военно-техническим вопросам, тре-

---

³⁸ Государственные руководители (и их аппарат) обязаны не только быть сведущими в том, какими военными средствами может быть достигнут тот или иной военно-стратегический результат, но и иметь представление об основных компонентах механизма выработки и принятия военно-стратегических решений и механизма их реализации — в духе того, что Клаузевиц называл «трением войны».

³⁹ Среди государственных и политических руководителей XX в., систематически работавших над военными вопросами, над проблемами войны как продолжения политики иными средствами, можно отметить китайского лидера Мао Цзэдуна, теоретическое наследие которого в этой сфере остается важным элементом подготовки как гражданских государственных руководителей, связанных с обеспечением обороноспособности Китая, так и военного командования Народно-освободительной армии КНР. Анализ теоретических работ Мао Цзэдуна, его цикла лекций по политико-военной тематике говорит о том, что он в своих разработках опирался и на китайскую традицию (восходящую, как считают ряд исследователей, едва ли не ко II тысячелетию до н.э.), и на европейскую мысль XIX и XX вв. В его трудах можно увидеть прямые ссылки и на Сунь-Цзы, и на Клаузевица. Мао, в частности, писал, что «войну нельзя ни на минуту отделять от политики... Но война имеет и свою специфику. Это значит, что война не равнозначна политике вообще» (*Мао Цзэ-Дун. Избранные произведения* / пер. с кит. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 264).

бующим весьма и весьма специальных знаний, опоры на серьезные научные разработки. Особую важность представляют решения, касающиеся ядерного оружия — не только относительно его применения, но и по вопросам уровней готовности ядерных сил и средств к применению, по открытию или прекращению той или иной программы, связанной с ядерным оружием и т.п.⁴⁰

Во многих случаях принятие таких решений на основе «здравого смысла», исходя просто из текущей ситуации, не только затруднительно, но и чревато пагубными последствиями.

Нельзя забывать и о том, что те или иные должностные лица, предлагающие свои решения, зачастую имеют в виду групповые или личные цели, скрытые за внешне убедительной аргументацией в виде таблиц, графиков, видеоматериалов и т.п., а эти интересы могут идти вразрез с национальными интересами.

При этом государственное руководство должно представлять себе специфику управления в военной сфере, имеющую немаловажные отличия от общегосударственного гражданского управления. Жизненный опыт, менталитет, образ действий профессионального военного значительно отличаются от тех, что характерны для гражданских государственных и политических руководителей.

Служба в вооруженных силах налагает на человека большое число ограничений; особые требования к нему предполагают готовность пожертвовать своей жизнью и посылать на смерть других людей. Непонимание этого может привести к весьма негативным явлениям в таком серьезнейшем деле, как война.

---

⁴⁰ Для России исключительно актуальным остается вопрос о системной и целенаправленной подготовке гражданских специалистов в политико-военной сфере и о дополнительном образовании для командного состава Вооруженных сил в области политологии, экономики и социологии. При этом должны существовать несколько форумов, институтов, где бы профессиональные военные общались с гражданскими политологами и политическими деятелями, сотрудниками госаппарата, совместно работали бы как над исследованиями, так и над соответствующими государственными документами. Такого рода опыт в нашей стране имеется, однако он нуждается в значительном расширении и в более углубленном взаимодействии политической и военно-стратегической составляющих в важнейшем деле обеспечения обороноспособности страны.

В упомянутом выше военно-теоретическом трактате Сунь-Цзы приводится следующее размышление: «...армия страдает от своего государя в трех случаях:

Когда он, не зная, что армия не должна выступать, приказывает ей выступать; когда он, не зная, что армия не должна отступить, приказывает ей отступить: это означает, что он связывает армию.

Когда он, не зная, что такое армия, распространяет на управление ею те же самые начала, которыми управляется государство; тогда командиры и армия приходят в растерянность.

Когда он, не зная, что такое тактика армии, руководствуется при назначении полководца теми же началами, что и в государстве; тогда командиры в армии приходят в смятение»⁴¹.

Чтобы углубиться в понимание формулы Клаузевица, следует обратить внимание на следующее его замечание: «...война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»⁴².

Клаузевиц настоятельно рекомендует различать «войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, при которых они зарождаются»⁴³.

Это требование, следует сразу же признать, является одним из трудновыполнимых как в исследовательской, так и (в еще большей степени) в практической работе⁴⁴. Подавляющее

---

⁴¹ Цит. по: Конрад Н.И. Указ. соч. С. 22.

⁴² Клаузевиц К. О войне. Т. 1. С. 54.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Советские военные ученые в 1980-е годы, опираясь на работы В.И. Ленина, приходили к выводам о нескольких видах взаимосвязи между политикой и вооруженной борьбой. Речь идет, во-первых, о причинно-следственной связи между войной и политикой. Войны начинаются тогда, когда политика в той или иной форме требует военного конфликта, а противодействующие политические силы не могут его предотвратить. Во-вторых, отмечается сущностная связь, т.е. определение социального характера, исторического смысла войны в зависимости от политики.

большинство отечественных и зарубежных исследований по военной истории страдают недостаточной проработкой именно такого рода вопросов. Выявление «мотивов» войны (часто весьма идеологизированных), поставленных политических целей является гораздо более трудной задачей, нежели анализ собственно хода военных действий, вовлеченных в них сил и средств и т.п.⁴⁵

Именно «мотивы» прежде всего во все большей степени определяют масштаб войны, характер используемых средств, оперативные формы применения вооруженных сил в современных условиях и тактику боевых действий. Связано это с тем, что в условиях «уплотнения» всей системы международных отношений, существования глобальных СМИ, освещающих войны и вооруженные конфликты почти в реальном масштабе времени, действия, традиционно считавшиеся сугубо тактическими, могут моментально превратиться в событие высшего военного и политического уровня.

При рассмотрении вопроса о взаимоотношениях между политикой и войной (политикой и военной стратегией) подавляющим большинством авторов не оценивается воздействие

В-третьих, имеется в виду «управленческая» связь: политика руководит как самой войной, так и всей жизнью страны, мобилизуя все силы на достижение победы. Характер политической цели имеет решающее значение для ведения войны. Центральным звеном здесь является определяющая роль политического руководства по отношению к военной стратегии: именно об этом идет речь в данной работе. Но считаю, что и два других вида связи между политикой и военной стратегией нуждаются в дальнейшем рассмотрении, в серьезных конкретно-исторических и теоретических разработках.

⁴⁵ Авторы фундаментального отечественного труда «Мировые войны XX века» обоснованно отмечают, что между историками все еще идет острая полемика относительно мотивов и политических целей основных участников Первой мировой войны, несмотря на все обилие исследований по этой теме, огромный объем доступных архивных материалов, мемуаров. Исключительно интересен при этом *анализ иррациональных мотивов развязывания войны со стороны элиты Австро-Венгерской империи*. См.: Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк. М.: Наука, 2002. С. 8–18, 21–32, 33–44.

на них *идеологии*. Применительно к нашей стране это во многом объясняется тем, что, как правило, в теоретических исследованиях по вопросам войны и мира между идеологией и политикой практически не делалось различия. И политика и военная стратегия всегда находятся под заметным (а иногда и сильнейшим) воздействием идеологии — это было, в частности, характерно для Советского Союза, особенно для периода 1920–1960-х годов.

На политику и военную стратегию, а через последнюю — и на оперативное искусство (оператику) и даже тактику оказывают влияние как формализованная идеология, зафиксированная в определенных «догматах веры» (прежде всего в программах и уставных документах партии в государствах с де-факто или де-юре однопартийной системой), так и неформализованная. (Часто полуосознанная «политическим классом» и тем более обществом в целом, эта, вторая, тем не менее существует в массовом сознании, в том числе в виде устойчивых социально-политических стереотипов, мифов и даже социально-политических инстинктов.)

Политика более подвижна, менее инерционна, чем идеология. Она более адаптивна к обстоятельствам. Она в принципе должна быть более рациональной, прагматичной, нежели идеология. Последняя в общественном сознании встречается преимущественно с формируемыми поколениями слабо структурированными, полуинтуитивными представлениями об окружающем мире и о самих себе.

Вмешательство идеологии в военную стратегию может осуществляться напрямую, минуя политику (и вопреки политике). Так, идеологические постулаты ВКП(б) накануне Великой Отечественной войны привели к таким уставным положениям для Красной Армии, которые допускали исключительно наступательную военную стратегию (оборона мыслилась только в оперативном и тактическом масштабах), что на практике можно было реализовать лишь в упреждающих, превентивных действиях. А требования политики не позволяли И.В. Сталину начинать превентивную войну против Германии.

«Раздрай» между идеологией и политикой, выразившийся в идеологизированности военной стратегии, привел к тому, что

даже концептуально вооруженные силы, высшее военное командование, государственное (партийное) руководство СССР накануне 22 июня 1941 г. не были толком готовы ни к стратегическим наступательным действиям (превентивная война), ни к долговременной или даже к кратковременной стратегической обороне⁴⁶.

Сталин, несмотря на следовавшие одно за другим тяжелейшие поражения Красной Армии в результате попыток стратегических наступательных действий в 1941 — начале 1943 г., перешел к стратегической обороне только летом 1943 г., когда и был достигнут (в ходе Курской битвы) такой успех, который привел к перехвату стратегической инициативы Красной Армией.

Чтобы оттенить значение главенства политики в таком феномене общественной жизни, как война, Клаузевиц весьма подробно останавливается на вопросе о всем спектре военных средств, которые могут быть использованы для достижения поставленных политических целей. Он подчеркивает, что не в каждом конкретном случае есть потребность в полном сокрушении противника в сугубо военном плане. Главная задача

---

⁴⁶ История учит, что политически и идеологически государственно-му руководству и высшему военному командованию исключительно сложно принять решение об избрании обороны в качестве основной формы стратегических действий. Петр I начал Северную войну стратегическими наступательными действиями, вторжением на территорию, захваченную шведами в предыдущих войнах с Россией, и осадой Нарвы. Только после тяжелейшего нарвского поражения от Карла XII (имевшего сравнительно малочисленную, но исключительно боеспособную армию при господстве шведского флота на море) Петр перешел к стратегической обороне, в том числе в кампании 1709 г., закончившейся сокрушительным поражением шведского короля-полководца (блестящего тактика, но слабого стратега), которым на протяжении многих лет восхищалась вся Европа.

Исключительно тяжелым было принятие решения о стратегической обороне для Александра I в Отечественной войне 1812 г., несмотря на детальное и очень убедительное обоснование необходимости стратегической обороны, представленное военным министром М.Б. Барклаем-де-Толли. М.И. Кутузов, приняв командование, продолжал линию на стратегическую оборону (и стратегическое отступление вглубь страны), всячески имитировал готовность к переходу в контрнаступление, к решающему сражению, демонстрируя войскам и общественному мнению то, что он полководец совсем иного толка, нежели Барклай-де-Толли.

применения военных средств — это «преодоление воли противника»⁴⁷. Оно может быть достигнуто, наряду с истреблением неприятельских вооруженных сил, завоеванием провинций противника, временной их оккупацией с целью использования их средств и даже «пассивным выжиданием ударов врагов». Клаузевиц упоминает в числе этих средств и «предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения»⁴⁸.

На эту сторону учения Клаузевица о войне до сих пор подавляющее большинство специалистов обращали мало внимания, поскольку это в целом плохо вписывалось в традицию западной военной мысли, сложившейся за последние 300–350 лет⁴⁹.

Клаузевиц скромно писал о различных способах «преодоления воли противника» как о всего лишь своего рода наброске («намек», по его выражению) того, что можно рассматривать как военные средства достижения политических целей. Он не стремился дать классификацию этих способов и методов; такая попытка, по его замечанию, была бы «педантизмом»⁵⁰ — тем, чем грешили многие современники Клаузевица и те, кто пытался конструировать теорию войны после него. К «педантам» вполне можно отнести, в частности, таких известных военных теоретиков XIX в., как Г.В. Жомини и Г.А. Леер, да и многих современных авторов.

* * *

Много говоря о политической стороне войны и отдавая должное другим формам применения военной силы, Клаузевиц, однако, постоянно возвращался к тезису о том, что сердцевинной войны является бой, «конструкция» которого относится к тактике. «Бой есть подлинная военная деятельность, все осталь-

---

⁴⁷ *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 66.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Между тем в восточной традиции, особенно в китайской, идеи, созвучные теории Клаузевица, присутствовали в ярко выраженной форме еще примерно 2500 лет назад.

⁵⁰ *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 66.

ное — лишь ее проводники»⁵¹. Результатом боя (или серии боев) должно быть уничтожение вооруженных сил противника.

Клаузевиц при этом трактует уничтожение вооруженных сил противника как приведение их «*в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу*»⁵². И это у него отнюдь не означало просто перемалывание живой силы противника; наоборот, главная задача — сломить волю противника к сопротивлению, т.е. вынудить противника и его союзников подписать мир или привести народ к покорности⁵³.

О центральном значении боя следует постоянно помнить, занимаясь вопросами стратегического руководства⁵⁴. Однако

---

⁵¹ Там же. С. 251.

⁵² Идея Клаузевица о том, что уничтожение вооруженных сил противника есть прежде всего подавление его воли к сопротивлению, пронизывает всю немецкую военную мысль XIX и XX вв. — от стратегического до тактического уровня. Она лежит, например, в основе зародившейся еще в конце Первой мировой войны тактики штурмовых групп пехоты с активным использованием легкого автоматического оружия (сначала ручного пулемета, затем пистолет-пулемета), призванного прежде всего производить сильнейшее психологическое воздействие на обороняющихся непрерывным огнем с невысоким уровнем прицельности.

На подавление воли к сопротивлению были рассчитаны тактика, оперативное искусство и стратегия применения германских танковых соединений во Вторую мировую войну. Они были ориентированы прежде всего на глубокие прорывы в оперативный тыл группировок противника, чтобы главным образом воздействовать на психику командующих, командиров и бойцов, создать в их сознании угрозу быть отсеченными от соседей и от глубокого тыла, заставить испытать страх оказаться окруженными и уничтоженными. Танковые соединения вермахта с минимальным числом пехоты действовали при этом на большом удалении от основных сил, от общевойсковых соединений и объединений. Они вводились в действие на стыках соединений противника, там, где не ожидалось сколько-нибудь серьезного сопротивления, где не было задач «прогрызания» или «взламывания» обороны, решение которых было чревато большими потерями в бронетанковой технике. А для этого больше всего подходили легкие (и отчасти средние) танки с небольшим потреблением горючего, что облегчало действия танковых соединений и частей на большом удалении от тыла.

⁵³ См.: Клаузевиц К. О войне. Т. 2. С. 58–59.

⁵⁴ В этой части учения о войне Клаузевица как виднейшего представителя европейской военной мысли мы видим заметный контраст с

это обстоятельство не должно заслонять собой возможности использовать для достижения победы другие средства — как военные, так и невоенные.

Применительно к роли собственно вооруженных сил внимание и государственного руководителя, и военного командования должно быть сфокусировано в конечном счете на тех, кого называют «исполнительным звеном» военного механизма — на рядовом бойце, командире отделения, командире взвода, командире роты (батареи), командире батальона (дивизиона). Создание всех необходимых условий для успеха этой части личного состава вооруженных сил должно быть одной из наиболее приоритетных задач. Политические цели и задачи в войне (и в применении военной силы для сдерживания войны) реализуются в итоге именно этими людьми. Поэтому необходима максимальная забота об индивидуальной экипировке и защищенности бойца, о связи в тактическом звене, социаль-

---

китайской традицией военной мысли, восходящей к такой доминантной фигуре, как уже упоминавшийся полководец и теоретик Сунь-Цзы, творивший в эпоху Чжаньго — «сражающихся царств». Учение о бое у Сунь-Цзы, а равно и у многих других китайских военных теоретиков, не занимает центрального места, как у Клаузевица и его европейских предшественников и последователей, в том числе немецких, французских, советских и российских авторов.

В эпоху Чжаньго военное дело перестало быть уделом немногочисленных профессионалов — аристократов, сражавшихся на боевых колесницах. На смену пришли массовые армии (преимущественно пехотные), комплектуемые из крестьян практически по принципу всеобщей воинской повинности. Новое ударное оружие (арбалет), плотные боевые порядки привели к резкому росту боевых потерь. Войны стали захватывать значительно большее пространство, требовать все больше ресурсов для ведения боевых действий, все более сложной и громоздкой системы снабжения. В целом они стали чрезвычайно разорительным делом. Лицам, принимавшим решение о вступлении в войну и о сражениях в войне, приходилось даже сопоставлять «выгоду» от победы с ущербом. Тогда стало доминировать мнение о том, что бой, сражение является едва ли не наименее эффективным способом применения военной силы ради достижения поставленных политических целей.

Такого рода идеи (о чем еще будет говориться ниже) дошли в восточной военной (и политико-военной) мысли до XXI в.

ной обеспеченности прежде всего этой категории военнослужащих, об их адекватном поощрении за реальные боевые заслуги. К ним должно быть обращено внимание СМИ.

Говоря о военной стратегии⁵⁵, Клаузевиц (стоит сказать, что его мнение было не единственным) в своем главном труде «О войне» писал, что она «не знает никакой другой деятельности, кроме распоряжения боями и относящихся к ним мероприятий»⁵⁶. По Клаузевицу, «каждое стратегическое действие может быть сведено к представлению о бое, так как оно является применением вооруженной силы, а в основе последней всегда лежит идея боя. Таким образом, мы можем в области стратегии свести всю военную деятельность к единствам отдельных боев и иметь дело лишь с целями этих последних»⁵⁷. Ряд отечественных и зарубежных авторов небезосновательно отмечали, что такая трактовка Клаузевицем военной стратегии расходится с его учением о войне.

Как обоснованно пишет, например, И.С. Даниленко, «фундаментальные положения Клаузевица о природе и свойствах войны как общественного явления серьезно разошлись с его прикладными выводами для стратегии, с его утверждением решающей роли боя в ее практической реализации. А это уже появление рецептурного, то есть предписываемого подхода к организации подготовки и ведения войны, что означало введение в военную науку принципа, который Клаузевиц отрицал»⁵⁸.

Далее Даниленко отмечает: «По смерти Клаузевица нашли в его бумагах собственноручное замечание, в котором поясняется, что он под словом *бой* разумел не только непосредственное действие оружием, но и *те* случаи, где бой хотя и не происходил в действительности, но был возможным, или *те* даже, где один из противников, ослабленный какими бы то ни

---

⁵⁵ Когда творил Клаузевиц, такой категории, как оперативное искусство (оператика), операция, еще не было, хотя Клаузевиц уже близко подошел к этой категории де-факто.

⁵⁶ Клаузевиц К. О войне. Т. I. С. 223.

⁵⁷ Там же. С. 254.

⁵⁸ Даниленко И. Указ. соч. С. 14.

было средствами, — видя невозможность успеха, — избегает сражения»⁵⁹.

Одним из центральных моментов учения Клаузевица о войне является представление о *решающем сражении*, которое должно сломить волю противника к сопротивлению.

Позднее в военно-морской сфере аналогичным образом ставился вопрос американским теоретиком А.Т. Мэхэном и английским теоретиком Ф. Коломбом, детально разработавшими к концу XIX в. теорию «господства на море». В ней идея решающего эскадренного сражения линейных флотов была главенствующей. Эта теория полностью использована японцами (прилежными учениками англичан) в Русско-японскую войну 1904—1905 гг., когда адмирал Того, разгромив 2-ю Тихоокеанскую эскадру вице-адмирала Рождественского, установил господство на море применительно ко всей зоне боевых действий. В годы Второй мировой войны на эту же теорию опирались государственное руководство США (в лице прежде всего самого президента Ф.Д. Рузвельта, занимавшего в свое время пост заместителя военно-морского министра США) и американское высшее военное командование в серии морских сражений на Тихом океане (тогда линейные корабли уступили главенствующую роль авианосцам), завоевав господство на море, сохраняемое США и по сей день.

Наряду с этим в британской военно-морской науке существовала и теория «флота в действии» (*fleet in being*). В соответствии с ней флот должен демонстрировать свою мощь на морях постоянной готовностью действовать. Сама по себе морская мощь, без боевых действий, должна стать сковывающим фактором для противника⁶⁰. По этой теории, демонстрация явно

---

⁵⁹ Даниленко И. Указ. соч. С. 14.

⁶⁰ Морская мощь отнюдь не сводится лишь к собственно мощному военно-морскому флоту, к мощным военно-морским эскадрам. Одними из ее важнейших составляющих являются развитая судостроительная промышленность с соответствующей научной базой и система базирования флота с адекватной судоремонтной базой. Государственное руководство Великобритании — «владычицы морей» в XIX — начале XX в. — славилось особым искусством выбора места для мощных военно-морских

преобладающей военно-морской мощи призвана при определенных условиях принудить противника к тем или иным политическим уступкам и без боевых действий. Данная теория была созвучна идеям Сунь-Цзы, который оказал и оказывает большое влияние на военную мысль Китая, Востока в целом, а в последние десятилетия и Запада.

Размышляя о стратегии, Клаузевиц решительно восстает против того, чтобы ее отождествляли с хитростью, поскольку стратегия «не включает, подобно обыденной жизни, отрасли деятельности, выражающейся словами, т.е. заверениями, объяснениями и пр.». В связи с этим он очень скептически относится к дезинформации противника: «Планы и приказы, отдаваемые только для вида, ложные сведения, умышленно сообщаемые противнику, слабо действуют... ими пользуются лишь в редких особо благоприятных случаях»⁶¹.

баз в стратегически важных районах, с опорой на которые британский флот мог контролировать все важнейшие торговые пути в мире. Это были Гибралтар, Мальта, Суэц, Аден, Сингапур и др. Частью морской мощи государства являются также торговый и рыболовецкий флоты, которые, например, почти полностью отсутствовали у царской России и были созданы в Советском Союзе после Великой Отечественной войны. Все более важным компонентом морской мощи становятся знания по гидрографии, гидрологии и метеорологии отдельных районов Мирового океана. Для России особо ценны уникальные знания и данные такого рода, полученные в результате исследований Севера и являющиеся одним из важнейших преимуществ нашей страны. Это преимущество, в частности, учтено в выдвинутой мною концепции Северного стратегического бастиона для ВМФ России и создания специального межвидового объединения и командования, ядром которого должны быть военно-морские силы.

⁶¹ В современных условиях ряд авторов, размышляя о различных вариантах стратегии, о конкретном наборе действий, комбинаций, свойственных той или иной стратегии (военной, политической или стратегии частной корпорации), используют понятие «стратагема». Это понятие возникло, по-видимому, за несколько столетий до нашей эры в Греции, но получило распространение в I в. н.э. в Римской империи. Секст Юлий Фронтин (умер около 103 г. н.э.) объяснял своим читателям значение этого греческого слова как «ловкость, применяемая полководцами, которая греками именуется одним названием стратагем». Иначе говоря, под термином «стратагема» древние понимали не только хитрости в современ-

Практика войн в новейшей истории, особенно Второй мировой войны, показала, что дезинформация и накануне войны, и в ходе ее стала играть огромную роль, чего Клаузевиц в свое время предвидеть не мог⁶².

Формула Клаузевица о примате политики над военной стратегией неоднократно была предметом ревизии, в первую очередь со стороны видных военачальников. Это имело место и на родине Клаузевица, в Германии, и в других странах, в том числе в нашей стране.

Наиболее рельефную интерпретацию формулы Клаузевица дал в своих работах знаменитый Хельмут Мольтке-старший — с 1858 г. начальник прусского, а в 1871–1888 гг. — германского генштаба.

Признавая в общих чертах положение Клаузевица, Мольтке откровенно заявил, что для него это отнюдь не вдохновляющее положение: «Итак, политика, к сожалению, неотделима от стратегии». Однако сфера вмешательства политики в стратегию, по Мольтке, должна быть ограничена определенными рамками: «политика используется войною для достижения своих целей и имеет решающее влияние на *ее начало и конец* (курсив мой. — А.К.)». Правда, при этом Мольтке признавал за политикой право во время войны «повысить свои требования или довольствоваться меньшим успехом». Делая такое заключение, Х. Мольтке, по-видимому, был далеко не искренен. Достаточно вспомнить его конфликты с Бисмарком по

ном смысле слова, но и различные приемы и уловки, которые использовали военачальники для поддержания морального духа армии или одержания победы (см.: *Нефедкин А.К.* Античная военная теория и «стратагемы» Полиэна // Полиэн. Стратагемы. СПб.: Евразия, 2002. С. 45–46). «Стратагемы», отталкиваясь от их классического содержания (прежде всего по Полиэну, представляющему в своем труде несколько сот примеров «стратагем»), можно считать неотъемлемой частью «асимметричной войны», или «асимметричной стратегии».

⁶² В современных условиях большое значение приобрели виртуальные действия, особенно в ядерной сфере. Это — особая тема, весьма слабо разработанная в отечественной теоретической политико-военной и военно-стратегической науке по сравнению с тем, что имеет место в англосаксонских странах, Франции и Китае.

поводу того, как воспользоваться результатами побед немецкой армии в Австро-прусской войне 1866 г. и во Франко-прусской войне 1870—1871 гг.

По Мольтке, «политика не должна вмешиваться в операции»⁶³. Как подчеркивал генерал-фельдмаршал, для хода войны руководящими являются главным образом военные соображения, политические же — лишь поскольку «они не требуют ничего с военной точки зрения недопустимого». Полководец же никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, а на первый план ставит успех в войне. Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца «это не касается — это исключительно ее дело».

Близкую к этому формулу предлагал уже упоминавшийся видный российский и советский военный теоретик Е.И. Мартынов, который представил ее в заголовке одного из разделов своего труда «Обязанности политики по отношению к стратегии» (впервые увидевшего свет в 1899 г. в Санкт-Петербурге). Формула Мартынова гласит: «Политика должна установить политическую цель войны и затем предоставить стратегии полную свободу действий»⁶⁴.

Далее Мартынов пишет: «Кроме политической цели, изменяющейся в каждом частном случае, война имеет также и свою неизменную военную цель, сводящуюся к тому, чтобы сломить сопротивление противника и заставить его подчиниться нашей воле. Выбор способа действий для достижения этой второй цели (иначе — составление плана войны и приведение его в исполнение) лежит уже на обязанности стратегии, и политика не должна вмешиваться в эту специальную сферу»⁶⁵.

Данный тезис подверг убедительной критике военный историк А.Г. Кавтарадзе. Он обоснованно отмечает, что в ходе войны «политика не может устраняться от тесного взаимодействия» с военной стратегией, отдавая последней все на откуп;

---

⁶³ Мольтке Г. Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке / пер. с нем. СПб., 1913. С. 14.

⁶⁴ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 43.

⁶⁵ Там же.

более того, «именно в ходе войны влияние политики на стратегию приобретает нередко чрезвычайно важное и даже решающее значение»⁶⁶.

Нельзя не отметить, что в первое советское издание книги Мольтке, вышедшее в 1938 г., главы «Война и мир» и «Война и политика», в которых он развивал свою теорию, включены не были. В предисловии же к этому изданию его теория подверглась резкой критике: «Взгляды Мольтке на войну и на связь между войной и политикой вдохновляли германскую военщину, что сказалось, в частности, на методах работы начальника генерального штаба фон Шлиффена перед империалистической войной». От Мольтке проводилась линия к Э. Людендорфу, а от Людендорфа — к руководителям нацистской Германии: «В дальнейшем взгляды Мольтке получили новое выражение в требовании германской военщины, чтобы вся политика служила войне (*Людендорф Э. Ведение войны и политики. Берлин, 1922*). Отсюда еще шаг к фашистскому истолкованию лозунга тотальной войны, где стержнем и основой политики являются подготовка к ведению грабительской войны за новый передел мира и создание режима жесточайшего террора к народу»⁶⁷.

Близких к Мольтке-старшему взглядов на соотношение политики и военной стратегии придерживались в период гражданской войны М.Н. Тухачевский и ряд группировавшихся вокруг него командиров Красной Армии.

Двадцатисемилетний Михаил Николаевич Тухачевский, который только что отличился, командуя армиями на Восточном, а затем Южном фронтах, откровенно заявил в январе 1920 г. о своем неприятии вмешательства политики в военную стратегию: «Вмешательство политики в дела стратегии — чрезвычайно большое зло. Для успеха военных операций Главнокомандующему должна быть предоставлена полная мощь. Политика должна ему безусловно доверять». Весьма критически высказывался Тухачевский и в адрес инструментов прямо-

---

⁶⁶ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 8.

⁶⁷ Фельдмаршал Мольтке. Военные поручения, оперативная подготовка к сражению / пер. с нем. М.: Воениздат, 1938. С. 9.

го и повседневного политического контроля над командующими в виде реввоенсоветов: «Реввоенсоветы — это бельмо на глазу нашей стратегии, сами себя изживают в доказательство того, что существование их противоречит сути дела»⁶⁸ (позднее аналогичных взглядов на роль военных советов, точнее — политорганов, военных комиссаров, придерживался, судя по многим свидетельствам очевидцев, и Г.К. Жуков).

Публичное высказывание этих взглядов не помешало Тухачевскому, как ни странно, получить в командование Западный фронт и возглавить поход против «панской Польши».

В дальнейшем Тухачевский с подобными откровениями не выступал. Однако есть все основания считать, что они не были забыты и сыграли свою роль при фабрикации «дела Тухачевского», кончившегося физическим уничтожением большой группы высшего командного состава РККА во главе с ним в 1937–1938 гг.

В своем отрицании реввоенсоветов Тухачевский был не одинок: он выражал распространенные в армии настроения. Об этом свидетельствует статья, опубликованная под псевдонимом «Альфа» в ведущем в то время печатном органе «Военное дело», в которой автор, опираясь на свой личный опыт работы в реввоенсовете одной из армий фронта, подверг его деятельность резкой критике. «Альфа» указывал прежде всего на то, как члены реввоенсовета, обладавшие большими полномочиями, своими распоряжениями нередко запутывали работу командующих⁶⁹.

В то же время Тухачевский выступал за единый высший орган по руководству войной для обеспечения оптимального взаимодействия между политикой и стратегией: «Выгоднее всего достигается гармония между политикой и стратегией тогда, когда руководство ими принадлежит одному лицу. У нас роль этого лица должен играть Совет обороны»⁷⁰.

---

⁶⁸ Тухачевский М.Н. Война классов. Статьи 1919–1920 гг. М.: Госиздат, 1921. С. 36.

⁶⁹ *Альфа*. О работе реввоенсоветов Армии и Фронтов // Военное дело. 1920. № 1. С. 10–12.

⁷⁰ Тухачевский М.Н. Указ. соч. С. 36.

Среди советских авторов 1920–1930-х годов наиболее яркий след в истории изучения вопросов, касающихся соотношения политики и военной стратегии, оставили Б.М. Шапошников и А.А. Свечин.

Б.М. Шапошников весьма критически отозвался о воззрениях Мольтке-старшего, тем самым разойдясь во взглядах и с «ранним Тухачевским». Шапошников однозначно заявил, что Мольтке-старший пошел «на искажение теории Клаузевица»⁷¹. Для Мольтке-старшего, признававшего решающее значение политики на начало и конец войны, это было, по справедливой оценке Шапошникова, «лишь некой уступкой политике»⁷².

По словам Шапошникова, сославшись на авторитет Клаузевица, Мольтке-старший выдвинул на первый план «дух войны» и на этом, по сути, строил свою теорию «независимости» войны и политики. Его позиция служила теоретическим обоснованием для обеспечения независимой роли германского генерального штаба при Мольтке-старшем и в последующие годы, вплоть до Первой мировой войны. Отсюда возникла и идея борьбы генштаба за власть политическую — те все более жесткие требования, которые военная стратегия предъявляла внешней политике, дипломатии⁷³.

Весьма любопытную оценку в связи с этим дает Б.М. Шапошников начальнику генштаба Австро-Венгерской империи периода Первой мировой войны Ф. Конраду фон Хетцендорфу. Конрад в теоретических выступлениях признавал господство политики над стратегией. В практических своих же действиях начальник австро-венгерского генштаба был «апостолом Мольтке-старшего и не только уверенной рукой набрасывал политические линии для высших дипломатов, но давал им и обоснование, исходя из природы войны». Таким образом, «Конрад не отмежевывался от политики, а уходил в нее с головой»⁷⁴.

---

⁷¹ Шапошников Б.М. Мозг Армии. Кн. 3. М.: Госвоениздат, 1927. С. 229.

⁷² Там же. С. 230.

⁷³ Там же. С. 230–231.

⁷⁴ Там же. С. 232–233.

А.А. Свечин мысль о примате политики над стратегией развил и углубил в своем главном труде — «Стратегия», вышедшем двумя изданиями в 1926 и 1927 гг. Здесь он весьма категорично заявил о праве политики вмешиваться в стратегию, в операции, т.е. по существу его позиция была противоположна позиции «раннего Тухачевского».

Однако прямым объектом своей критики Свечин избрал не самого Тухачевского, а французского теоретика начала XX в. Ж.-Л. Леваля и немцев — Мольтке-старшего, Людендорфа и Гинденбурга, придерживавшихся аналогичных взглядов.

По Левалю, писал А.А. Свечин, войну следует рассматривать изолированно, как гигантскую дуэль двух наций. Правители должны специализироваться в политике, генералы — в стратегии. Политика имеет отношение к войне лишь постольку, поскольку она определяет в мирное время размер жертв, приносимых народом для организации вооруженных сил. Во время войны политика продолжает свою работу, не затрагивая, однако, военных замыслов. Обсуждение вопросов стратегии с политиками, по Левалю, ведет к анемии, утрате воли и энергии. Политика — это опиум для стратегии; она ведет к бессилию. Политика нанизывает заблуждения, ошибки, уклонения, подрывает решимость, сбивает с пути, заставляет нервничать⁷⁵. По Левалю, писал Свечин, нельзя отвлекать полководца вопросами политики от его прямых занятий.

Непосредственное знакомство с творчеством Леваля позволяет говорить о том, что А.А. Свечин чрезмерно жестко оценил отношение этого французского теоретика к вопросам соотношения политики и военной стратегии, обвинив его в попытках эмансипировать последнюю от политики⁷⁶.

---

⁷⁵ Однако Первая и Вторая мировые и последующие войны породили таких гражданских деятелей, как Ж. Клемансо, У. Черчилль, Ф.Д. Рузвельт, Мао Цзэдун, И.В. Сталин, которые на определенном этапе своей деятельности стали глубоко разбираться в вопросах военной стратегии и даже оперативного искусства, а в некоторых случаях и тактики.

⁷⁶ Леваль писал, отталкиваясь от своих оценок положения дел во Франции после ее поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг.: «Романтизм испортил стратегию. Он совратил ее с твердого пути науки и

В доступных трудах Леваля мы можем увидеть прежде всего стремление оградить военное дело в целом и военную стратегию в частности от малосведущих и малообразованных людей. При этом он, будучи профессиональным военным, весьма нелицеприятно отзывается и о тех высокопоставленных военных, которые игнорируют профессиональные военные знания.

Взглядам этой группы военных теоретиков, ограничивавших вмешательство политики в военную стратегию, А.А. Свечин противопоставляет воззрения Бисмарка, отстаивавшего право политики на вмешательство в стратегию. «Утверждение о господстве политики над стратегией, по нашему мнению, имеет всемирно-исторический характер... Стратегия, естественно, стремится эмансипироваться от плохой политики; но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплачиваться за все грехи политики», — писал в 1927 г. А.А. Свечин. «Политическое безголовье» Германии в начале XX в., по небезосновательному мнению Свечина, отчасти характеризовалось «эмансипацией германской стратегии от политических директив»⁷⁷.

Подчеркивая *примат политики над военной стратегией*, право высшего государственного руководства вмешиваться в решение оперативно-стратегических вопросов, А.А. Свечин неоднократно повторял, что и *политические решения должны соотноситься со стратегией*, с военными возможностями, что политик должен внимательнейшим образом прислушиваться к мнению военных профессионалов, знать, как работает военная машина, каков военно-мобилизационный механизм государства и проч.

превратил в некое фантастическое, парадоксальное и неопределенное искусство, базирующееся на зыбкой почве, в какую-то улицу, на которой каждый, как ему заблагорассудится, может чертить любые вензеля» (Леваля Ж.-Л. Введение к позитивной части стратегии // Стратегия в трудах военных классиков. М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003. С. 148, 160).

⁷⁷ Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. С. 30–31.

«Ответственные политические деятели, — писал Свечин, — должны быть знакомы со стратегией... Политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств»⁷⁸.

Свечин также настаивал на том, что изучение стратегии требуется не только высшему командному составу армии. Стратег, дающий директивы инстанциям, непосредственно руководящим операцией, должен отдавать себе ясный отчет в основных пределах, которые являются достижимыми для оперативного искусства с наличными средствами, и обладать острым оперативным и тактическим глазомером, чтобы ставить действия своих войск в возможно выгодные условия. Стратегия, писал он, это искусство всего высшего командного состава армии, так как не только командующий фронтом и командующий армией, но и командир корпуса не сумеет справиться со своими оперативными задачами, если «у него не будет ясного стратегического мышления».

Свечин также отмечал, что во всех случаях, когда оперативному искусству предстоит сделать выбор в условиях оперативной альтернативы, «оператор» не найдет оправдания того или иного оперативного метода, оставаясь в пределах оперативного искусства, а «должен подняться в стратегический этаж мышления».

Развивая эту мысль Свечина, вполне допустимо говорить: военный стратег должен постоянно думать о том, что то или иное стратегическое действие может значить для политики⁷⁹.

---

⁷⁸ Там же. С. 20.

⁷⁹ А.А. Свечин писал о военной стратегии прежде всего как об искусстве, определяя ее следующим образом:

«Стратегия — это искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил».

К сожалению, знание высшим командным составом реальных проблем внешней и внутренней политики своего государства далеко не всегда соответствует такого рода требованиям.

Углубляясь в анализ институционных аспектов взаимоотношений между политикой и стратегией, Свечин обращал особое внимание на роль генеральных штабов, которые внесли «в подготовку к войне тот дух планомерного распорядка, который

Говоря о взаимосвязи военной стратегии и оперативного искусства, Свечин отмечал, что «стратегия не может безразлично относиться к оперативному искусству». По его словам, «характер войны, с которым сообразуется стратег, не должен оставаться понятием отвлеченным и оторванным от войсковой деятельности». При этом, заключает Свечин, «стратег должен подчинить своему пониманию возможного характера войны реальные формы предпринимаемых нами операций, их размах и напряжение, преследуемые ими цели, их последовательность и относительное значение, придаваемое им. Отсюда является необходимость для стратегии диктовать основную линию поведения оперативному искусству и в случае чрезвычайного значения, придаваемого основной операции, даже сосредоточивать в своих руках непосредственное руководство ею».

Свечин был категорически против «стратегии» отдельных видов вооруженных сил и частных стратегий для тех или иных типов войн: «Весьма часто мы встречаем термины: стратегия воздушного флота, морская стратегия, стратегия колониальной войны и т.д. Такая терминология, очевидно, основана на недоразумении. Мы можем говорить лишь о морском оперативном искусстве, поскольку вооруженные силы на море получают самостоятельную оперативную цель; то же мы можем сказать и о воздушном флоте, с еще большими оговорками; ввиду тесной связи между действиями воздушных сил, сухопутной армии и флота предметом оперативного искусства воздушного флота могут являться лишь самостоятельно предпринимаемые им бомбардировочные операции; но поскольку таковые действия пока самостоятельного значения не имеют, а являются одним, хотя бы и довольно существенным, слагаемым общей операции, то мы должны и бомбардировочные, равно как и разведочные и боевые действия воздушного флота, рассматривать только как часть общего оперативного искусства. О стратегии же здесь говорить не приходится — это явное злоупотребление термином. Точно так же не может быть и стратегии колониальной войны — речь может идти лишь об особенностях стратегического искусства при борьбе империалистического государства с неравносильным, отсталым технически и культурно противником в обстановке колониального театра войны» (Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. С. 245—248).

составляет завоевание буржуазного мышления». По его словам, «в эпоху империализма... генеральный штаб должен оценивать всю мировую жизнь под особым углом зрения — плана войны». Если же «равновесие между генеральным штабом и политическим руководством нарушится, появляется угроза миру. Генеральный штаб со своей точки зрения всегда будет склонен к идее превентивной войны... к объявлению войны в тот момент, когда мы имеем максимальные преимущества в подготовке перед конкурирующим с нами государством, преимущества, которые вследствие энергичной его работы могут в ближайшие годы сойти на нет или даже измениться в обратную сторону (перевооружение, военная реформа и т.д.)»⁸⁰. Именно с этих позиций выступал германский генеральный штаб в 1914 г., требуя немедленного начала войны против Антанты тогда, когда Россия еще не завершила переоснащение своей армии.

Полемизируя с некоторыми зарубежными и советскими авторами, А.А. Свечин отмечал, что «ошибочная политика приносит и в военном деле столь же печальные плоды, как и в любой другой области»⁸¹.

В 1962 г. пользующийся авторитетом среди профессионалов советский военный теоретик полковник В.М. Кулиш критиковал чрезмерное увлечение идеей полного примата политики над военной стратегией. Внешне его публикация целиком соответствовала духу развенчания и критики культа личности Сталина в соответствии с партийными установками того времени. В то же время в ней содержались прозрачные намеки, адресованные политическому руководству 1960-х годов, относительно того, что оно не должно игнорировать требования военной стратегии и что военная стратегия, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на политику.

«И.В. Сталин накануне Великой Отечественной войны, — писал В.М. Кулиш, — весьма односторонне учитывал взаимосвязь

---

⁸⁰ Свечин А. История военного искусства. Ч. 3. Новейшее время. М.: Высший военный совет, 1923. С. 112.

⁸¹ Там же. С. 19.

политики и военной стратегии. Он и под его влиянием руководители Наркомата обороны недооценивали объективных требований стратегии того времени. Боясь спровоцировать нападение фашистской Германии на нашу страну, они не придали значения опасности упреждения нас противником в подготовке к войне, а тем более в стратегическом развертывании. Вследствие этого наши войска, хотя частично и сосредоточились на театрах военных действий, не были своевременно развернуты и приведены в боевую готовность». Далее Кулиш делал весьма категорический вывод: «Политика предотвращения нападения фашистской Германии на нашу страну, таким образом, не поддерживалась средствами военной стратегии, что скорее поощряло, а не останавливало агрессора»⁸².

Это замечание Кулиша следует признать вполне справедливым применительно к сталинской внешней политике и высшей стратегии того периода. Сталин не смог сформулировать целей для военной стратегии, которые привели бы накануне Великой Отечественной войны к таким действиям, которые в глазах германского политического руководства и высшего военного командования снижали бы шансы на успех в готовившейся войне против Советского Союза.

Критикуя ряд своих коллег (теоретиков-политработников), Кулиш писал, что «иногда... военная стратегия лишается всякой самостоятельности, превращается в слепое орудие политики».

Многие советские военные авторы 1960–1970-х годов, подчеркивая свое негативное отношение к идеям различных «крайних милитаристов», отрицающих примат политики над военной стратегией, упоминали среди них немецких военных теоретиков Бернгарди, Шлиффена, Людендорфа. Так, в «Военной стратегии» отмечалась неправомерность их высказываний о том, что «политика, сделав свое дело в развязывании войны, с началом военных действий становится пассивным наблюдателем».

---

⁸² Кулиш В. О взаимосвязи политики и военной стратегии // Военная мысль. 1962. № 4. С. 31.

Генералы М.А. Мильштейн и А.К. Слободенко, принадлежавшие к старшему преподавательскому составу Академии Генерального штаба, особенно подробной критике подвергли в связи с этим работу Людендорфа «Тотальная война»⁸³.

Развернутую картину руководящей роли политики по отношению к военной стратегии, характера ее вмешательства в последнюю дал в 1970 г. заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник М. Повалий: «Политика, на основе оценки мировых политических, классовых сил, состояния экономического, военного и морально-политического потенциалов своих и вероятных противников, определяет политическую цель войны, т.е. ее политическое содержание... Она намечает важнейшие промежуточные задачи военных действий, вытекающие из общей цели, порядок вступления в войну, сроки или последовательность ударов, которые необходимо осуществить на различных театрах или в стратегически важных районах земного шара. Политика... определяет состав вооруженных сил, которые необходимо иметь к началу войны и в ходе ее развития, их группировку и задачи с учетом значимости театров военных действий и сил противника».

Очевидно, что этот подход резко контрастирует с идеями Мольтке-старшего, а также «раннего Тухачевского»; его можно считать прямым развитием идей Б.М. Шапошникова и А.А. Свечина.

Что же при этом остается на долю военной стратегии и военного командования? — спрашивает Повалий и отвечает цитатой из книги Б.М. Шапошникова «Мозг армии»: «Что касается стратегии, то она призвана вооруженными силами добиться поставленной ей цели». М. Повалий считает, что стратегическое руководство разрабатывает конкретный план войны против явных и вероятных противников⁸⁴.

---

⁸³ См.: Мильштейн М.А., Слободенко А.К. О буржуазной военной науке. 2-е изд. М.: Воениздат, 1961. С. 113–118.

⁸⁴ Исключительно сложным для любого генерального штаба (или его аналога) является планирование стратегических действий в условиях

Принципиально важным в работе данного руководящего деятеля советского Генштаба было указание на то, что план войны должен быть гибким и соответствовать различным политическим комбинациям⁸⁵. Заострить внимание на гибкости плана войны, на том, чтобы он соответствовал различным политическим установкам, по тем временам было «свежей идеей» в отечественной военной мысли. В известной мере это можно было считать теоретическим ответом советского Генштаба на американскую доктрину «гибкого реагирования», сменившую доктрину «массированного возмездия».

Если смотреть с практической точки зрения, то нельзя не отметить, что подготовка «гибкого плана войны» в зависимости от тех или иных политических установок и ситуаций — это гораздо более трудоемкая и интеллектуально намного более

отсутствия четко определенных противника и союзника. С такой проблемой столкнулись органы высшего военного командования многих государств в 1990-е годы, после завершения «холодной войны», распада Советского Союза и Организации Варшавского договора. Это относится и к Российской Федерации, и к Соединенным Штатам Америки, и ко всем западноевропейским государствам.

Во французской высшей и военной стратегии с конца 1960-х годов благодаря Шарлю де Голлю присутствовал тезис «обороны по всем азимутам», который до определенных пределов может служить сегодня обозначением и оборонной политики России.

Как подчеркивалось авторами «Обзора ядерной политики» Министерства обороны США, подготовленного в январе 2002 г., сегодня США сталкиваются с «многочисленными потенциальными оппонентами», но «мы не уверены, кто конкретно будет противником». При этом отмечалось, что «у нас новые отношения с Россией, которые ведут к еще более позитивному курсу, значительно более позитивному курсу»; доминирует «идея прекратить строить отношения с Россией, основывающиеся на взаимном гарантированном уничтожении» (см.: *Crouch J.D.*, ASDISP. Special Briefing on the Nuclear Posture Review. Wednesday Jan. 9, 2002. URL: <http://www.defenselink.mil/news/Jan.2002/t01092002.t0109.npr.html>).

Как показали промежуточные выборы в Конгресс США в ноябре 2002 г., это оказалось удачным ходом со стороны администрации Дж. Буша-мл. и руководства республиканской партии, завоевавшей большинство в обеих палатах Конгресса США.

⁸⁵ *Повалий М.* Политика и военная стратегия // Военная мысль. 1970. № 7. С. 10–11.

сложная задача, чем подготовка лишь одного базового варианта, например плана тотальной войны.

Устарела ли формула Клаузевица о примате политики над военной стратегией с появлением ядерного оружия?

В уже упоминавшейся книге советских военных теоретиков и практиков «Военная стратегия» подвергается резкой критике следующее высказывание по поводу формулы Клаузевица английского маршала авиации Кингстона-Макклори, содержащееся в его работе, опубликованной в СССР в русском переводе: «Но возьмите его знаменитое заявление о том, что война есть продолжение политики иными средствами (насильственными средствами), и рассмотрите его в свете современных условий. В случае ядерной войны ничто не оказалось бы таким далеким от истины, как это утверждение. Такая война в случае ее развязывания означала бы конец всякой политики и полное взаимное истребление».

Авторы «Военной стратегии» высказываются в связи с этим весьма безапелляционно: «Совершенно очевидно, что подобные взгляды являются следствием метафизического, антинаучного подхода к такому общественному явлению, как война, и порождены идеализацией нового оружия». Далее они пишут: «Известно, что сущность войны как продолжения политики не меняется в зависимости от изменения техники и вооружения». И в духе того времени делается ошеломляющий вывод о назначении взглядов, подобных высказанным Кингстоном-Макклори: они «...понадобились военным идеологам империализма для того, чтобы оправдать свой курс на подготовку новой войны и поставить развитие экономики, науки и техники на службу военной организации»⁸⁶.

Идея о том, что ядерная война является продолжением и орудием политики, откровенно высказывалась в статье советских военных В. Шиляга, М. Попова, Т. Кондраткова, опубликованной в конце 1966 г. В ней говорилось: «Опыт истории, современные войны — контроль политики над ходом войны в Корее и во Вьетнаме, предотвращение ядерной войны во время кризиса в районе Карибского моря — дают определенные основания полагать, что и в случае возникновения мирового ядерно-

---

⁸⁶ Военная стратегия / под ред. Маршала Советского Союза В.Д. Соколовского. 2-е изд. М.: Воениздат, 1963. С. 24.

го конфликта оружие массового поражения будет находиться под контролем политики и направляться ею». Тут же оговаривалось, что «это не означает, что война обязательно примет какой-то ограниченный характер». Не исключена возможность, писали авторы далее, что политика не допустит или ограничит применение ядерного оружия, прекратит его использование в ходе войны. Объяснялось это таким образом: «...политика — это не только отношения между государствами, но и отношения между классами внутри государств. И если правящие эксплуататорские классы проводят одну политику, то угнетенные классы имеют совершенно иные политические интересы, противостоящие реакционной политике монополистического капитала. Это может сказаться на общем характере и конкретных способах ведения и исходе мировой ядерной войны, если она возникнет»⁸⁷. Данное рассуждение напоминает «революционную романтику» похода на Польшу и классово-политические иллюзии, приведшие к поражению Красной Армии в Польше в 1920 г.⁸⁸ и к ее тяжелейшим потерям в 1939–1940 гг. в советско-финской войне.

---

⁸⁷ Шиляг В., Попов М., Кондратков Т. Политика и ядерная война // Военная мысль. 1966. № 12. С. 11.

⁸⁸ Тема советско-польской войны 1920 г. еще ждет своего серьезного исследования, в том числе с точки зрения соотношения *идеологии, политики и военной стратегии*. Председатель Реввоенсовета Советской России, нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, в частности, писал в своих воспоминаниях: «...на нашей стороне, вместе с первыми крупными успехами, обнаружилась переоценка открывающихся перед нами возможностей. Стало складываться и крепчать настроение в пользу того, чтоб войну, которая началась как оборонительная, превратить в наступательную, революционную войну». Как замечает Троцкий, «принципиально я, разумеется, не мог иметь никаких доводов против этого». Но для него «вопрос сводился к соотношению сил». При этом «неизвестной величиной было настроение польских рабочих и крестьян. Некоторые из польских товарищей, как покойный Ю. Мархлевский, сподвижник Розы Люксембург, оценивали положение очень трезво. Оценка Мархлевского вошла важным элементом в мое стремление как можно скорее выйти из войны», — пишет Троцкий. «Но были и другие голоса. Были горячие надежды на восстание польских рабочих. Во всяком случае у Ленина сложился твердый план довести дело до конца, т.е. вступить в Варшаву, чтобы помочь польским рабочим массам опрокинуть правительство Пилсудского и захватить власть». В результате, как пишет Троцкий, «мы прошли мимо собственной победы — к тяжелому поражению» (*Троцкий Л.Д. Моя жизнь*. М.: Вагриус, 2001. С. 444–445).

В то же время нельзя не признать, что советские исследователи конца 1950-х — начала 1960-х годов обратили внимание на радикальное изменение характера военной стратегии в связи с появлением таких новых средств вооруженной борьбы, как ракетно-ядерное оружие.

Возможности стратегии в условиях ракетно-ядерной войны резко возрастают, отмечали генерал армии С.Н. Козлов и его коллеги по Академии Генерального штаба. Они сделали принципиально важный вывод о том, что *стратегия уже не является лишь организатором и комбинатором системы операций.*

«Теперь стратегия обладает возможностью достигать своих целей не только через совокупность тактических и оперативных результатов, но и непосредственно. Эта возможность стратегии обеспечивается ракетно-ядерным оружием. Более того, сам эффект стратегических ударов прямо и более или менее непосредственно определяет обстановку, ход и результаты всех других усилий и масштабов, как оперативных, так и тактических. Это положение должно рассматриваться как одна из главных черт военного искусства в современных условиях»⁸⁹. Как видим, здесь речь идет о новом месте стратегии современной войны, при этом не ставится под сомнение ракетно-ядерная рациональность последней.

В то же время, выступая в закрытых аудиториях, некоторые советские военные теоретики, по свидетельству ряда очевидцев, шли значительно дальше в переоценке традиционных вопросов военного искусства в связи с появлением ракетно-ядерного оружия. Они поднимали вопрос о том, что гигантские жертвы и разрушения, вызываемые применением ракетно-ядерного оружия, вообще выводят его использование за пределы военного искусства⁹⁰. Но эти взгляды тогда еще не получили

---

⁸⁹ Козлов С.Н., Смирнов М.В., Базь И.С., Сидоров П.А. О советской военной науке. М.: Воениздат, 1964. С. 255.

⁹⁰ За пределы военного искусства уже в 1960-е годы и в СССР и на Западе ряд теоретиков и практиков выводили применение не только ядерного оружия, но и такого средства массового поражения, как биологическое

официального признания, хотя на Западе уже вовсю шли дебаты, причем на высоком политическом и военно-профессиональном уровне, о совершенно иной качественной оценке ядерных арсеналов — прежде всего как сдерживающего фактора от развязывания большой войны и как орудия политического давления на оппонента. По большей части дебаты организовывались неправительственными исследовательскими центрами, главным образом базирующимися в ведущих университетах страны. Такого рода центры практически отсутствовали в то время в СССР⁹¹.

(бактериологическое) оружие. Свою позицию они обоснованно объясняли тем, что последствия применения биологического оружия непредсказуемы, что оно, будучи примененным, полностью выходит из-под контроля применившей его стороны. Эта аргументация оказалась достаточно убедительной, чтобы способствовать заключению в 1972 г. международной Конвенции о запрещении биологического (бактериологического) оружия.

⁹¹ Политико-военные проблемы стали рассматриваться по-новому в конце 1960-х — начале 1970-х годов в институтах Академии наук СССР: прежде всего в Институте США и Канады под руководством академика Г.А. Арбатова и в Институте мировой экономики и международных отношений под руководством академика Н.Н. Иноземцева, а затем академиком А.Н. Яковлева и Е.М. Примакова, в дальнейшем — в Институте Европы под руководством академика В.В. Журкина, в Институте востоковедения и в Институте Дальнего Востока РАН. В эти институты пришли работать высокообразованные и профессиональные отставные и действующие (прикомандированные) военные (Н.А. Ломов, М.А. Мильштейн, В.В. Ларионов, Л.С. Семейко и ряд других). Постепенно сформировалось несколько гражданско-военных коллективов, которые проводили исследования, не утратившие своей значимости и в настоящее время. Из гражданских специалистов по политико-военным проблемам, выросших в таких коллективах, можно отметить Г.А. Трофименко, А.Г. Арбатова, С.М. Рогова, С.Е. Благоволина, А.А. Васильева (ранее авторитетного работника оборонной промышленности), С.К. Ознобищева, А.А. Коновалова, А.Г. Савельева и др.

Рассмотрение политико-военных проблем, их научное исследование скрывалось многими обстоятельствами, в том числе сверхвысоким уровнем секретности всего того, что относилось в нашей стране к военным вопросам. Этот уровень намного превышал тот, который, например, имел место в царской России в конце XIX — начале XX в., в Советском Союзе в 1920-е годы.

Все это весьма пагубно сказывалось на вопросах оптимального построения системы стратегического руководства обороной, на том, как выделялись, распределялись и использовались ресурсы на нужды обороны.

Во второй половине 1960-х и в 1970-е годы не было принесено практически ничего нового в развитие советской военной мысли, в частности в решение вопроса о сущности взаимоотношений между политикой и стратегией.

Ничего нового в этом смысле не добавила и объемная книга министра обороны СССР Маршала Советского Союза А.А. Гречко «Вооруженные Силы Советского государства». В ней лишь подчеркивалось, что «руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами выступает как главный принцип советского военного строительства»⁹².

В последующие годы в советской военной науке был предпринят ряд небезынтересных попыток добавить кое-какие полутона в освещение вечной темы — о взаимоотношениях между политикой и войной, политикой и военной стратегией⁹³.

---

⁹² Гречко А.А. Вооруженные Силы Советского государства. 2-е изд. М.: Воениздат, 1975. С. 32.

⁹³ В 1980-е годы вопрос об «управленческой» связи между политикой и военной стратегией в рамках прежде всего военной доктрины государства довольно обстоятельно освещался в ряде работ таких известных советских военных деятелей, как Маршал Советского Союза Н.В. Огарков (в 1977–1984 гг. начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР) и генерал-полковник М.А. Гареев (заместитель начальника Генерального штаба, отвечавший прежде всего за развитие военной науки).

Н.В. Огарков, отмечая ведущее, определяющее положение, которое занимает социально-политическая сторона военной доктрины, в то же время подчеркивал, что эта составляющая доктрины находится «в тесной диалектической взаимосвязи и взаимозависимости» с военно-технической. По Огаркову, «политические цели войны должны в полной мере соответствовать военному потенциалу государства, боевым возможностям вооруженных сил и применяемым ими способам ведения военных действий, а последние должны надежно обеспечить достижение поставленных целей» (Огарков Н.В. История учит бдительности. М.: Воениздат, 1985. С. 58–59).

Относительно военно-технической составляющей военной доктрины Н.В. Огарков высказывал мысли, довольно необычные для офи-

Недостаток формулы, которую предложил упомянутый выше Кингстон-Макклори, состоит в следующем: в ней не отмечено, что война с применением ядерного оружия не может быть **рациональным** средством продолжения политики. Ядерная война — вполне реальный результат неверной, «дурной», пользуясь словами А.А. Свечина, политики. Она может оказаться продуктом политики активного, но слабо продуманного использования ядерного оружия в качестве средства шантажа, средства нажима, сопровождающегося непониманием характера эскалации политического конфликта и возможного его перерастания в конфликт военный с различной интенсивностью и глубиной использования сил и средств вооруженной борьбы.

Положение о том, что ядерная война не может быть рациональным средством продолжения политики, применимо прежде всего к советско-американским отношениям периода «холодной войны», особенно начиная с того момента, когда

циальной советской военной традиции после трагических событий конца 1930-х годов, выкосивших подавляющую часть советских военных мыслителей в ходе массовых репрессий командного состава РККА и РККФ. По его суждению, в содержании военно-технической стороны военных доктрин социалистических и капиталистических стран имеются некоторые сходные черты, обусловленные общими тенденциями развития военного дела и вытекающие из достигнутого уровня научно-технического прогресса и использования опыта прошлых войн.

М.А. Гареев в основательном труде, посвященном военно-теоретическому наследию М.В. Фрунзе, подчеркивал, что последний решающую роль отводил политике. При этом социально-политическая сторона военной доктрины, по Фрунзе, базировалась на марксистско-ленинском учении о войне и армии, других общественных науках; ее военно-техническая сторона основывалась на положениях военной науки и военной проблематики других наук. Неверными, по мнению М.А. Гареева, являются утверждения некоторых советских военных авторов о том, что военная доктрина формируется только с помощью военной науки. «Совершенно очевидно, что политическая сторона военной доктрины не может основываться лишь на достижениях военной науки», — отмечал М.А. Гареев, тем самым еще раз подчеркивая примат политики над военной стратегией и военным делом в целом (*Гареев М.А.* М.В. Фрунзе — военный теоретик. М.: Воениздат, 1985. С. 394).

Советский Союз обрел убедительный потенциал нанесения «неприемлемого ущерба» Соединенным Штатам в результате ответных действий.

В подтверждение такой оценки уместно привести высказывание Н.В. Огаркова, сделанное им отнюдь не из конъюнктурных соображений накануне вот-вот готового появиться «нового мышления», а в результате глубоких многолетних размышлений:

Появление в 1945 г. и быстрое совершенствование в последующем ядерного оружия, обладающего невероятной силой поражения, по-новому поставили вопрос о целесообразности войны как средства достижения политической цели (выделено мною. — А.К.). Только окончательно утратив разум, можно пытаться найти такие аргументы и определить такую цель, которые оправдывали бы развязывание мировой ядерной войны и ставили бы тем самым человеческую цивилизацию перед угрозой полного уничтожения. Отсюда следует непреложный вывод о том, что преступно рассматривать термоядерную войну как рациональное и чуть ли не законное средство продолжения политики⁹⁴.

Обращает на себя внимание, что Н.В. Огарков считал возможным развязывание «термоядерной войны» в качестве продолжения политики со стороны иррационально действующих сил. Развивая эту мысль, следует признать, что термоядерная война вполне может оказаться продолжением и порождением жесткой силовой политики, в арсенале средств которой имеется ядерный шантаж. История ядерного века, к сожалению, знает несколько примеров использования ядерного шантажа в качестве инструмента политики как Соединенными Штатами, так и Советским Союзом. И как правило, это усиливало конфронтацию, чреватую термоядерной войной.

Во второй половине 1980-х годов обсуждение вопроса о соотношении политики и войны получило новый импульс в связи с признанием того, что в ядерной войне победителей

---

⁹⁴ Огарков Н.В. Указ. соч. С. 88.

быть не может. Это признание вслед за политическим руководством сделало и высшее военное командование СССР⁹⁵.

---

⁹⁵ М.С. Горбачев, выступая на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» 17 февраля 1987 г., сказал: «...после Хиросимы и Нагасаки мировая война перестала быть продолжением политики другими средствами. В ядерной войне сторгят и сами авторы такой политики» (*Горбачев М.С.* За безъядерный мир, за гуманизм международных отношений. М.: Политиздат, 1987. С. 10).

Этот тезис далеко не всеми в СССР был воспринят тогда однозначно. Он вызвал немало критики, преимущественно кулуарной и завуалированной.

Позицию высшего военного руководства по этому вопросу обобщил министр обороны СССР Д.Т. Язов. По его словам, развязывание ядерной войны агрессивными реакционными кругами «явится прямым результатом той абсурдной, преступной политики, которую проводили эти круги вплоть до начала войны» (*Язов Д.Т.* Верны Отчизне. М.: Воениздат, 1988. С. 289). Однако министр подчеркнул, что «само начало такой войны станет концом всякой политики, потому что это будет всемирная катастрофа, гибель всего человечества... Военно-силовая политика и ее крайнее проявление — война полностью исчерпали себя» (Там же). Фактически Д.Т. Язов говорил в этом вполне официальном издании языком упоминавшегося выше Кингстона-Макклори, заклеянного в свое время авторами книги «Военная стратегия», вышедшей под редакцией В.Д. Соколовского.

Размышляя таким образом, Д.Т. Язов в продолжение советской традиции сослался на мнение высшего политического руководства страны: «Нет такой земной или космической крыши, под которой можно было бы укрыться, разразись ядерная гроза. Эту мысль не раз с предельной ясностью и четкостью излагал М.С. Горбачев. Ею проникнуты важнейшие принципиальные положения документов XXVII съезда КПСС, Программы нашей партии».

Выступления М.С. Горбачева, Д.Т. Язова, ряда других партийных, государственных руководителей и военных деятелей стимулировали дискуссию по этой теме. В частности, был поднят вопрос о правомерности применения к такому гипотетическому явлению, которое принято называть ракетно-ядерной войной, самого понятия «война». Так, сотрудники Института военной истории Министерства обороны СССР, отражая широко распространенные в обществе взгляды, писали о ракетно-ядерной войне: «Если отрешиться от груза инерции и рассматривать ее через призму нового политического мышления, она лишена ряда весьма существенных признаков, характеризующих войну как специфическое социальное явление». Они обратили внимание на то, что «ракетно-ядерная

война» сама по себе «изживается» и в собственно военном отношении, ибо становится невозможным ее «естественный» конечный результат, ради которого, по существу, всегда затевались и велись войны, т.е. победа (*Каневский Б.К., Шабардин П.Н.* К вопросу о соотношении политики, войны и ракетно-ядерной катастрофы // *Международная жизнь.* 1987. № 10. С. 121). При этом авторы дали слишком расширительное толкование понятия войны по сравнению с тем, который вкладывал в него Клаузевиц. «Наконец, война — это не только вооруженное противоборство. Она подразумевает и другие, обеспечивающие вооруженную борьбу, но относительно самостоятельные “невоенные” формы борьбы: экономическую, дипломатическую, разведывательную, научно-техническую, идеологическую и т.д. В связи с тотальной гибелью людских и материальных ресурсов ракетно-ядерная катастрофа не оставит места для этих форм противоборства» (Там же).

На основании таких рассуждений делается вывод: «Следовательно, формула “война — продолжение политики” настолько деформирована реальностями ядерного века, что, в сущности, в содержательном и функциональном отношении она оказывается непригодной для понимания того, что принято называть ракетно-ядерной войной» (Там же).

Аналогичные мысли высказывали и военные теоретики, также работавшие в Институте военной истории Минобороны СССР, Ю.Я. Киришин, В.М. Попов, Р.А. Савушкин: «Современное оружие по своей разрушительности объективно переросло целесообразность его использования для достижения агрессором политических целей» (*Киришин Ю.Я., Попов В.М., Савушкин Р.А.* Политическое содержание современных войн. М.: Наука, 1987. С. 35). Большинство участников в развернувшейся на страницах журнала «Международная жизнь» дискуссии в целом поддержали изложенную выше точку зрения, что ракетно-ядерную войну нельзя считать войной в традиционном смысле этого слова.

С несколько иных позиций выступил кандидат исторических наук Н. Грачев: «Само ракетно-ядерное оружие создано, накаливается и совершенствуется по заказу политиков, оно есть выражение вполне осознанной политики. Политика решала и будет решать вопрос о применении или неприменении ядерного оружия. Агрессивные силы США уже не один десяток раз хотели применить ядерное оружие против СССР и других стран. И чего-либо принципиального, от чего это оружие перестало бы быть орудием войны, не произошло. Не лишает политического содержания ракетно-ядерную войну и ее случайное, из-за технического сбоя, начало, ибо в самой этой случайности повинна все-таки политика, готовившая войну. Тем более, что ответные меры в этой непреднамеренно начавшейся войне уже не будут случайностью. И вопрос об их применении будет решаться политическим руководством» (*Грачев Н.* О ракетно-ядерной войне и ее последствиях // *Международная жизнь.* 1988. № 1. С. 103).

Анализ военно-политического поведения сверхдержав в 1970-е и 1980-е годы, когда установился советско-американский военно-стратегический паритет, показывает, что в этих условиях государственное руководство США значительно реже и в более завуалированной форме прибегало к попыткам ядерного шантажа. Даже администрация Рейгана, несмотря на свой изначально воинственный облик, за все восемь лет пребывания у власти ни разу не прибегла к прямому ядерному шантажу. Не пришлось это делать и Советскому Союзу, который в прошлом несколько раз обращался к угрозе применения данного серьезного и обоюдоострого оружия.

Говоря о соотношении политики и войны в условиях ядерного противостояния, нельзя не упомянуть о такой проб-

---

Полемизируя с Н. Грачевым, известный военный историк Д.М. Проэктор писал, что «при наличии даже минимума здравого смысла никто практически не сможет использовать ядерные вооружения для войны и победы». Д.М. Проэктор при этом подчеркивал политическую роль ядерного оружия. Оно «становится скорее, так сказать, политическим оружием, выходя за рамки традиционного средства войны. Оружие прошлого — это прежде всего средство войны и лишь потом — средство не прямых действий. А новейшее оружие — наоборот. Оно в первую очередь средство не прямых действий и лишь потом, в самом крайнем и почти немислимом случае, — средство войны» (*Проэктор Д.М.* О политике, Клаузевице и победе в ядерной войне // *Международная жизнь*. 1988. № 1. С. 88).

Грань, отделяющую политику от ядерного конфликта, который нельзя считать продолжением политики, данный автор определил следующим образом: «...процессы международно-политической борьбы, роста политической напряженности, подготовки к войне, даже движение к ней — все это политика. Совершенно иное состояние — это ядерная война, которую невозможно признать политикой, ибо она не обладает ни одним из ее признаков. Она уже никакая не политика» (Там же).

Д.М. Проэктор справедливо обратил внимание на роль формулы Клаузевица применительно к ограниченному войнам: «Если говорить о небольших, ограниченных, или локальных, войнах в тех или иных районах мира (вне противостояния Восток-Запад), которые ведутся обычными средствами, то здесь, вероятно, мысли Клаузевица о войне как политике, сменившей перо на меч, по-прежнему находят свое подтверждение... Хотя при внимательном рассмотрении возможности силового решения политических проблем неуклонно уменьшаются и здесь» (Там же).

леме, как возникновение войны «по ошибке», в результате сочетания непреднамеренных действий обеих сторон, вступающих в состояние своего рода «стратегического резонанса».

Можно выделить четыре основных источника опасности непреднамеренного, случайного возникновения ядерной войны: технические ошибки в системах раннего предупреждения и управления ядерным оружием; неудачные принципы организации движения информации в системе принятия решений; человеческие ошибки в оценке военно-стратегической ситуации в результате неверной интерпретации поступающих данных; механические ошибки или нервные срывы человека в результате неадекватного состояния — усталости, болезни и т.п. Разумеется, наиболее опасно совмещение ошибок нескольких видов.

Несмотря на все достижения последних лет в ядерных государствах применительно к задаче предотвращения непреднамеренной, случайной ядерной войны, эта тема по-прежнему остается актуальной. Государственное руководство и высшее военное командование каждой ядерной державы должно постоянно держать под контролем соответствующие технические и особенно человеко-машинные системы, проверять надежность, адекватность действующих процедур, персонала, структур управления и соответствующей техники. Ядерная война «по ошибке» не может по определению быть рациональным продолжением государственной политики.

Но она вполне может оказаться логическим продолжением ошибочной политики в ряде сравнительно частных проблем — в подборе кадров, имеющих отношение к принятию решений о применении ядерного оружия и к его эксплуатации, в технической политике, касающейся соответствующих средств управления и контроля, и т.п.

Для предотвращения несанкционированного, случайного применения ядерного оружия необходимы регулярные тренировки с участием высшего государственного руководства (Верховного главнокомандующего и его «дублера» — того второго человека в государственной иерархии, который в случае невозможности выполнения Верховным своих обязанностей будет отвечать за приведение в действие «ядерной кнопки»).

Рациональным продолжением политики с использованием военных средств вполне может оказаться ограниченная ядерная война ядерного государства против неядерного (о чем подробнее будет сказано в главе, посвященной войнам тотальным и войнам ограниченным). В этом случае ядерному государству не угрожает ответный ядерный удар возмездия по «мягким целям», по крупным населенным пунктам⁹⁶.

* * *

Размышления о соотношении политики и военной стратегии в условиях непрекращающегося процесса технологического развития средств вооруженной борьбы, усиления их воздействия на человека и окружающую среду, в условиях динамично изменяющейся системы международных отношений, в том числе под воздействием процесса глобализации, остаются важным инструментом познания и формулирования оптимальной системы стратегического управления. Дискуссии по этим жизненно важным для судьбы нашего общества и государства вопросам должны идти сегодня и в России. Нам следует при этом исходить из наличия практически во всех государствах политических институтов, являющихся носителями идей и концепций силового разрешения международных проблем.

Для России вопрос об использовании военной силы в качестве инструмента политики остается исключительно актуальным, причем речь идет об использовании как прямом, так и косвенном, опосредованном, для предотвращения той или иной агрессии против нас или наших друзей и союзников. Для

---

⁹⁶ В такой войне могут, в частности, ставиться ограниченные политические и военные задачи по уничтожению объектов другой стороны, на которых ведется разработка ядерного оружия (и других видов оружия массового поражения — химического, биологического) и средств его доставки, по «обезглавливанию» системы либо государственного, либо военного управления, поражению определенных наиболее ценных объектов, сил и средств общего назначения. Такая война ядерного государства против неядерного представляется вполне «мыслимой» при определенных условиях, поскольку ядерное государство в этом случае не рассчитывает на ответный удар возмездия со стороны неядерного государства.

этого всегда необходимо прежде всего самым тщательным образом определять **политические** цели для применения военной силы, для военной стратегии.

Это относится и к вопросу о ядерном сдерживании как самой ощутимой форме небоевого применения военной силы. Тем более, что ядерное сдерживание в современных условиях играет для России особую роль, в том числе в силу слабости сил общего назначения, общей экономической слабости.

Эта роль будет оставаться весьма значимой на протяжении многих десятилетий. Мир вряд ли станет более безопасным по сравнению с тем, каким он сложился в последнее время.

Аксиоматичная сегодня формула Клаузевица «война является лишь продолжением политики иными, насильственными, средствами» полностью применима и к таким крупнейшим проблемам международной безопасности и национальной безопасности отдельных стран, как терроризм и распространение ядерного оружия (и других видов оружия массового поражения)⁹⁷.

Масштабы соответствующих угроз сегодня сопоставимы с теми, что имели место в период накануне Второй мировой войны. «Синтетическая», относительно новая проблема международной и национальной безопасности — это проблема получения радикальными неправительственными организациями в свои руки оружия массового поражения.

Следя формуле Клаузевица, необходимо признать, что главной проблемой является не сам по себе терроризм⁹⁸, а ра-

---

⁹⁷ Выступая в МГУ им. М.В. Ломоносова 8 декабря 2002 г., Президент России В.В. Путин сказал: «Известно, что война — это “продолжение политики”, только иными средствами. Международные террористы, чем бы они ни прикрывались, также ведут борьбу за политические и экономические рычаги влияния в мире. Именно это является их целью. Ими движут не эфемерные, а вполне конкретные цели. Сегодняшние террористы пристально высматривают для себя цели и прицельно бьют по ним. Бьют по объектам и моделям цивилизованного экономического и социального развития» (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на VI съезде Союза ректоров России 8 декабря 2002 г. Официальное интернет-представительство Президента РФ, 2002. URL: press_ofit.PRESIDENT.KREMLIN.RU).

⁹⁸ В ряде случаев и он как феномен современной цивилизации может жить сравнительно автономной жизнью, как не раз в истории война

дикальные политические организации, использующие террористические методы.

Соответственно, если говорить о целях «войны с терроризмом»⁹⁹, речь должна идти о политическом поражении радикальных организаций всеми средствами и методами высшей стратегии — спецоперациями, перекрытием каналов финансирования, спецпропагандой и даже военными действиями. Огромную роль играет в этой борьбе дипломатическое обеспечение.

Аналогичной логике необходимо следовать и в решении проблемы распространения ядерного оружия.

Государства приобретают собственное ядерное оружие не потому, что им становятся более доступны соответствующие технологии, знания, «ноу-хау», а потому, что в них в определенный период складывается критическая масса интересов, побудительных мотивов, группировок политической, технократической и военной элиты, которые принимают политическое решение о превращении своего государства в ядерную державу. Политической целью в этой сфере является недопущение появления новых ядерных государств. Данная цель имеет много общего с задачей недопущения получения ядерного оружия радикальными политическими негосударственными организациями.

Террор, терроризм направлен прежде всего на массовое устрашение в определенных политических целях — сильнейшее политико-психологическое воздействие на государственных лидеров, политическую элиту, СМИ, на общество в целом, а не просто на уничтожение тех или иных неугодных террористам деятелей. В этом отличие современного массового террора от индивидуального террора, который, например, пропове-

---

начала при определенных условиях эмансипироваться от политики, породившей войну, и жить относительно автономной жизнью.

⁹⁹ Так называемая война с терроризмом — термин, являющийся продуктом публичной политики. Он носит лозунговый характер. Но природа лозунговости такова, что она прямо воздействует и на механизмы и процессы стратегического управления — помимо воли тех, кто запустил в оборот лозунг или термин.

довали в России в начале XX в. социалисты-революционеры (эсеры), а до них — «Народная воля».

* * *

Теоретические вопросы соотношения политики и военной стратегии имеют, как уже отмечалось выше, прямое отношение к вопросу о построении оптимальной системы стратегического управления (руководства) Вооруженными силами РФ. В нашей стране после распада СССР не раз поднимался, в частности, вопрос о роли Генерального штаба ВС РФ в такой системе, о трактовке самого понятия «Вооруженные силы».

Возникали ситуации, когда Генштаб добивался даже определенной автономности от остальной части министерства обороны.

Представляется, что на основе теоретических положений по данной теме должны быть в законодательном порядке определены роль, полномочия, ответственность в стратегическом руководстве Вооруженными силами не только Президента — Верховного главнокомандующего и Правительства Российской Федерации, но и министра обороны и начальника Генерального штаба ВС, а также командующих объединенными командованиями на потенциальных театрах военных действий. При этом в предварительном порядке должны быть проиграны различные модели принятия политико-военных, военно-стратегических и оперативно-стратегических решений (и их реализации).

Представляется, что Генштаб ВС РФ не может в нашей стране уподобиться Комитету начальников штабов ВС США, который, как правило, не включается в контур стратегического управления. В России Генштаб, безусловно, должен быть одним из главнейших элементов стратегического управления в военной сфере. При этом следует иметь в виду, что политика (и внешняя, и внутренняя) в современных условиях глобализирующегося мира и информационного общества пронизывает все уровни боевого применения Вооруженных сил — стратегический, оперативный и даже тактический. Это в полной мере относится к гуманитарным операциям и операциям по поддержанию мира.

Действия военного ведомства (в том числе Генштаба ВС РФ), различных компонентов Вооруженных сил при проведении тех или иных операций должны тесно сопрягаться с деятельностью других ведомств — Министерства иностранных дел, Службы внешней разведки, Федеральной службы безопасности, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства транспорта, РЖД и др. Это взаимодействие необходимо тщательно отрабатывать на различных учениях, для чего и в Минобороны РФ, и в других ведомствах должны иметься специальные подразделения.

Важную роль в оказании всесторонней помощи высшему государственному руководству в подготовке принятия решений, связанных с применением военной силы, должен играть Совет Безопасности (СБ) РФ и его аппарат во главе с секретарем СБ и его заместителями.

Глава 2

О РЕШЕНИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Своего рода фокальной точкой всего управленческого процесса является решение. Соответственно фокальной точкой стратегического управления является стратегическое решение. Стратегические решения оказывают воздействие на крупномасштабные процессы, на исход войны, на судьбу отдельных государственных руководителей высшего командования, вооруженных сил, а в конечном счете — в зависимости от масштаба войны — на судьбу страны и народа в целом.

Отличие решений в военной сфере вообще и в стратегическом управлении в частности от управленческих решений в других сферах как раз и состоит в том, что они определяют вопросы жизни и смерти сотен тысяч, миллионов, а в современных условиях ядерного века — сотен миллионов, а может быть, даже и миллиардов людей. Есть необратимые решения, приводящие в действие механизмы, которые уже нельзя остановить. Поэтому на лицах, принимающих решения по вопросам обороны и национальной безопасности, лежит особая ответственность, и к ним следует предъявлять повышенные требования в том, что касается подготовки, отбора кадров, постоянной проверки их качеств. Здесь неперменной и обязательной должна быть постоянная интеллектуальная работа, теоретическое осмысление процесса принятия решений. В большинстве своем решения по военным вопросам принимаются при отсутствии всей полноты информации. Ее компенсирует опыт руководителей, опыт аппарата, наличие сильной институциональной памяти, воображение, основанное на глубоких знаниях предмета.

Решение — это прежде всего выбор, выбор между действием и бездействием, а затем уже между двумя или более вариантами действий. Принятие решений на войне — сложный

мыслительный процесс с активным вторжением эмоций, всякого рода случайностей, несуразностей, нарушающих строгую формализованную логику. Как писал Клаузевиц, на войне «вождь крупного целого находится постоянно под ударами волн ложных и истинных сообщений, ошибок, допущенных вследствие страха, небрежности, торопливости или упрямства, проявленного на основании правильных или неправильных взглядов, по злой воле или из ложного или подлинного чувства долга, вследствие лености или переутомления; он окружен случайностями, которые никто не смог бы предусмотреть»¹.

Процесс принятия решений как таковой нематериален, однако исполнение решений, их прямые и косвенные последствия могут приводить в действие огромные материальные ресурсы.

К тому же и подготовка к принятию решений — это процесс, требующий определенных материальных затрат, подчас весьма значительных, для сбора и обработки информации, в том числе техническими средствами, для проведения различных социологических обследований и других целей.

Клаузевиц справедливо отмечал особую сложность, трудность принятия решений стратегического уровня по сравнению с решениями тактического уровня. «Может показаться странным, что для принятия важного решения в стратегии требуется гораздо больше силы воли, чем в тактике; но это не подлежит сомнению для тех, кто знает войну с этой стороны. В тактике мгновение само вас увлекает с неудержимой силой; действующее лицо чувствует, что его уносит водоворот событий, против которого оно не может бороться, не рискуя вызвать самых губительных последствий; оно подавляет в себе возникающие сомнения и смело продолжает дерзать. В стратегии, где все протекает гораздо медленнее, предоставлено гораздо больше простора для собственных и чужих мнений, возражений, представлений, а следовательно, также и для несвоевременных сожалений о прошлом.

А так как в стратегии не приходится, как в тактике, видеть собственными глазами хотя бы половину всего, но лишь угадывать и предполагать, то и воззрения бывают менее устойчивы»².

---

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Воениздат, 1937. Т. 1. С. 209–210.

² Там же. С. 188.

Вследствие этого, по словам Клаузевица, «большинство полководцев там, где они должны были бы действовать, топчутся на месте среди мнимых затруднений и колебаний»³.

Как и решения в других сферах, стратегические решения принимаются в определенных системах управления, состоящих из организационно-штатных структур, персонала управления, лиц, готовящих решения и контролирующих их реализацию, процедуры, регламентирующей взаимодействие различных управляющих органов и объектов управления, техники, обеспечивающей процесс управления⁴.

Ключевую роль практически всегда играют стратегические решения высшего политического уровня: определение основных военных угроз национальной безопасности страны, их соотношение с другими видами угроз, определение вероятных противников, вероятных (и желаемых) союзников и партнеров, глубина союзнических или партнерских отношений (заключающихся на практике в степени согласованности, координации военно-стратегических действий и военно-экономической политике на случай войны и т.п.).

Очевидным «продуктом» процесса принятия стратегических решений являются также решения о стратегическом сосредоточении и развертывании войск, о начале войны и о проведении крупномасштабных военных операций, в том числе о выборе направления главного удара и т.п. Однако за многими решениями такого рода, нацеленными на определение результата войны, стоят решения в экономической и военно-технической сферах.

---

³ Там же.

⁴ Организация руководства включает прежде всего нормативно-правовую базу, регулирующую все вопросы деятельности вооруженных сил в мирное и военное время, их развития, удовлетворения их потребностей, а также систему органов, занимающихся управлением и организацией их работы. Остановимся на том, что сегодня в принципе следует понимать под системой управления.

Слово «система» приобрело такие значения, как «порядок», «устройство», «метод», «план». Понятие «систематизированное» противоположно понятию «хаотичное». Но в широком понимании система — это организованное сложное единство, совокупность предметов или частей, образующих комплексное единое целое.

Особенно заметным это стало в последней четверти XIX в., в эпоху пара и стали, радикально изменившую материальную основу ведения войны (до этого она эволюционировала сравнительно медленно на протяжении нескольких столетий после появления в Европе огнестрельного оружия). Уже тогда высшее руководство ведущих государств Европы должно было, к примеру, уделять растущее внимание кораблестроительным программам, программам перевооружения артиллерией сухопутных войск и др. Просчеты в этих сферах, допущенные военным министерством Российской империи за несколько лет до начала Первой мировой войны, имели трагические последствия для нашей страны.

Решения германского рейхстага о создании «флота открытого моря» в конце XIX — начале XX в. во многом определили состав сторон в будущей Первой мировой войне, подтолкнув Великобританию к союзу с Францией и Россией и сделав тем самым еще более проблематичными шансы Германии и ее союзников на победу в этом грядущем гигантском противостоянии. Эти решения оказывали огромное воздействие на политику, создавали механизмы, работавшие на повышенную вероятность новой мировой войны.

К такого рода решениям можно отнести решение о системе противоракетной обороны США и о выходе из Договора по ПРО 1972 г., принятое президентом США Дж. Бушем-младшим осенью 2001 г. Оно радикально изменило основные параметры системы обеспечения стратегической стабильности, сложившейся с начала 1970-х годов, когда был заключен первый советско-американский Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (в 1972 г.) и упомянутый Договор об ограничении систем противоракетной обороны.

Разумеется, к сфере стратегических решений относится весь комплекс вопросов, связанных с проведением такого масштабного предприятия, каким является военная реформа. Поэтому в разряд стратегических решений можно отнести принятие во Франции Закона 1996 г. о военной реформе и серию решений Президента и Совета Безопасности Российской Федерации в 1997–1998 и 2000–2001 гг. по реформированию

Вооруженных сил России, в том числе принятие «Основ (концепции) государственной политики в области военного строительства», утвержденных Президентом России 3 августа 1998 г.

Проанализировав основные военные реформы в новой и новейшей истории (Морица Оранского, Густава II Адольфа, Петра Великого, Г.А. Потемкина, Г. Шарнхорста и А. Гнейзенау, Д.А. Милютин, М.В. Фрунзе и др.), автор считает возможным определить следующие главные составляющие военной реформы: а) изменение системы комплектования (например, переход к системе всеобщей воинской обязанности в России в ходе милютинских реформ 1870-х годов); б) изменения в системе военного образования; в) модификация системы стратегического управления (создание, например, в США и Великобритании после Второй мировой войны единого министерства обороны вместо министерств трех видов вооруженных сил; г) трансформация оргштатных структур на уровне военной стратегии, на оперативном и на тактическом уровнях (например, введение корпусной организации Наполеоном во Франции, а затем М.Б. Барклаем-де-Толли в России, переход на модульный принцип построения тактических единиц в США в 1970–1980-е годы); д) разработка и введение в действие новых боевых уставов, наставлений по стратегическим действиям, по подготовке и проведению операции (введение нового боевого устава, заимствованного у Швеции, было одним из важнейших, почему-то почти не замеченных большинством историков, элементов военной реформы Петра Великого, давшей в конечном счете выдающиеся результаты).

Не каждая военная реформа осуществляется по всем упомянутым параметрам. Реформой можно считать деятельность, которая охватывает три-четыре таких компонента.

Ошибочные стратегические решения по распределению ресурсов между военными и гражданскими задачами, между отдельными видами вооруженных сил и родами войск по тем или иным системам вооружений, принимаемые в мирное время, исключительно трудно, а подчас и невозможно исправить непосредственно в предвоенное время и тем более после нача-

ла войны⁵. И это понятно: такого рода решения обладают огромной степенью инерционности в силу природы промышленного производства, имеющихся ограничений по квалификации и количеству доступной рабочей силы, не говоря уже о присутствующих всегда и везде, даже в тоталитарных государствах, ограничениях финансового порядка.

Любому стратегическому решению предшествует определенный период его подготовки, который часто может растягиваться на годы — как обоснованно, так и необоснованно с точки зрения «высшей логики» обеспечения обороноспособности страны⁶.

Лица, готовящие и принимающие решения, подвергаются обычно самому разнообразному воздействию, в том числе

---

⁵ Стоимость систем вооружения постоянно возрастает. К началу XXI в. она достигла огромных величин. Так, по ряду оценок, стоимость одного крупнотоннажного ударного авианосца США составляет 6 млрд долл., многоцелевой атомной подводной лодки типа «Си Вулф» — 3 млрд долл., стратегического бомбардировщика (на основе технологии «Стелс») Б-2 — 1 млрд долл.

⁶ При производстве изменений в системах управления, направленных на повышение их эффективности, необходимо постоянно иметь в виду и возможные негативные последствия таких изменений. Одним из важнейших, практически невидимых извне параметров системы управления является *институциональная память организации*. Для нашей страны с ее специфическими историческими традициями она особенно ценна. Во-первых, значительно меньшая часть вопросов деятельности организации отражается в нормативных документах, памятных записках, протоколах и т.п.; во-вторых, доля документов секретных и совершенно секретных в отечественной системе стратегического управления традиционно намного выше, чем в подавляющем большинстве стран Запада (с далеко не всегда обоснованной засекреченностью), а документы с грифом имеют ограниченное хождение и внутри организации, существенно сужая число носителей институциональной памяти.

Носителями *институциональной памяти* являются прежде всего высоко информированные и профессиональные работники ряда звеньев аппарата таких органов, как Совет обороны или Совет Безопасности, ряд подразделений Минобороны (включая, разумеется, Генеральный штаб и такие его подразделения, как Главное оперативное управление, Главное разведывательное управление, Главное организационно-мобилизационное управление и др.).

внешне не имеющему прямого отношения к конкретной военно-политической, оперативно-стратегической ситуации. Так, среди важнейших факторов, определявших характер мыслей и действий подавляющей части высшего командного состава РККА и РККФ накануне Великой Отечественной войны, был страх перед карой за малейшую ошибку. Он принял огромные масштабы в условиях жесточайших сталинских репрессий против командного состава советских вооруженных сил в 1937–1938 гг., продолжавшихся и в последующие годы. Далеко не всем удавалось преодолевать этот мощнейший барьер и действовать в интересах государства, народа, армии и флота, игнорируя угрозу собственному карьерному и физическому выживанию⁷.

В условиях внутреннего или международного кризиса решения принимаются политическими руководителями, как правило, в состоянии стресса, который часто существенно ограничивает диапазон рассматриваемых вариантов решений. А как показывают многие исследования по социальной психологии, в состоянии стресса подавляющее большинство людей думают хуже, учитывают меньшее число факторов, рассматривают их в упрощенных комбинациях. Мыслительный процесс имеет свои временные параметры, причем они разные у разных людей (недаром есть такое понятие, как «тугодум»). В оте-

---

⁷ К числу таких по-настоящему мужественных, глубоко ответственных перед страной, народом, армией людей можно, например, отнести Маршала Советского Союза Константина Константиновича Рокоссовского. Незадолго до начала Великой Отечественной войны он был освобожден из заключения, где находился в числе многих тысяч других безвинно осужденных командиров Красной Армии. Войну Рокоссовский встретил командиром одного из механизированных корпусов.

С первых дней войны Рокоссовский, несмотря на то что уже успел побывать в лагерях, не боялся проявлять инициативу, действуя по обстоятельствам смело и решительно, и в то же время руководствуясь в своих действиях максимально детальным и глубоким, насколько позволяла обстановка 1941 г., знанием ситуации. К.К. Рокоссовский завершил Великую Отечественную войну в должности командующего фронтом. Командовал Парадом Победы в Москве, в котором принимал участие и отец автора данной монографии.

чественной научной и мемуарной литературе, в публицистике, касающейся проблем стратегического управления, такого рода факторы исследуются и учитываются явно недостаточно.

* * *

Есть два основных компонента, крупных блока, которые определяют решения, — это **оценка самого себя и оценка вероятного противника**. При этом оценка самого себя, получение знания о реальном положении дел в собственных вооруженных силах, в оборонной промышленности и науке — задача не менее сложная, чем получение сведений о противнике. Она не сводится к оценке численности своих войск, наличествующих и пригодных к использованию вооружений, числу боеготовых соединений и частей и т.п. Надо хорошо знать сильные и слабые стороны своего командного состава на всех уровнях, его способность решать тактические, оперативные и стратегические задачи, управлять сложной военной техникой. У высшего государственного руководства должно быть предельно трезвое понимание того, на что способны и на что не способны собственные вооруженные силы. Трезвая оценка своих возможностей должна быть и очень важным ограничителем в постановке реально достижимых политических целей войны.

Такое трезвое понимание присутствовало, например, у Мао Цзэдуна в 1930—1940-е годы (о чем подробнее будет сказано в главе по системе стратегического управления в Китае), когда он старался в условиях войны с японцами избегать лобовых столкновений с более мощным противником, а после победы в гражданской войне в Китае — избегать крупных военных действий (чего ему не удалось сделать во время войны в Корею в 1950—1952 гг.)⁸.

Что касается действий на море, то и здесь Петр I всячески избегал эскадренного сражения со шведами, зная прекрасно и технические недостатки своих кораблей (которыми он в то

---

⁸ См.: Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950—1952 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 61—71, 102—134.

же время очень и вполне обоснованно гордился), и более низкий уровень подготовленности экипажей парусных кораблей по сравнению со шведскими. Парусный корабельный флот действовал прежде всего как средство прикрытия, обеспечения высокой активности российского галерного флота, который в определенный момент Северной войны раз за разом высаживал на шведском побережье десанты русской армии. Последние разоряли не только порты, склады имущества, но и мирные поселения, приближаясь все ближе и ближе к столице. Именно эти действия в конечном счете принудили шведов к миру на условиях, которых добивался Петр.

После нарвского поражения в 1700 г. в ходе Северной войны со шведами Петр I продемонстрировал не только выдающуюся энергию по восстановлению утраченной военной мощи, по реорганизации армии, по созданию флота, но и высший реализм, здравомыслие зрелого государственного мужа. Признав превосходство шведской армии, ее искусства на поле боя, Петр I избрал главной линией поведения активную стратегическую оборону. А при Полтаве в 1709 г., где Карл XII в силу навязанной ему Петром стратегии оказался в ослабленном состоянии (особенно после поражения корпуса А. Левенгаупта под Лесной), Петр прибег к оборонительной тактике, несмотря на то что у него был численный перевес над шведами, а российские войска значительно укрепились после битвы под Нарвой.

Осознанное и целенаправленное сопоставление собственных сил и средств с силами и средствами противника в мирное и в военное время включает множество позиций, как поддающихся, так и не поддающихся количественному измерению. Сложность таких сопоставлений вызвана и наличием внутри военного ведомства, в самих вооруженных силах сильнейших групповых интересов, препятствующих объективной оценке. Поэтому в любой системе стратегического управления необходимо иметь **специальные подразделения**, максимально не связанные с интересами тех или иных видов вооруженных сил, родов войск, предприятий промышленности, с тем чтобы давать взвешенную, беспристрастную оценку. И отечественный, и зарубежный опыт показывает, что создание таких подразделений — очень непростая задача.

* * *

Если говорить о моменте принятия решения, то опасно как затягивать решение, так и принимать его незрелым. Решение должно быть отработано и взвешено, а все аргументы «за» и «против» тщательно перепроверены. Легкость, какой-либо автоматизм в принятии стратегических решений, например, просто ради захвата инициативы, неуместны и очень опасны. А те, кто допускает это, оказывают дурную услугу своей стране, своим вооруженным силам.

В свое время А.А. Свечин говорил о том, что командующий должен вынашивать свое решение в муках, должен как бы выстрадать его. Именно так принимали решения многие выдающиеся командующие и полководцы — Наполеон, Х. Мольтке-старший, А.А. Брусилов, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский и др. А если командующий видит в последний момент, что принято неверное решение, то, как справедливо отмечал Свечин, он должен не бояться отменить его, не опасаясь потерять авторитет в глазах подчиненных и руководителей.

Свечин на примере Х. Мольтке-младшего, возглавлявшего «Большой генеральный штаб» Германской империи перед Первой мировой войной и в начале этой войны, показал, насколько пагубным может оказаться отказ от пересмотра неверного решения. Мольтке-младший, приняв решение о переброске значительных сил с Западного фронта на Восточный в 1914 г., перед отправкой эшелонов понял, что вполне можно было бы обойтись переброской значительно меньших сил. Это не вело бы к столь существенному ослаблению успешно наступавшей в соответствии с идеями его предшественника А. фон Шлиффена группировки германских войск, действовавших против Бельгии и Франции. Но Мольтке-младший, не имевший столь же значительного авторитета и силы характера, как его великий дядя Мольтке-старший, опасался выглядеть нерешительным командующим и не пересмотрел своего приказа. В результате он лишился немаловажного ресурса, который позволял бы немцам в большей мере рассчитывать на успех на Западном фронте, соизмеримый с тем, который они имели во Франко-прусской войне 1870—1871 гг. За поражение в Марнском сражении 1914 г. Мольтке-младший был уволен с постов начальника Генштаба и штаба Ставки.

Опасно откладывать решение до момента возникновения кризиса, иначе, как уже отмечалось выше, оно принимается в условиях стресса. Но ряд решений невозможно принять до кризиса. В подавляющем большинстве случаев решение о применении военной силы принимается именно в кризисной обстановке, в условиях стресса. И чем выше «ставки», чем более масштабна потенциальная война, тем сильнее такой стресс.

* * *

Отработка стратегического решения, его процедуры, оформление решения в предельно понятных терминах, в однозначно понимаемом виде — это все задачи, требующие высокого профессионализма. Такой профессионализм со второй половины 1943 г. появился у советской Ставки Верховного главнокомандования в главе с И.В. Сталиным и ее рабочего органа — Генерального штаба РККА, а также возглавляемого Сталиным Государственного комитета обороны, о чем подробнее пойдет речь в соответствующем разделе книги. Особый интерес при этом представляла методология планирования военных кампаний, отработанная советским Генштабом.

В подготовке приказов и директив важно владение словом. Как высшему государственному руководству, так и командованию всех уровней необходимо избегать длинных, запутанных фраз, тщательно следить за логикой построения всего документа, особенно когда он носит межведомственный и межвидовой характер. Содержание не только приказов, но и директив должно быть однозначным, не допускающим двойного толкования решений политического руководства и военного командования. Двойное толкование на деле случается довольно часто.

Одно из важнейших требований управляющих документов — четкое определение ответственных за решение той или иной боевой или вспомогательной, обеспечивающей задачи. Это вроде бы элементарное требование в реальной жизни постоянно не выполняется, ибо размытая ответственность устраивает исполнителей директив и приказов, а они десятками и сотнями невидимых для непосвященного нитей связаны с теми офицерами и генералами, которые готовят проекты директив-

ных документов для высшего государственного руководства и высшего военного командования.

В ходе обработки документов, в процессе согласований с различными ведомствами и их подразделениями часто утрачивается главный смысл стратегического решения. Межведомственного компромисса в подавляющем большинстве случаев избежать невозможно, но нельзя допускать, чтобы в ходе его выработки выхолащивалась суть управляющего воздействия, которое должно возникнуть при принятии решения. Задача высшего руководства — осуществлять постоянный контроль за выработкой основополагающих документов такого рода.

Подготовка стратегических решений требует «мозгового штурма», предпринятого сотнями и даже тысячами людей, владеющих знанием основных характеристик военной мощи, прежде всего в ее экономическом и финансовом измерении. Сужение круга лиц (до двух-трех десятков в сегодняшних условиях секретности) резко сокращает масштабы интеллектуального, экспертного потенциала, используемого в целях обороны, стратегического управления в этой сфере. Это ведет к снижению базы политической поддержки проводимых мер в области обороны, делает уязвимой всю систему финансового обеспечения военной структуры страны перед лицом могущественных лоббистов из других сфер, борющихся за тот же ограниченный «бюджетный пирог».

Разумеется, в целом ряде случаев интересы дела требуют на финальной стадии резкого сокращения числа лиц, формулирующих решение, готовящих тот или иной документ (вплоть до его подготовки в единственном, написанном от руки экземпляре).

В США и других развитых странах давно пришли к выводу о том, что в конечном счете управленческая выгода от детального обсуждения военного бюджета выше, чем от его засекречивания. Оборонный бюджет США — это один из краеугольных камней стратегического управления: он — продукт коллективного разума, столкновения множества интересов. Очень часто этот бюджет — продукт компромиссов, причем не самых оптимальных даже с точки зрения конкретной краткосрочной или среднесрочной военной или военно-политической задачи. Но в итоге использование такого коллективного разума

тысяч экспертов, конгрессменов и сенаторов и даже разного рода лоббистов дает очень значительный стратегический эффект. В закрытой части бюджета США — специальная «черная часть», связанная с наиболее чувствительными перспективными технологиями (это прежде всего технические средства разведки, расходы на спецоперации и др.).

В России к началу XXI в. положение в этой сфере на протяжении ряда лет не улучшалось, а ухудшалось. Только в 2002 г. удалось добиться изменения в необходимом направлении.

* * *

При принятии решений и в политике и в военной стратегии хорошо подготовленные к выполнению своих функций руководящие деятели прямо и косвенно опираются на науку, на выработанные столетиями знания социологии, исторической политологии, экономической науки, специальных наук в военной сфере, включая теорию военной стратегии, а также естественных наук. Активное привлечение науки и научного знания отнюдь не пугает политиков и военных стратегов от ошибок, но заметно снижает вероятность таковых. А.А. Свечин отмечал в своей «Стратегии», что «неоспоримой точности выводы военной теории не представляют»; но при этом со ссылкой на И. Канта он допускал «именовать наукой любую систематическую теорию, охватывающую особую область, познание, коей упорядочивается по известным основам и принципам». Такого рода теориям Свечин дает очень привлекательное наименование «наук второго порядка», к которым он причисляет и теорию военной стратегии. Свечин при этом пишет, что «многие выдающиеся стратегические писатели уделяли особое внимание утверждению наличности вечных, неизменных принципов стратегии». Такой подход он справедливо называл устаревшим, говоря о том, что «в настоящее время наши взгляды на науку стали гораздо шире»⁹.

Всегда существует опасность применения псевдонаучных выводов и рекомендаций. Их авторы, как правило, обладают

---

⁹ Свечин А.А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927. С. 45–46.

недожиданной энергией, силой убеждения и непоколебимой верой в то, что данные ими советы гарантируют безусловный успех¹⁰. Военная (и военно-промышленная) сфера не меньше, чем другие сферы жизни общества, богата такими деятелями, в чем мне неоднократно приходилось убеждаться в период работы первым заместителем министра обороны.

Плодотворное использование науки государственным руководством и высшим военным командованием возможно лишь тогда, когда в военном ведомстве поощряется научно-исследовательская работа высшего командного состава. Но поощряться должно действительно научное творчество, а не стремление формально защитить кандидатскую или докторскую диссертацию, пользуясь своим служебным положением.

Отечественная история дает примеры обращения к науке деятелей, занявших видное место в системе стратегического управления. Это относится, безусловно, к крупному реформатору российской военной системы Д.А. Милютину, который за свои ученые исторические труды, посвященные походам Суворова, был удостоен высоких научных наград. Военный министр генерал А.Ф. Редигер написал (до вступления на этот пост) труд «Комплектование и устройство вооруженной силы». Труд был признан выдающимся не только Николаевской академией Генерального штаба, но и Императорской академией наук, а его автор был удостоен Макарьевской премии. Однако в то время это были скорее исключения, чем правило, справедливо отмечал видный российский военный ученый генерал-лейтенант Н.Н. Головин. По его словам, «русская военная наука, насчитывавшая в своих рядах много выдающихся ученых... часто уподоблялась ведущему колесу без сцепления»¹¹. Это было, по мнению Головина, связано с тем, что и в самом образованном слое русского населения вера в науку и «в ее необходимость для всякой организации, особенно в сложных областях государственной жизни» была «чрезвычайно слаба».

---

¹⁰ См.: *Кругляков Э.Р.* «Ученые» с большой дороги. М.: Наука, 2002.

¹¹ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. С. 70–71.

Головин объясняет это тем, что русская интеллигенция насчитывала со времен Петра Великого не более девяти поколений — многократно меньше, чем в Западной Европе¹².

В последующие годы и десятилетия можно считать весьма плодотворным научное творчество таких видных отечественных военных деятелей, как М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников, М.В. Захаров и др. На их труды в дальнейшем будут неоднократные ссылки в данной работе.

* * *

Стратегическое управление после принятия решения сводится прежде всего к проведению его в жизнь, что обычно дается гораздо труднее, чем подготовка и принятие решения. Проведение решения в жизнь зиждется прежде всего на контроле за тем, как оно реализуется. Нельзя не отметить, что в отечественной стратегической культуре это является одним из наиболее слабых мест. Система контроля призвана постоянно обеспечивать обратную связь между руководством (управляющим) и объектом управления, причем в таком режиме, чтобы была возможность добавочного управляющего воздействия, способного сохранить и, если необходимо, нарастить «стратегический импульс» в избранном направлении при первоначальном, базовом стратегическом решении. Понятие же обратной связи (по крайней мере, со времен Нормана Винера) является едва ли не ключевым в теории управления — и для машинных, и для биологических систем, равно как и для социальных; к числу последних относится, безусловно, и любая военная машина того или иного государства, как особо сложная система, являющаяся, в свою очередь, подсистемой по отношению к государству и обществу в целом.

Реализация функции контроля за проведением решения в жизнь исключительно важна, особенно в условиях международно-кризисных ситуаций, чреватых задействованием «ядерного фактора». Исторический опыт учит, что всегда может найтись «элемент» военной машины, который поведет себя в данном

---

¹² Там же.

случае не так, как того требуют особо жесткие условия острого военно-политического кризиса и как ожидает высшее государственное руководство. Особенно примечателен в этом отношении опыт Карибского (Кубинского ракетного) кризиса октября 1962 г., когда поведение (неосознанное) ряда командующих, офицеров, рядовых обеих сторон, находившихся вне необходимого, как выяснилось, контроля со стороны высшего государственного руководства и гражданского руководства Минобороны США, могло неоднократно спровоцировать необратимые последствия.

Контроль как особо важная категория военного управления (не только на стратегическом, но и на оперативном и тактическом уровнях) необходим и в силу постоянного наличия «трения войны». Это ценнейшее и часто упускаемое из виду понятие ввел в оборот К. фон Клаузевиц. Под ним он подразумевал всю сумму непредвиденных затруднений, которые отличают реальную войну от учений и маневров, жизненную практику от кабинетных представлений. Трение на войне, отмечал позднее А.А. Свечин, «уменьшает все достижения, и человек оказывается далеко позади поставленной цели»¹³.

Четкое понимание функции контроля необходимо уже изначально закладывать в подготовку решения, в тот документ, который оформляет данное решение. При этом весьма полезной оказывается закладываемая в такой документ стадийность реализации решения, с тем чтобы на определенных этапах можно было выверять, как реальные дела соотносятся с изначальным замыслом и не нужно ли корректировать изначальное решение. В военной сфере нет ничего хуже, чем оставлять в действии директиву, а тем более приказ, который уже не соответствует обстановке¹⁴.

---

¹³ Свечин А.А. Клаузевиц. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. С. 141.

¹⁴ Среди важнейших параметров, по которым необходимо оценивать ту или иную управленческую структуру в сфере обороны (и госбезопасности) с точки зрения реализации принимаемых решений, следует отметить: а) время, затрачиваемое на доведение боевого приказа до исполнителя; б) степень неискажаемости передаваемых указаний; в) ско-

Контроль за реализацией стратегического решения при любых условиях, и особенно в военное время, должен охватывать как собственные действия, так и поведение противника. В ходе боевых действий часто бывает так, что командование знает положение своих войск хуже, чем положение войск противника¹⁵.

* * *

С появлением в арсеналах государств ядерного оружия, баллистических средств его доставки на гигантские расстояния проблема принятия военно-политических решений на применение ядерного оружия радикально изменилась. Среди прочего возникла проблема принятия решения о применении ядерного оружия в момент развязывания другой стороной агрессии или подготовки к ней, т.е. в исключительно короткий промежуток времени, до того как противник может нарушить или уничтожить систему управления¹⁶.

рость получения реакции на переданные указания (для оценки лицами, принимающими решения, того, правильно ли понят приказ и как началось, а затем осуществляется исполнение принятого решения).

Как пишет видный отечественный теоретик (и практик) ВВС генерал В. Рог, с точки зрения времени, затрачиваемого на постановку боевой задачи общевойсковым командиром командиру подразделения вертолетов (армейская авиация), передача армейской авиации из ведения сухопутных войск в ВВС является ошибочной (см.: Рог В. Зловредная конъюнктуризация. С переподчинением армейской авиации огневое поражение снижено на треть, а высадки десанта — на четверть // Независимое военное обозрение. 2002. № 43. С. 4).

¹⁵ На это обстоятельство в свое время обратили внимание автора данной книги Сергей Матвеевич Штеменко, один из наиболее видных руководителей советского Генштаба военного и послевоенного периода, а затем и генерал Михаил Абрамович Мильштейн, служивший непосредственно под началом Г.К. Жукова в бытность того командующим Западным фронтом в 1941–1942 гг. Позднее Штеменко довольно интересно написал об этом в весьма важной с профессиональной точки зрения работе «Генштаб в годы войны», о которой речь пойдет ниже.

¹⁶ В 1990-е годы в России происходило последовательное «понижение порога» в официальных открытых документах, касающихся применения ядерного оружия. Это связано прежде всего со слабостью сил общего

В зарубежной и отечественной литературе многократно обсуждались различные виды боевых действий, требующие определенных систем боевого управления стратегическими ядерными силами, часто с трудновосместимыми характеристиками.

Представляется, что адекватного решения этой проблемы не найдено до настоящего времени, хотя она не стоит столь же остро, как в 1960-е годы или в начале 1980-х годов, когда происходило обострение противостояния двух сверхдержав — СССР и США и в высших политических кругах обеих стран (не говоря уже о военном командовании) всерьез рассматривалась возможность массированного применения ядерного оружия.

При этом конкретный исторический опыт показал, что в таких условиях решение о применении или о неприменении ядерного оружия реально находится в руках чрезвычайно малой группы людей, по 5—6 человек с каждой стороны. А в какой-то момент оно вообще оказывается в руках у одного высшего руководителя каждой из сторон, как это было во время Карибского кризиса в октябре 1962 г., когда в конечном счете все практически замкнулось на Дж. Кеннеди и на Н.С. Хрущеве¹⁷.

Таким образом, даже в стране развитой политической демократии, каковой небезосновательно считали и считают себя США, возникла (и сохраняется до сих пор!) ситуация, когда всего лишь одно лицо, пусть даже избранное путем демократического волеизъявления народа, может в считанные минуты принять решение, в результате которого погибнут десятки и сотни миллионов человек — как американцев, так и неамериканцев. Все попытки изменить такое положение дел пока практически ни к чему не привели.

Наличие «ядерной кнопки» («черного чемоданчика») остается сегодня одним из высших символов власти. Государства, не согласные с тем, чтобы этот символ политического и военного могущества был в руках только членов эксклюзивного ядерного клуба, совпадающего по своему составу с составом постоянных членов Совета Безопасности ООН, стремятся его обрести.

назначения страны. См.: *Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В.* Сдерживание во второй ядерном веке. М.: ИМЭМО РАН, 2001.

¹⁷ См.: *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958—1964 гг. М.: Гея Итерум, 1999.

И обретают, как, к примеру, Индия и Пакистан, ставшие официально ядерными державами в 1998 г.

В прошлом, в доядерный период, стратегическое управление нельзя было сводить только к тому, чтобы сформулировать политические цели войны и затем добиться их реализации посредством проведения определенной военно-стратегической линии, серии операций, сражений и боев. Часто задача состояла и в том, чтобы путем демонстрации силы (в сочетании, разумеется, с искусной дипломатией) в максимально возможной мере избежать войны.

В условиях наличия ядерного оружия, в ситуации взаимного ядерного сдерживания проблема предотвращения войны — едва ли не важнейшая задача стратегического управления, высшей стратегии, опирающейся на три основных инструмента — дипломатию, военную стратегию и разведку.

Военная доктрина сегодня, как ни парадоксально это звучит, выступает едва ли не в первую очередь важнейшим инструментом предотвращения взаимоуничтожающей войны с применением ядерного оружия и других видов оружия массового поражения.

* * *

Военная доктрина, формулирующая в наиболее концентрированном виде прежде всего цели и задачи для высшей стратегии и военной стратегии, формы и способы решения этих задач, обязательно должна трансформироваться и в сугубо военные документы по всей цепочке (стратегия — оперативное искусство — тактика), в наставления по стратегическим действиям, по подготовке и проведению операций, в боевые уставы. Наличие глубоко проработанной военной доктрины позволяет иметь базу для принятия решений. Отрыв доктринальных положений от оперативного и тактического уровней чреват самыми серьезными неприятностями, особенно если это касается ядерной сферы.

И сегодня остаются весьма поучительными размышления о содержании военной доктрины, о ее назначении, представленные в трудах А.А. Свечина, К.М. Адариди, А.А. Незнамова, В.А. Апушкина, А.М. Зайончковского, П.И. Измestьева и др.

Стройность и единство замыслов на всех уровнях — от высшей стратегии до тактики — одно из важнейших условий успеха в деле обеспечения обороноспособности страны. Достижение такого единства — весьма трудоемкая задача, требующая целенаправленной работы как правительственных органов, так и независимых ученых и экспертов.

* * *

В целом можно выделить несколько *основных видов стратегических решений*.

Во-первых, решение о приоритете и характере угроз безопасности страны с военной точки зрения. С ним тесно связан вопрос об определении конкретных носителей этих угроз — наиболее и наименее вероятных противников, а затем уже и потенциальных партнеров или союзников для парирования данных угроз, для минимальной нейтрализации вероятных противников — либо в порядке реализации стратегии сдерживания, либо в целях обеспечения условий для нанесения им в тех или иных масштабах военного поражения.

Во-вторых, решения об определении доминирующих форм и способов ведения вооруженной борьбы и осуществления сдерживания на обозримый промежуток времени. В том числе это решения высшего руководства о соотношении оборонительных и наступательных (контрнаступательных) действий в стратегическом и оперативном масштабе (имеются в виду прямые и обратные связи между оператикой и военной стратегией).

Решение о форме стратегических боевых действий: наступление немедленно с началом войны, стратегическая оборона либо оборонительные действия с последующим переходом в контрнаступление, в том числе с переходом границы, разделявшей противоборствующие стороны в начале войны, — есть, конечно, подвид действий. К нему реально склонилось советское руководство, когда постулировались стратегические наступательные действия, а в оперативном масштабе предполагалось на начальном этапе ведение оборонительных действий, но с очень быстрым переходом в наступательную фазу в масштабе военной стратегии.

В-третьих, это решения о создании системы высшего управления, а также управления оперативно-стратегического уровня. В их числе: решения вопросов о том, кто является Верховным главнокомандующим (ВГК) на случай тотальной войны и ограниченной войны; как строятся рабочие органы Ставки ВГК, какое место среди них занимает Генштаб; в каких условиях Ставка ВГК создается, а в каких нет, и т.п. Сюда же можно отнести решения о видовой структуре ВС, о создании объединенных межвидовых командований на театрах военных действий и об управлении ими — об их подчиненности Верховному главнокомандующему через министра обороны или по цепочке ВГК — министр — Генеральный штаб.

В-четвертых, это решения о численности и боевом составе ВС в мирное время и на случай войны того или иного масштаба.

В-пятых, принятие мобилизационного плана для промышленности, транспорта, сельского хозяйства, экономики в целом, необходимого уже и для крупной ограниченной войны. Такой план, невидимый для подавляющей части и политической элиты, и военного командования, — особенно сложный и высокопрофессионально подготовленный документ.

В-шестых, это решения, связанные с направлением развития конкретных оборонных производств: бронетанковой техники, боевой авиационной техники, боевых кораблей, боеприпасов, средств разведки, связи, радиолокации, элементной базы и т.д. Указанное направление тоже становится все более диверсифицированным и более разнообразным. Эта сфера требует широкого применения методов планирования и программирования.

В-седьмых, это принципиальное решение о «нарезке» основных стратегических направлений, о выделении различных театров. Для Второй мировой войны таковыми были юго-западное направление, включавшее войска двух округов — Одесского и Киевского особого, западное направление — особый Белорусский округ и северо-западное направление — Ленинградский военный округ.

В-восьмых, это решения относительно создания важнейших элементов новой организации вооруженных сил (и их орг-

штатных структур) под те стратегические и оперативные задачи и идеи, которые лежат в основе их действий. Так, у Наполеона одним из важнейших решений этого типа было решение о создании корпусов как относительно самостоятельных боевых единиц. Такое построение армии восприняла русская армия и встретила Отечественную войну 1812 г. уже в новой оргштатной структуре, заимствованной у Бонапарта.

К подобного рода стратегическим решениям можно отнести и решение германского государственного руководства и высшего военного командования о создании в середине 1930-х годов танковых групп (организованных фактически как танковые армии), которые обеспечили успех операций на Западном фронте, а потом и успехи вермахта в 1941–1942 гг. на Восточном фронте. Позднее Германия превратила танковые группы в танковые армии. Их размер оказался в принципе оптимальным, хотя во многом его лимитировало количество танков, которое была способна выпустить в то время германская промышленность. Советские танковые армии заключительного периода Великой Отечественной войны были примерно аналогичной численности.

К такого же рода решениям следует причислить переход на модульный принцип формирования бригад армии (сухопутных войск) и корпуса морской пехоты США в 1970–1980-е годы.

Сюда же можно включить вопросы определения насыщенности системы управления и в целом войск средствами обнаружения, разведки, целеуказания, связи. Как уже отмечалось, это традиционно слабое звено в вооруженных силах и Советского Союза, и России; проблема остается острой до сих пор.

Сбалансированность по обеспеченности основными боевыми ударными и вспомогательными средствами — это соотношение между, скажем, артиллерией, танками, пулеметами в стрелковой дивизии и количеством не только необходимых радиостанций, телефонных аппаратов, но и автотранспорта для тылового обеспечения, подвоза боеприпасов, продовольствия и для собственно перевозки войск. Например, главной слабостью советских гигантских механизированных корпусов (в 1941 г.), еще большей, чем их неукомплектованность броне-

танковой техникой, была проблема неукomплектованности автомобильной техникой.

В-девятых, если вернуться к перечислению основных видов стратегических решений, назову принятие государственным руководством страны основного боевого устава и основных наставлений, касающихся отдельных видов вооруженных сил, родов войск и основных видов стратегических действий, подготовки и проведения операций. Это чрезвычайно ответственная задача. Ее нельзя оставлять в ведении только Генерального штаба, штабов видов вооруженных сил, поскольку она непосредственно связана с проведением в жизнь решений и на уровне высшей стратегии, и на уровне военной стратегии. В уставах должны найти отражение основные положения военной доктрины и идеи, лежащие в основе оценки характера будущей войны и того, как должны воспринимать команды, установки высшего руководства непосредственно исполнители в оперативном и тактическом звене.

Глава 3

РАЗВЕДКА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ (РУКОВОДСТВА)

Рассматривая вопрос о роли и месте разведки в системе стратегического управления (руководства), следует прежде всего различать разведку как один из государственных институтов и разведку как деятельность по обеспечению государственных руководителей информацией, необходимой для принятия решений в области внешней политики, обороны и обеспечения внутренней безопасности¹.

Дело в том, что деятельность разведки (разведывательных органов) как института государства отнюдь не сводится только к получению информации, ее обработке, интерпретации, анализу и обобщению. В классическом понимании разведка (здесь и далее речь идет о «внешней разведке», об организациях и их деятельности применительно к зарубежным государствам) как

---

¹ В последние годы в Российской Федерации появилось большое число воспоминаний сотрудников политической и военной разведки СССР и РФ разных рангов, в которых приводится обильная фактическая информация о практической работе отечественных разведслужб. Опубликованы ряд важных документов по деятельности разведслужб. Большинство из них могут при правильном прочтении служить источниками для проведения соответствующих научных исследований. Но при этом работ, в которых системно рассматривались бы вопросы использования разведанных в принятии стратегических решений, очень мало. Исключение составляют ряд воспоминаний и исследований, которые посвящены работе разведки накануне и в ходе Великой Отечественной войны, а также деятельности советских разведслужб по «атомному проекту». Однако и по этим двум крупнейшим темам (с наличием большого числа воспоминаний очевидцев и рассекреченных отечественных и зарубежных документов) до сих пор не появилось достаточно обстоятельных отечественных научных работ.

один из органов государственного управления в области национальной безопасности (стратегического управления) призвана осуществлять получение информации тайными способами. Но одновременно с давних времен разведка как государственный орган занимается также воздействием на внешнюю, внутреннюю, военную политику других государств (через «агентов влияния», средствами спецпропаганды и др.); кроме того, разведорганы различных стран проводят акции по изменению политической обстановки и по смене политических режимов в других странах; ими осуществляются диверсионные операции в военное и мирное время; проводятся антитеррористические операции, в том числе по захвату и уничтожению руководителей террористических организаций.

В последние десятилетия разведслужбы все больше тоже начинают «играть» на «массово-коммуникационном поле», борясь «за умы и сердца» не только политической элиты обществственности в целом, но и непосредственно государственных руководителей. ЦРУ, например, уже на протяжении многих лет публикует различные обзоры и оценки, его руководители постоянно выступают на несекретных слушаниях в комитетах и подкомитетах обеих палат Конгресса США. ЦРУ регулярно (и целенаправленно) осуществляет преднамеренные «утечки» информации из своих секретных документов. В первой половине 1990-х годов на этом поле небезуспешно выступила и российская Служба внешней разведки, подготовив и опубликовав ряд серьезных несекретных докладов по стратегическим вопросам международных отношений.

Нередко разведслужбам, отдельным фигурам в разведке поручаются самые тонкие дипломатические миссии. Среди таких миссий в истории советской политической разведки — руководимое непосредственно председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым взаимодействие в интересах высшего руководства страны с канцлером ФРГ Вилли Брандтом и рядом руководителей СДПГ в 1970-е годы, позволившее существенно улучшить советско-западногерманские отношения и обеспечить в целом укрепление международно-политического положения СССР на тот период².

---

² См.: Кеворков В. Тайный канал. М.: Гея, 1997.

Разведчики могут служить дополнительным каналом связи между высшими руководителями обеих сторон, готовя в полуофициальном порядке достижение тех или иных договоренностей. При этом разведка становится фактически соперником дипломатического ведомства со всеми вытекающими отсюда последствиями для межведомственного взаимодействия, в том числе весьма негативного свойства, если на высшем государственном уровне нет механизма, обеспечивающего единство тайной и нетайной дипломатии в русле общего внешнеполитического курса, внешнеполитической стратегии. Среди ярких примеров этого — деятельность сотрудника советской военной разведки Г.М. Большакова и сотрудника политической разведки (Первого главного управления КГБ СССР) А.С. Феклисова в период Карибского (Кубинского ракетного) кризиса октября 1962 г.³ Эти два советских кадровых разведчика сыграли огромную роль в том, что острейший кризис, грозивший вылиться в третью мировую войну с массированным применением ядерного оружия, был разрешен мирным путем.

Но при всей широте спектра проблем, которые сегодня решают разведывательные службы, главной задачей остается получение такой информации, которую невозможно получить открытыми, легальными способами, причем информации, имеющей ценность для принятия решений в сфере национальной безопасности высшими органами стратегического управления. Именно за счет этого «компетентная разведка» является, по словам директора СВР РФ С.Н. Лебедева, своего рода «страховым полисом государства», помогающим «руководству страны видеть мир таким, какой он есть»⁴.

Осуществляется вышеуказанная деятельность путем «разведывательного проникновения в объекты нашей заинтересо-

---

³ См.: *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958–1964 гг. М.: Гея Итерум, 1999. С. 353, 374–375, 423–431.

⁴ С кем пойдем в разведку? (Интервью с директором службы внешней разведки РФ генерал-полковником С.Н. Лебедевым) // Российская газета. 2002. 20 дек. С. 6–7.

ванности» с применением специфических для разведслужб приемов и методов⁵.

Возможности разведки при этом в значительной мере зависят и от того общего режима в отношении деятельности спецслужб, который имеется у страны, осуществляющей разведдеятельность, и от соответствующих режимов в тех странах, где находятся «объекты нашей заинтересованности».

В данной работе речь идет именно об этой базовой функции разведки, причем применительно в первую очередь к обеспечению принятия решений высшего государственного руководства и высшего военного командования (а это во многих случаях совпадающие понятия) по вопросам «войны и мира», по военно-политическим проблемам (или, что корректнее, по проблемам политико-военным, исходя из общепризнанного примата политики по отношению к военным действиям, к военной стратегии).

Концентрация усилий разведывательной деятельности прежде всего на обеспечении высшего руководства информацией, необходимой для принятия решений, самоочевидна и происходит едва ли не автоматически, но это только на первый взгляд.

Недавний исторический опыт учит, что в условиях ярко выраженного противоборства государств вступают в противостояние, в сложнейшее взаимодействие различные компоненты государственной машины (и политических систем в целом) обеих сторон. Это взаимодействие «по горизонтали» серьезнейшим образом деформирует «идеальные схемы» конфликтов между государствами, которыми часто оперируют в обыденном сознании, «схемы» их противоборства в порядке реализации своих «национальных интересов», в том числе проведения ими политики национальной безопасности.

В мирное время возникает противоборство между военно-промышленными комплексами сторон и между военными ведомствами и их отдельными компонентами в лице видов воо-

---

⁵ См.: *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. С. 138.

руженных сил. Это противоборство способно серьезно деформировать геополитическую логику противостояния государств и логику построения оптимального набора систем вооружений.

Между разведслужбами двух сверхдержав часто имело место также «взаимодействие по горизонтали». В годы «холодной войны» все больше усилий у разведслужб обеих сверхдержав уходило на противоборство, на получение максимально возможной информации о деятельности разведки (и контрразведки) другой стороны. Результаты в этой сфере деятельности ценились особенно высоко «по обе стороны баррикад», что вполне понятно хотя бы в силу повышенной рискованности и сложности проведения соответствующих операций.

При всей важности ориентира разведки на такую деятельность, на такую информацию она далеко не всегда является наиболее важной с точки зрения интересов стратегического управления. Исключение составляет, разумеется, информация о деятельности разведслужбы другой стороны, направленной на изменение политической или политико-военной ситуации в той или иной стране мира, представляющей для данного государства жизненно важный интерес.

Новую обстановку во взаимодействии различных спецслужб создало скачкообразное увеличение масштабов деятельности террористических организаций. Противоборство с соответствующими радикальными политическими организациями стало повседневной задачей для многих спецслужб мира.

* * *

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов роли разведки в обеспечении принятия решений в области национальной безопасности, необходимо коротко остановиться на том, что собой представляют разведывательные органы как институты государства.

Разведка — явление столь же древнее, что и война и политика. Что касается специализированных разведорганов, то у них, как правило, более короткая история. Вплоть до начала XX в. разведывательная деятельность во многих государствах

осуществлялась в рамках деятельности дипломатических ведомств⁶.

Разведывательная деятельность, как правило, совпадает с созданием таких органов стратегического управления, как военное министерство (военно-морское министерство) и генеральный штаб. Так, в России первый «специальный центральный разведывательный орган» был создан выдающимся военным деятелем Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли в бытность его военным министром в 1810–1812 гг. (Барклай-де-Толли в глазах многих специалистов по праву разделяет сегодня славу спасителя Отечества в войне 1812 г. — наряду с Михаилом Илларионовичем Кутузовым и императором Александром I)⁷.

До этого военное министерство получало необходимую для политико-военных решений информацию от внешнеполитического ведомства — министерства иностранных дел, имевшего постоянные дипломатические представительства за рубежом. Для обеспечения работы этого органа военной разведки в посольства и миссии (где главами состояли «послы военных

---

⁶ Во многих странах и в XX в. существовала значительная близость между внешнеполитическим (дипломатическим) ведомством и органом разведки. В советской практике был, например, период, когда (с 12 декабря 1920 г.) первый руководитель политической разведки молодого советского государства, Иностранного отдела (ИНО) ВЧК, Яков Христофорович Давтян некоторое время оставался и ответработником Народного комиссариата иностранных дел (НКИД), возглавляя там отдел Прибалтийских стран и Польши. Поскольку Давтян долгое время оставался и.о. начальника ИНО ВЧК, он стал добиваться полного возврата в НКИД. Руководство же приняло следующее решение: оставаясь в дипломатическом ведомстве, Давтян должен был одновременно «выполнять поручения» Ф.Э. Дзержинского.

В дальнейшем, занимая высокие дипломатические посты, Давтян изрядно поработал на советскую политическую разведку, в том числе выполняя в определенный момент руководство всеми десятью советскими резидентурами в Китае (см.: Очерки истории Российской разведки: в 6 т. / гл. ред. академик Е.М. Примаков; зам. гл. ред. В.А. Кирпиченко. Т. 2. 1917–1933 гг. М.: Международные отношения, 1997).

⁷ См.: *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая I. М.: Русская разведка, 1998. С. 33.

генеральских чинов») были направлены для ведения разведывательной работы офицеры в официальном качестве адъютантов таких послов с высокими военными званиями⁸. Назначение таких послов в то время было распространенной европейской практикой.

Сильнейший толчок развитию разведорганов во всех ведущих странах мира дала подготовка к Первой мировой войне, а затем и сама мировая война.

К этому времени компонентами систем стратегического управления (руководства) стали не только военные разведорганы (как часть системы военных (сухопутных сил) или военно-морских министров и генеральных штабов), но и органы политической разведки. Последние активно занимались и политико-военными вопросами высшего уровня, во многом пересекаясь с центральными военными разведорганами.

Такая практика — пересечение деятельности служб военной (центральной стратегической) разведки и разведки политической — во многих странах сохранилась и по сей день. В ней есть свои плюсы и свои минусы.

Нельзя не отметить, что в период до Первой мировой войны и в ходе этой войны — принявшего огромные масштабы столкновения крупнейших держав мира — лица, возглавлявшие разведслужбы, не занимали высоких мест в военной и чиновничьей иерархии, не получали высших воинских званий. Так, наиболее известный из руководителей военной разведки воюющих сторон в ходе Первой мировой войны В. Николаи (возглавлявший долгие годы центральную военную разведку Германии) всю войну был в звании полковника и завершил ее в том же звании.

Соответственно руководители разведорганов редко напрямую общались с высшим государственным руководством. Я пока, например, не нашел ни одного свидетельства того, что руководители военной или политической разведки регулярно являлись с докладом к императору Николаю II в 1915–1917 гг., как в ходе Великой Отечественной войны соответствующие

---

⁸ *Алексеев М.* Указ. соч. С. 33.

руководители докладывали И.В. Сталину, возглавившему вскоре после начала войны Ставку ВГК и ставшему Верховным главнокомандующим.

После Первой мировой войны многие военные разведки (Франция, Англия, США, Германия и др.) значительно сократили масштабы своей деятельности, с распадом Австро-Венгерской империи прекратили свое существование ее разведслужбы⁹. При этом появились мощные, динамично развивающиеся разведки в СССР — политическая (в рамках системы ВЧК — ОГПУ — НКВД) и центральная военная разведка (Разведуправление РККА, затем Разведуправление Генштаба РККА). С окончанием Первой мировой войны не сократили своих операций разведслужбы Японии, особенно в Китае, Юго-Восточной Азии и на советском Дальнем Востоке.

После прихода к власти в Германии нацистов во главе с Гитлером в этой стране наблюдается бурный рост спецслужб и их активности как внутри Германии, так и за рубежом, с проведением разного рода «активных мероприятий», включая теракты против крупнейших государственных деятелей иностранных государств.

Еще более мощный толчок в развитии разведслужб произошел в годы Второй мировой войны. Именно в этот период разведорганы значительно более активно стали использоваться не только для получения данных, необходимых для принятия решений, но и для прямого воздействия на ход борьбы — диверсий, террора, осуществления акций саботажа, проведения операций по смене государственных руководителей. Разведорганы все масштабнее проводят операции «психологической войны» (разложения противника), а также служат каналом тайной дипломатии, призванной решать крупные политико-военные за-

---

⁹ На месте разведслужб Австро-Венгерской империи возникли разведки по крайней мере трех новых государств — Чехословакии, Венгрии и Австрии, которые в ряде эпизодов развития международных отношений 1920–1930-х годов сыграли немаловажную роль, вступая в сложное взаимодействие с разведслужбами великих держав. Для советской разведки в некоторых случаях немаловажным было взаимодействие с разведслужбами Чехословакии.

дачи (например, как это делалось через резидентуру американской политической разведки в Швейцарии).

Такие миссии явно способствовали повышению статуса разведорганов и их руководителей в общей военной и чиновничьей иерархии. Это привело к тому, что там, где в годы Первой мировой войны руководил полковник, в годы Второй мировой войны появился двух- или даже трехзвездный генерал.

В период же после «холодной войны» во многих странах статус разведслужб (и их руководителей) в рамках государственного аппарата продолжал повышаться. В США с образованием Центрального разведывательного управления (ЦРУ) его директор стал подчиняться непосредственно президенту Соединенных Штатов. В СССР руководители и политической разведки, и военной разведки удостоивались звания «генерал армии» (четырёхзвездный генерал), не получая в то же время статуса, обеспечивающего де-юре их прямое подчинение «первому лицу» в государстве, как это было сделано в США с принятием Закона о национальной безопасности 1947 г., в соответствии с которым было образовано ЦРУ.

Руководитель политической разведки в СССР оставался подчиненным руководителю системы госбезопасности в целом (НКГБ, МГБ, КГБ при СМ СССР, КГБ СССР), а руководитель военной разведки — начальнику Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

Видный деятель советской политической разведки, бывший заместитель начальника Первого Главного управления КГБ Н.С. Леонов справедливо называет «звездным часом разведки» (советской) период начала «холодной войны» — вплоть до начала 1960-х годов. До этого у советской разведки был период крупных успехов после Гражданской войны, когда «авторитет СССР был исключительно высок, и широкие слои западной общественности видели в нас представителей неожиданно открывшейся заманчивой общественной альтернативы». В то время «контакты устанавливались сами собой, вербовки делались быстро и на прочной основе, агентура была надежной и высокоэффективной в работе», — пишет Леонов. Последовавшие в конце 1930-х годов массовые сталинские репрессии в СССР,

крупные ошибки во внешней политике привели к ухудшению общего климата в работе разведки. Но начавшаяся борьба советского народа с нацизмом быстро изменила ситуацию к лучшему. Prestиж СССР поднялся «необыкновенно высоко»: «разумные люди» отчетливо видели, что Советский Союз был главным спасителем мира от нацизма. С началом же «холодной войны», как отмечает Леонов, «симпатии к нам если и уменьшились количественно, то качественно окрепли». В результате «несколько десятилетий нашему противнику не удавалось изолировать советские представительства и разведку за рубежом, но с началом 1960-х годов процесс этот стал набирать силу. В основе его лежал развивавшийся экономический и социальный коллапс, сопровождавшийся морально-нравственным кризисом»¹⁰.

* * *

В послевоенный период во многих странах возникли не просто разведки, а целые «разведывательные сообщества». В США, например, в него входят Центральное разведывательное управление (ЦРУ), Разведывательное управление министерства обороны (РУМО), Агентство национальной безопасности (АНБ), специальная разведывательно-аналитическая служба министерства энергетики, разведывательно-аналитическая служба министерства финансов, военная разведка налоговой службы США. В рамках военного ведомства США, помимо центральной военной разведки РУМО, имеются и разведки видов вооруженных сил — армии (сухопутных войск), ВВС и ВМС, а также корпуса морской пехоты, обладающие немалой автономией от РУМО (более всего это относится к разведке ВМС, обладающей самыми богатыми традициями из всех видовых военных разведок США). Многие западные авторы отмечают, что разведка ВМС США — одна из наиболее эффективных служб в Соединенных Штатах, обеспечивающая в том числе и принятие решений на высшем государственном уровне.

Полуавтономным разведывательным органом является Национальное управление фоторазведки (НУФ) (оно входит в

---

¹⁰ Леонов Н.С. Лихолетье. М.: ИМО, 1995. С. 253.

«систему минобороны США»). НУФ занимается сбором развединформации в виде фотоснимков с использованием спутников, оснащенных приборами, работающими в различных диапазонах.

«Разведывательное сообщество» США включает и специальное подразделение Госдепартамента США, которое в отечественной литературе часто именуется как Управление разведки и исследований (УРИ). С учетом и его реальных функций, и значения слова «intelligence» в английском языке его, скорее, следовало бы называть Управлением аналитической информации и исследований. Это управление — прежде всего пользователь данных, получаемых ЦРУ, а также многочисленных обзоров и докладов, получаемых Госдепартаментом от посольств и консульств в зарубежных странах, являющихся часто ценным источником информации по вопросам, требующим принятия стратегических решений. Сотрудники этого управления активно участвуют в составлении национальных разведывательных оценок — одного из важнейших документов в американском официальном механизме принятия стратегических решений¹¹. Наличие такого органа, как УРИ, позволяет снизить конфликтность во взаимодействии между внешнеполитическим (дипломатическим) ведомством (Госдепартаментом) и главными разведорганами, находить общие подходы к оценкам обстановки на уровне ниже руководителей ведомств, что нередко играет исключительно важную роль в системе государственного управления в целом и особенно в системе стратегического управления¹².

В «разведывательное сообщество» США входит и Федеральное бюро расследований, ведающее как борьбой с организованной преступностью, так и контрразведывательной деятельностью. ФБР является частью Министерства юстиции США; директор ФБР подчиняется министру юстиции (генеральному атторнею США), но на деле обладает весьма значительной авто-

---

¹¹ См.: *Богданов Р.Г., Кокошин А.А.* США: информация и внешняя политика. М.: Наука, 1979. С. 211–212.

¹² У автора нет сомнения в том, что орган, подобный Управлению разведки и анализа Госдепартамента США, был бы весьма полезен и в системе Министерства иностранных дел России.

номией (что особенно ярко проявлялось при директоре ФБР Герберте Гувере). ФБР нередко вносит свою информацию в общую «копилку» разведсообщества и тоже участвует в составлении национальных разведывательных оценок.

В «расстановку сил» в «разведывательном сообществе» США немалые изменения внесло создаваемое администрацией Дж. Буша-мл. после трагических событий 11 сентября 2001 г. Министерство внутренней безопасности Соединенных Штатов.

В России после распада Советского Союза и «раздела» КГБ образовалось несколько новых спецслужб. В самостоятельный федеральный орган с подчинением непосредственно Президенту России выделилась Служба внешней разведки (СВР). Кроме того, из числа бывших подразделений КГБ СССР по соответствующим законам осуществляют разведывательную деятельность такие самостоятельные ведомства, как Федеральная погранслужба (ФПС), Федеральное агентство правительственной связи и информации (ФАПСИ), Федеральная служба безопасности (ФСБ).

Само управление разведывательными сообществами, координация деятельности различных спецслужб представляет собой все более сложную задачу, часто не имеющую простых решений. Для управления разведывательными сообществами создаются специальные надведомственные структуры, подчиняющиеся непосредственно высшему должностному лицу государства. В ФРГ это специальное лицо в ранге федерального министра в ведомстве федерального канцлера. В США такими функциями обладал (в начале 1970-х годов) Комитет по разведке Совета национальной безопасности США, возглавлявшийся помощником по национальной безопасности Генри Киссинджером (в целом получившим от президента США Р. Никсона огромные права и полномочия, превышавшие в совокупности полномочия нескольких ведущих членов Кабинета министров США). В Советском Союзе в 1950–1952 гг. существовал Комитет по информации (КоИ) Совета Министров СССР при Предсовмина СССР В.М. Молотове (орган, имевший, по воспоминаниям его ветеранов, аппарат примерно из 120–140 человек, набранных из внешней разведки МГБ, военной разведки и Мини-

стерства иностранных дел). В 1992 г. рядом работников только что возникшего аппарата Совета Безопасности России рассматривался вопрос о воссоздании органа, подобного Комитету по информации Совета Министров СССР. Реализация этой идеи (особенно в тех условиях) могла бы привести к полному распаду всей системы внешней разведки для нового российского государства. В силу этого я изначально выступил против такой «модели».

Другим вариантом управленческого решения по обеспечению координации деятельности разведслужб является придание одной разведслужбе функции головного органа — в такой, например, роли в США выступает Центральное разведывательное управление, директор которого одновременно был и директором Центральной разведки (ДЦР), т.е. своего рода главой всего разведывательного сообщества США.

У ДЦР при этом имелся свой офис и небольшой аппарат в том же здании, где расположен аппарат Совета безопасности США в Вашингтоне, — в дополнение к офису, который имеется у него как у директора ЦРУ в штаб-квартире этого разведоргана в пригороде Вашингтона Лэнгли (аппарат управления сообществом)¹³.

Органы прямого управления разведслужбами (или их координации) от имени высшего руководства являются необходимым элементом системы стратегического управления в целом. Однако они часто становятся дополнительной инстанцией между добытчиками информации и ее потребителями на высшем государственном уровне и «плохо воспринимаются» руководителями собственно разведслужб.

Специфика положения военной разведки, ее двойственность (когда она включает стратегическую, оперативную и войсковую разведки) состоит в том, что она, с одной стороны, является частью военного ведомства. И во многих случаях она подчиняется не министру обороны (как это имеет место, например, в США), а начальнику Генштаба (в послевоенный период в СССР и в Российской Федерации), что означает нали-

---

¹³ См.: *Пыхолов И.В.* Спецслужбы США. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 23–25.

чие по крайней мере двух иерархических ступенек между главой военной разведки и высшим государственным руководством. (В аналогичной системе управления находится и военная разведка КНР, подчиненная Генштабу НОАК.) К тому же в целом ряде стран, как это отмечено выше применительно к США, традиционно своей разведкой обладают виды вооруженных сил, флот, военно-воздушные силы, сухопутные силы, войска ПВО и др. Нередко эти разведслужбы не ограничиваются обслуживанием оперативно-тактического уровня, а выходят на уровень стратегический, что делает их соперником стратегической военной разведки, замыкающейся на руководство военного ведомства. С другой стороны, стратегические оценки и выводы, конкретные сведения, касающиеся военной безопасности, добытые специфическими для этой разведки способами и средствами (и под особым углом зрения), могут представлять большой интерес не только для главы военного ведомства, но и для высшего государственного руководства. В силу этого руководитель военной разведки должен иметь возможность (в присутствии или с ведома министра обороны и начальника Генштаба) докладывать по важнейшим вопросам напрямую высшему руководству страны.

В двойственности такого положения военной разведки кроется одна из причин того, что она часто подвергается процедурам реорганизации и переподчинения. Это неоднократно имело место в нашей стране, например в 1930-е и 1940-е годы, когда стратегическая разведка то замыкалась непосредственно на наркома обороны, входившего в высшее политическое руководство, то переводилась в подчинение начальнику Генерального штаба, стоявшего на ступеньку ниже главы военного ведомства¹⁴. (В 1941–1945 гг. стратегическая военная разведка замыкалась непосредственно на И.В. Сталина, который через полтора месяца после начала войны стал не только Верховным главнокомандующим, но и главой военного ведомства — Наркомом обороны СССР.)

---

¹⁴ См.: *Кокوشин А.А.* Вопросы стратегического руководства обороной России. Краткий очерк. М.: ИМЭМО-ИПМБ РАН, 2001. С. 16–26.

* * *

Разведка и контрразведка семантически являются принципиально разными органами в системе национальной безопасности страны. Как и между различными разведывательными органами, между разведкой и контрразведкой имеются сферы, которые при отсутствии должного внимания в процессе управления со стороны высшего руководства ведут к ненужным, даже пагубным для стратегического управления коллизиям.

Сложные коллизии во взаимоотношениях между разведкой и контрразведкой возникают, в частности, по вопросам контрразведывательного обеспечения той или иной разведслужбы. Эти вопросы решаются по-разному в разных странах и спецслужбах.

В германском военном ведомстве накануне Второй мировой войны (и до 1944 г. в ходе войны) в одном органе («Абвер») была объединена центральная военная разведка и контрразведка. В китайских вооруженных силах (НОАК) имеется собственная военная контрразведка. В Первом главном управлении КГБ была создана своя собственная внутренняя контрразведка, независимая от общей контрразведки Второго главного управления КГБ. ГРУ ГШ Вооруженных сил СССР в контрразведывательном отношении «обеспечивалось» подразделением общей военной контрразведки, входящей в состав КГБ СССР на правах Главного управления. Своя собственная контрразведка существовала внутри американского ЦРУ до скандала с разоблачением Дж.О. Эймса.

С точки зрения обеспечения информацией высшего государственного руководства разведорганы и органы контрразведки часто предоставляют госруководству перекрещивающуюся информацию. Внешняя разведка часто получала информацию, имеющую контрразведывательную ценность, а контрразведка — ценные сведения о «главном вероятном противнике» и других субъектах мировой политики.

В советской практике известно немало случаев, когда ценную «внешнюю» развединформацию давало не только Первое главное управление КГБ СССР, но и Второе главное управление КГБ, ведавшее официально только контрразвед-

кой, а также Пятое управление КГБ, занимавшееся вопросами «борьбы с идеологическими диверсиями».

Во второй период Великой Отечественной войны военная контрразведка СМЕРШ, которую Сталин как нарком обороны СССР подчинил непосредственно себе, стала одним из важных источников военной и политико-военной информации для Верховного главнокомандующего.

Все эти вопросы взаимодействия между различными разведслужбами, разведкой и контрразведкой должны тщательно регулироваться как соответствующим законодательством, так и подзаконными нормативными актами закрытого порядка, совместными приказами различных спецслужб и т.п., с тем чтобы не только «избежать параллелизма», но и не допустить ненужного соперничества, а тем более наносящих ущерб делу конфликтов.

Отработка такого разграничения полномочий как между разведкой и контрразведкой, так и между разведслужбами, особенно между разведкой политической и стратегической военной разведкой, — дело исключительно тонкое, требующее постоянного внимания высшего государственного руководства, рассчитывающего иметь в лице разведки в целом один из трех инструментов, средств своей высшей стратегии. (Так что государственный руководитель не должен пренебрегать развединформацией и от органов контрразведки.) Это разграничение требует как законодательного оформления, так и большого числа подзаконных нормативных актов, в том числе совместных межведомственных директив, приказов и инструкций.

* * *

Одна из важнейших задач разведки — это предупреждение о тех событиях и процессах, которые могут произойти в будущем и которые несут в себе угрозу национальной безопасности. Это прежде всего то, чего ждет от разведслужбы государственный руководитель. Если государственный руководитель узнает о тех или иных крупных событиях в политико-военной сфере не от своей разведки, а из газет, то это — неуспех или даже провал разведки. Более того, если он и получает ин-

формацию, но не заблаговременно, а за очень короткий период времени до того, как состоится событие, это тоже можно во многих случаях считать неудачей разведки.

Руководство разведки, докладывающее развединформацию, должно в принципе обладать пониманием того, как и какими темпами действует государственный механизм, как он «работает» при позитивной реакции на добытую разведкой информацию. Это требование системы стратегического управления ведет к тому, что во главе разведслужбы часто ставится не профессионал-разведчик, а политик или крупный государственный чиновник — управленец или ученый. В лице академика Е.М. Примакова, возглавившего в конце 1991 г. СВР, мы видим совмещение политика и ученого; в лице глав ЦРУ Дж. Шлессинджера и Дж. Дойча (ядерный физик и химик соответственно) — ученого и менеджера (Шлессинджер, помимо ЦРУ, возглавлял также Комиссию по атомной энергии, а позднее побывал на посту министра обороны США; Дж. Дойч с назначением на пост директора ЦРУ был первым заместителем министра обороны США, а до этого являлся ректором ведущего технического вуза США — Массачусетского технологического института, крупным ученым в области химико-физических проблем).

Однако и разведчики-профессионалы остаются в числе достойных руководителей разведслужб. Степень их встроенности в механизм принятия стратегических решений во многом определяется степенью освоения ими специфики работы государственного механизма. (Таковыми знаниями должен обладать, разумеется, не только руководитель разведслужбы, но и его заместители, и руководители основных подразделений разведоргана, от которых в огромной степени зависит своевременность и качество предоставляемой «наверх» информации.)

Задача адекватного предупреждения высшего государственного руководства, вопреки расхожим мнениям, решается не только за счет заблаговременного получения сообщений отдельных суперагентов или агентурных сетей. Она предполагает серьезнейшую аналитическую работу на основе многообразных данных, полученных как открытым, так и «неоткрытым» путем. Причем такая работа должна вестись систематически, часто

годами, чтобы в нужный момент разведка могла дать то, чего именно требует назревающая политико-военная ситуация.

Опыт истории учит, что во множестве случаев разведслужбы предпочитают добывать информацию, складывать ее в своих суперсекретных хранилищах и одновременно докладывать государственному руководству не столько выводы (а тем более предложения), требующие серьезной аналитической работы, сколько факты. Такой характер работы разведслужбы безопаснее для ее руководителей, но снижает их эффективность с точки зрения стратегического управления, особенно если у государственных руководителей отсутствует собственный сильный аналитический аппарат, который мог бы принимать «сырую» развединформацию от разведчиков, перерабатывать ее перед докладом высшему руководству, фокусируя его внимание именно на тех аспектах, которые необходимы для принятия решений.

Отсутствие аналитической и обобщающей работы признано причиной одного из крупнейших провалов разведывательных служб в мировой истории — отсутствия должного предупреждения перед актами мегатеррора 11 сентября 2001 г. в США. Отмечается, что для множества важнейших сигналов относительно готовящихся терактов ни в ЦРУ, ни в ФБР не нашлось подразделения, где бы все эти элементы сводились должным образом воедино. Тем более не нашлось такого подразделения в аппарате непосредственно администрации президента США¹⁵.

В «ядерный век» наряду с разведкой все более значимую роль стали играть специальные системы предупреждения — системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которые в полном масштабе создали только две «сверхдержавы» — СССР и США. Они призваны обеспечить предупреждение о начале использования прежде всего стратегических ядер-

---

¹⁵ Комментируя «лавину критики», которая обрушилась на американские спецслужбы в связи с террористическими актами 11 сентября 2001 г., Е.М. Примаков пишет, что «проникновение в такие автономные и отличающиеся железной дисциплиной организации, как “Аль Каида”, — дело сверхтяжелое» (см.: *Примаков Е.* Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002. С. 15).

ных сил, фиксируя сначала факт запуска баллистических ракет, а затем определяя траекторию их полета и район, куда направлены летящие боеголовки. Предупреждение, выдаваемое СПРН, дается за исключительно короткий промежуток времени до того, как боезаряды стартовавших ракет начнут поражать цели. Для межконтинентальных баллистических ракет СССР (России) и США, запускаемых по наиболее оптимальным траекториям через Северный полюс, подлетное время определяется примерно в 30 минут; для баллистических ракет подводных лодок оно может быть значительно короче. Так, многие американские авторы отмечали, что для поражения боезарядами, доставляемыми к цели баллистическими ракетами советских подводных лодок с использованием настильных траекторий ракет, подлетное время для таких приморских городов, как Вашингтон и Нью-Йорк, может вообще составить 6–7 минут. Это делает выдачу сигнала предупреждения о ракетном нападении для высшего американского руководства практически бессмысленной с точки зрения возможности использования данного сигнала для принятия решений.

В свое время в печати появилось немало сведений о том, как реагирует высшее американское руководство на получаемое предупреждение о ракетном нападении при проведении соответствующих учений. Так, например, отмечалось, что президент США Дж. Картер (1977–1980 гг.), который особенно известен любовью к таким учениям, ни разу не успевал «выйти из-под удара» советских средств нападения, имея даже подготовленный заранее вертолет у Белого Дома, готовый доставить его или в бункер, или в летающий командный пункт для Верховного Главнокомандующего (обычно находившийся на авиабазе Эндрюс неподалеку от Вашингтона).

Все это лишний раз подтверждает, что никакая СПРН не может заменить систему предупреждения о подготовке нападения, о подготовке к нанесению ракетно-ядерных ударов, которая должна иметься у «разведывательного сообщества» (и прежде всего в таком его компоненте, как военная разведка).

Со времени завершения в конце 1980-х годов «холодной войны» взаимные опасения относительно возможности развяза-

вания большой войны с применением ракетно-ядерных средств значительно уменьшились. Это явилось прежде всего следствием установления принципиально нового характера политических взаимоотношений между СССР и США, а затем, после распада Советского Союза, между Российской Федерацией и Соединенными Штатами.

Однако события 1990-х и 2000-х годов показали, что в отношениях между Россией и США даже в условиях после завершения «холодной войны» могут возникать острые конфликтные и кризисные ситуации, потенциально ведущие и к эскалации политико-военного противостояния¹⁶. (В ходе подготовки Главкомом ОВС НАТО генералом Уэсли Кларком мероприятий по блокированию небольшого российского воинского контингента, прорвавшегося в столицу Косово город Приштину, его непосредственный подчиненный трехзвездный английский генерал Майкл Джексон отказался выполнять приказание Кларка, сказав, что он не хочет тем самым спровоцировать «третью мировую войну».)

Признавая задачу предупреждения в качестве одной из важнейших в работе разведки, следует особое внимание обратить на соотношение текущей и перспективной информации.

---

¹⁶ Авторы обстоятельного исследования Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба (ЦВСИ ГШ) Вооруженных сил РФ небезосновательно отмечали, что «агрессия НАТО принципиально изменила военно-политическую обстановку в Европе, продемонстрировав готовность альянса и впредь действовать в духе новой стратегии — по собственному усмотрению силой оружия навязывать суверенному государству свой вариант разрешения кризисной ситуации... Нет гарантии, что сценарий, который был разыгран в Югославии, НАТО не положит в основу своих действий против любой другой страны, в том числе и России». (См.: *Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А.* Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. М.: ЦВСИ ГШ ВС РФ — ИПВА, 2001. С. 260. Рецензентами данного труда выступили также известные и авторитетные в профессиональных кругах деятели, как Ю.Н. Балуюевский — в то время начальник Главного оперативного управления — первый заместитель начальника ГШ ВС РФ, Л.Г. Ивашов — в то время начальник Главного управления международного военного сотрудничества МО РФ, Г.И. Шпак — командующий Воздушно-десантными войсками.)

Подавляющее большинство политиков в своей деятельности прежде всего сосредоточены на решении текущих проблем.

История знает немало случаев, когда в результате руководители разведки, стремясь «соответствовать» тому или иному государственному руководителю, его стилю и вкусам, основной упор делали на отправку «наверх» именно текущей информации. Такой подход к делу не дает, как правило, возможности реализовать функцию предупреждения во всей необходимой полноте и в конечном счете девальвирует значение разведки в глазах государственного руководства.

* * *

Одна из задач разведки состоит также в подготовке обобщенных сводок о политической, военно-политической и экономической обстановке по конкретным проблемам (или регионам), определяемым государственным руководством в качестве наиболее приоритетных с точки зрения национальной безопасности. При этом разведка должна готовить эти обзоры на основе именно разведанных, полученных ее специфическими средствами и методами, не имеющимися, например, у дипломатического ведомства или министерства экономики. Если разведка в таких обзорах в основном пользуется лишь открытыми источниками (а тем более грешит тривиальными, лежащими на поверхности выводами), то государственные руководители в лучшем случае утрачивают к ней интерес.

Однако это отнюдь не должно означать игнорирование открытых незасекреченных источников информации.

С момента появления средств массовой информации — сначала газет, затем радио, телевидения и, наконец, электронных СМИ — «пулы» такой информации постоянно нарастали (с развитием Интернета «лавинообразность» этой информации еще больше увеличилась). Ею активно пользуются все разнообразные конкуренты разведслужб, имеющие доступ «к уху» (и глазам) высшего государственного руководства.

Для того чтобы быть конкурентоспособной, разведслужба должна осуществлять обработку открытой информации таким образом, чтобы в результате появлялись данные, скрывае-

мые другой стороной различными мерами, обеспечивающими секретность. В такого рода работе в годы «холодной войны» нередко преуспевали западные разведслужбы, которые ориентировали значительные ресурсы на анализ подавляющей части печатной продукции в СССР, КНР и ряде других социалистических стран. Несмотря на жесткую цензуру этих изданий, западным спецслужбам удавалось получить в результате скрупулезной обработки сотен тысяч публикаций подчас весьма ценную информацию по оборонным программам, командному составу вооруженных сил, по промышленно-экономическому потенциалу.

Как показывает исторический опыт многих конкретно-исторических ситуаций, государственные руководители и военное командование в значительной мере составляют свои представления о противнике не столько на основе сообщений разведки, сколько на базе собственных впечатлений о самих странах, их народах, армиях, о государственных руководителях других стран и проч., почерпнутых как из личных контактов, так и из средств массовой информации. (Гораздо реже используются исторические, социологические или политические труды, даже популярные.) А зачастую представление о противнике формируется на основе сложных, мало понятных кому-либо умозрительных заключений, ассоциаций и т.п. Нередко все оценки разведок и дипломатического ведомства перевешиваются личными взглядами государственного руководителя о государственном руководителе другой страны.

Одним из ярких примеров этого может служить отношение И.В. Сталина, с одной стороны, к собственным разведслужбам, а с другой — к его главному «оппоненту» Гитлеру. Как горько заключает в своих воспоминаниях генерал-лейтенант М.А. Мильштейн, один из руководителей советской военной разведки в годы Великой Отечественной войны, «Сталин с упорством маньяка не доверял данным военной разведки¹⁷. Он ре-

---

¹⁷ К этому моменту политическая разведка подверглась едва ли не большим репрессиям, чем разведка военная. В различных ее звеньях появились опасно некомпетентные люди типа А.З. Кобулова, о роли которого недавно подробно написал в своих воспоминаниях Е.М. Примаков.

шитительно отвергал их, считая все сведения о подготовке Гитлером нападения на Советский Союз обычной западной, главным образом английской, дезинформацией, а то и просто провокацией. Сталин не верил не только разведчикам, но и нашим послам, которые из разных стран слали тревожные депешы... Парадоксально, но факт: вплоть до первых минут кровавой бойни Сталин доверял лишь одному человеку — Гитлеру»¹⁸.

Сталин стал в значительной мере жертвой целенаправленной дезинформации Гитлера (осуществляя одновременно дезинформационное воздействие на Гитлера)¹⁹. Сталину, в

Исследовавший дело Кобулова Примаков отмечает, что тот закончил пять классов школы, курсы счетоводов, работал счетоводом на заводе, производящем бутылки для разлива минеральной воды «Боржоми», потом стал бухгалтером в НКВД Грузии, который в то время возглавлял Л.П. Берия. (Берия стал в 1938 г. одним из основных фаворитов Сталина, осуществив «зачистку» НКВД после «железного наркома» Н.И. Ежова, выполнившего свою задачу и ликвидированного после того, как был таким же образом использован для ликвидации Ягоды и его «команды», а Ягода еще ранее — для ликвидации наследия Ф.Э. Дзержинского.)

Здесь и началась сверхбыстрая карьера Кобулова: в 1940 г. он был назначен резидентом политической разведки в Берлин — на наивысший в тот период пост среди всех заграничных резидентур. Именно через А.З. Кобулова германские спецслужбы осуществляли целенаправленную дезинформацию Сталина, что проводилось германской стороной с августа 1940 г. вплоть до нападения на СССР 22 июня 1941 г., т.е. около года (срок весьма значительный, особенно в условиях острой международной обстановки, войны и на Западе и на Востоке). Гитлер лично утверждал материалы, передававшиеся Кобулову (через агента (латыш Берлингс), подставленного Кобулову германской разведкой, имевшего у Кобулова псевдоним «Лицейст», а у германской разведки «Петер») (см.: *Примаков Е.М.* Годы в большой политике... С. 128–133).

¹⁸ *Мильштейн М.А.* Сквозь годы войны и нищеты. Воспоминания военного разведчика. М.: ИТАР-ТАСС, 2000. С. 69.

¹⁹ В целом можно отметить, что часто разведслужбы практически в равной мере используются как для целей информации своего государственного руководства, так и для целей дезинформации руководства других стран. При этом собственная дезинформация, проходя через каналы информационных систем других стран, возвращается (подчас в весьма причудливой форме) в информационные каналы собственного государства. Ведение разведкой одновременно информационной и дезинформа-

частности, подбрасывалась дезинформация о наличии в руководстве нацистской Германии раскола относительно планов войны в отношении СССР — о подготовке крупномасштабных действий вермахта против британской метрополии и на Ближнем Востоке, и т.п.²⁰ Такая дезинформация проникала в том числе и через довольно надежную советскую агентуру, через различные резидентуры и военной, и политической разведки.

История знает примеры, когда важнейшие решения в сфере национальной безопасности принимались почти без привлечения разведывательной информации. В ряде источников, в частности, отмечается, что президент США Ричард Никсон, готовя в 1971–1972 гг. свой по-настоящему исторический поворот в американо-китайских отношениях, практически отказался от использования разведоценок, которые не давали ему главного — рекомендаций, как вести себя при прямом взаимодействии с Председателем КНР Мао Цзэдуном. Необходимые для себя сведения, оценки, ощущения Никсон получил от нескольких журналистов и писателей, на протяжении многих лет имевших доступ к Мао Цзэду.

Сильнейшее воздействие на формирование представлений о том или ином событии, мнений об остроте обстановки и т.п. оказывает телевидение — сравнительно молодой феномен в плане информационного обеспечения принятия стратегических решений.

Видеосюжеты часто обладают такой силой воздействия на сознание и подсознание любого человека, в том числе и высших руководителей, что играют более важную роль в принятии решений, нежели доклады разведслужб и других органов стратегического управления (представленные в виде текстов, таблиц, схем, карт и т.п., которые подчас, особенно при их обилии, с трудом воспринимаются высшими руководителями, а иногда и

ционной работы в результате требует еще более высокого уровня координации всех соответствующих усилий как в рамках «разведывательного сообщества», так и между разведывательным сообществом и дипломатическим ведомством и ведомством военным.

²⁰ См.: *Вишнев О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 43–45.

вызывают у них раздражение). Отсюда эффективность таких технических приемов, как подготовка доклада высшему руководству в виде видеосюжета. Но подготовка видеосюжета требует времени, а также определенного операторского мастерства, что не всегда могут обеспечить аналитики разведслужб.

* * *

В обыденном понимании разведка — это прежде всего герои-разведчики, прославившиеся своим внедрением в «логово врага» и получением тех или иных секретов. В соответствующих подразделениях госаппарата они часто именуется разведчиками-оперативниками.

При всей значимости работы «в поле» не менее важной, хотя почти неприметной для непосвященных, является работа по кропотливому отбору получаемых из разных источников данных, по проверке и перепроверке их достоверности и, наконец, по их анализу. А в конечном счете эта работа, если она действительно осуществляется на том уровне, какой требуется для принятия стратегических решений, сводится к формулированию выводов о перспективе развития тех или иных событий, о возможном поведении конкретных государственных руководителей, командующих, правительств, военных ведомств, генштабов, т.е. к разработке прогнозов (многие специалисты предпочитают говорить о «прогнозных оценках» как о менее жестких, менее обязывающих категориях материалов, предоставляемых «наверх»).

Этой работой ведают те, кого называют разведчиками-аналитиками. Им очень редко достается та слава, которая выпадает на долю разведчиков-оперативников (причем, как часто подчеркивают разведчики-профессионалы, слава достается, как правило, раскрытым разведчикам, а не тем, кто смог выполнить свою задачу и остаться нераскрытым). С точки зрения эффективности стратегического управления спор о том, кто важнее — разведчик-оперативник или разведчик-аналитик, в принципе не имеет смысла.

Е.М. Примаков, став во главе Службы внешней разведки России, на одном из совещаний в СВР сказал: «Извечный вопрос, кто важнее, разведчик-аналитик или разведчик-оперативник, должен быть раз и навсегда отброшен. Сегодня, как никогда,

ясно, что без аналитического подхода невозможно успешно провести мало-мальски ценную разведывательную операцию. Без аналитического осмысления полученной первичной информации нельзя продолжать целенаправленную работу с источником. Без аналитического подхода невозможны многоходовые комбинации. Однако в то же время без использования специфических приемов и методов разведывательного проникновения в объекты нашей заинтересованности не может быть получена объективная ценная информация, составляющая фундамент любого настоящего анализа и прогноза»²¹.

Работа аналитиков разведслужб почти аналогична по методам, приемам тому, что делают политологи, социопсихологи, экономисты. Она, разумеется, должна опираться на достижения соответствующих областей общественных наук — с пониманием того, что общественные науки не являются точными науками.

Но демонстрация использования таких методов при подготовке аналитических докладов, прогнозных оценок — дело далеко не всегда благодарное, особенно если потребитель результатов работы разведки не является достаточно подготовленным в области общественных наук человеком. Роджер Хилсмен, известный американский политолог и теоретик разведки, еще в 1950-е годы обратил внимание на то, что работникам разведслужб, представляющих свои выводы, результаты анализа, приходится сталкиваться с «антиинтеллектуализмом» государственных деятелей (поскольку последние «сильно верят в силу практического опыта»). Многие деятели такого рода, писал Хилсмен, «высокомерно относятся» к носителям аналитических разработок разведок, сделанным на базе социальных наук, считая, что они хороши в теории, но представляют ограниченную ценность на практике²².

Это замечание, сделанное полвека назад, во многих случаях сохраняет свою актуальность и в современных условиях в самых разных странах.

---

²¹ *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. С. 138.

²² См.: *Хилсмен Р.* Стратегическая разведка и политические решения / пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1957. С. 79–80.

Создание сильной аналитической службы в разведке — задача, на деле решаемая с большим трудом — с учетом специфики культуры, доминирующей во многих разведслужбах, где ценятся прежде всего разведчики-оперативники.

Эта задача не была, в частности, в должной мере решена в СССР накануне Великой Отечественной войны. Не была она решена и в США (что вскрыло в том числе детальное расследование конгресса США в связи с внезапным нападением японцев 7 декабря 1941 г. на базу американских ВМС на Тихом океане Пёрл-Харбор).

Заслуживают внимания суждения о реальных проблемах, возникающих в формировании аналитического подразделения, которые приводит Н.С. Леонов (возглавивший в 1991 г. созданную незадолго до этого аналитическую службу всего КГБ СССР). «Знакомство с информационным хозяйством Комитета Госбезопасности вскрыло давно знакомую картину: заскорузлое местничество, слабый профессионализм и желание каждого крупного оперативного начальника “раздуть ноздри”, то есть создавать видимость, что именно он-то и держит “Бога за бороду”. Каждое главное управление или просто управление имело свой собственный информационный отдел, в который сливались несостоявшиеся или отработанные кадры... Ни один руководитель самостоятельного управления не готов был передать полученную информацию в “чужое” аналитическое управление и лишиться возможности вклада пусть ущербной и корявой, но своей информации»²³.

Эти резкие и горькие суждения применимы не только к той сложной ситуации, в которой оказались советские органы госбезопасности (включая политическую разведку) накануне распада СССР.

* * *

Выделение оценки намерений и оценки возможностей (и «вероятного противника», и союзников, и «попутчиков») как двух главных компонентов разведывательных оценок — альфа и

---

²³ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 362.

омега работы при подготовке высшего руководства страны и высшего командования к принятию политико-военных решений.

Оценка возможностей — это выявление боевого состава вооруженных сил, находящейся на вооружении и в стадиях разработки военной техники, резервов, мобилизационного потенциала по финансовым, промышленным, сельскохозяйственным и людским ресурсам; оценка системы управления на всех уровнях, качества боевой и оперативной подготовки и др. «Высокий пилотаж» в оценке возможностей противника состоит в том, чтобы осуществлять ее не вообще, как бы в вакууме, а с учетом противодействия. Учет потенциального противодействия создает совершенно иную картину возможностей другой стороны²⁴. Если речь идет о возможностях потенциального противника в отношении какой-либо третьей стороны, то решение этой задачи вполне под силу самому разведоргану, располагающему и теми и другими данными. Если же речь идет об оценке возможностей с учетом противодействия с той стороны, к которой принадлежит разведорган, то это уже значительно усложняет проблему, по крайней мере с организационной точки зрения, требуя вовлечения в такие оценки других органов системы стратегического управления. Разведка по природе своей деятельности не может располагать тем же знанием собственных военных возможностей, что и, например, орган военно-стратегического планирования.

В этом плане весьма интересен опыт деятельности особого органа, созданного в 1971 г. в Министерстве обороны США, — Управления комплексных оценок, которое изначально было организационно поставлено и вне разведки, и вне органа оперативно-стратегического планирования — Комитета начальников штабов США (в чем-то эквивалентного Главному оперативному управлению (ГОУ) Генштаба Вооруженных сил СССР (РФ)). Управление комплексных оценок, замыкавшееся на министра обороны США (в 1971 г. это был М. Лэйрд), возглавил известный гражданский аналитик Эндрю Маршалл, который находится в этой должности уже более 30 лет (!).

---

²⁴ См.: *Плэтт В.* Информационная работа стратегической разведки / пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1958. С. 95–98.

Данное подразделение является носителем наиболее мощной институциональной памяти, обладает уникальными знаниями по любым вопросам, касающимся как собственных вооруженных сил, так и вооруженных сил всех противников, оппонентов и союзников США.

Деятельность Управления комплексных оценок исключительно высоко оценили занявший в 2001 г. пост министра обороны США Дональд Рамсфелд, его первый заместитель Пол Вулфовиц и другие члены весьма сплоченной команды Рамсфелда — Чейни.

В силу большого веса данной группы (а во многих ситуациях и доминирующего) в системе стратегического управления США результаты деятельности Управления комплексных оценок в Вашингтоне привлекают самое пристальное внимание²⁵.

---

²⁵ Среди них выделяется увидевшее свет в июле 2002 г. исследование Группы суммарных оценок по китайской военной мощи. В версии этого обстоятельного доклада, имеющейся в открытом доступе, сопоставление возможностей ВС КНР и ВС США (в соответствующем регионе и в целом) практически отсутствует. Однако имеется сопоставление боевых возможностей ВС КНР и ВС Тайваня (поскольку основной упор в этой разработке Группы суммарных оценок сделан на потенциальный вооруженный конфликт вокруг Тайваня).

Немало внимания уделено поставкам ВВТС из России и других стран в КНР, оценке их вклада в усиление китайской военной мощи. Особо рассматриваются вопросы научно-технического и промышленно-экономического сотрудничества между КНР и Российской Федерацией. В частности, оценки, представленные в докладе, говорят о росте числа российских ученых и специалистов, работающих в различных научно-исследовательских институтах и конструкторских бюро, на заводах КНР, связанных с оборонным производством, с 300 человек в 1993 г. до примерно 1500 человек в 2000 г. (с. 45).

Данный доклад не ограничивается лишь оценкой китайских *возможностей*. Он нацелен и на определение намерений Пекина. В нем подробно разбирается прежде всего вопрос о «стратегии Пекина в отношении Тайваня» (с. 46–50). Оценивая намерения и возможности Пекина по применению военной силы в решении тайваньской проблемы, авторы доклада обращают, в частности, внимание на то, что китайские военные активно разрабатывают тему различных «асимметричных мер» с целью «затруднить операции авиационных ударных групп по поддержке Тайваня» (с. 49) (см.: Annual Report on the Military Power of the People's

В представленном выше далеко не полном перечне тем для оценки возможностей мы видим как параметры, которые описываются цифрами, так и те, которые требуют прежде всего суждений, экспертных оценок, качественных заключений. Количественные сопоставления, даже там, где объект рассмотрения оценивается числами, в подавляющем большинстве случаев уже не дают той адекватной картины, какую, например, они давали в период наполеоновских войн, в том числе в ходе Отечественной войны 1812 г., когда друг другу противостояли примерно равные в качественном отношении войска наполеоновской Великой армии (со значительным нефранцузским компонентом) и Российской империи²⁶.

Повышенную степень сложности представляет оценка системы стратегического управления, а также управления вооруженными силами в оперативном и тактическом звеньях. Часто такого рода оценки делаются не столько разведслужбами, сколько органами, ведающими оперативно-стратегическим планированием в генеральных штабах. В этом случае открывается больше возможностей давать такие оценки в сопоставлении с собственной системой стратегического управления, что особенно ценно в конечном счете для принятия и реализации управленческих решений в области обороны. Знание «самого себя» в стратегическом управлении не менее, а иногда и более важно, чем знание противника. Часто в силу естественных психологических особенностей человеку легче трезво оценивать других людей, чем собственную личность.

Republic of China (Report to the Congress Pursuant to the FY 2000 National Defense Authorization Act). Department of Defense. Washington, DC, 2002. July. URL: <http://www.defense-link.mil/news/ JI July 2002/China>).

²⁶ Это была последняя большая война XIX в., в которой русская армия по техническому оснащению (прежде всего по качеству и количеству артиллерии, по стрелковому оружию и др.) не уступала лучшей армии мира — французской. В Крымскую войну 1853–1854 гг. российская армия, и особенно флот, вступили при значительном отставании в технической оснащенности от первоклассных держав Европы. Состояние примерного равенства в технической оснащенности наших вооруженных сил удалось восстановить только в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.

Выдающимся результатом такой сопоставительной самооценки стало поведение М.И. Кутузова в ходе всей кампании 1812 г., и особенно в ходе Бородинского сражения. Кутузов полностью отдавал себе отчет (в том числе опираясь на многочисленные разведывательные оценки) в том, что он уступает Бонапарту в способности управлять на поле боя, в частности, осуществлять активные, ударные тактические действия, сохраняя в своих руках полный контроль над обстановкой. На основе этого Кутузов, во-первых, избрал при Бородине сугубо оборонительную тактику (бывшую прямым продолжением системы стратегической обороны в кампании 1812 г. Александра I — М.Б. Барклая-де-Толли — М.И. Кутузова); во-вторых, делегировал большие полномочия двум командующим крыльями своего боевого порядка — Багратиону и Барклаю. Эти полномочия позволили последним в решающие моменты сражения оперативно принимать решения, которые во многом определили результат этой гигантской битвы, не дав возможности Наполеону добиться решающей победы²⁷.

* * *

«Здравый смысл» говорит о том, что в разведоценках всегда лучше переоценить противника, чем недооценить. На деле это совсем не так. Часто переоценка столь же вредна, как и недооценка (это, кстати, к вопросу о пределах следования здравому смыслу). Классический пример тому — переоценка бронированности немецких танков накануне Великой Отечественной войны, на основе которой было принято решение в срочном порядке остановить производство противотанковых орудий калибром 45 мм и перейти к производству более крупнокалиберных пушек для задач противотанковой обороны. Но к началу войны развернуть производство более крупнокалиберных противотанковых орудий не успели; и в ходе нее выяснилось, что броня значительной части немецких танков намного слабее и вполне про-

---

²⁷ Отражением такой глубокой сопоставительной самооценки является высказывание М.И. Кутузова накануне его отъезда из Санкт-Петербурга в действующую армию относительно того, что победить Наполеона он не сможет, но сможет «перехитрить».

бивается не только 45-миллиметровыми снарядами, но и пулями противотанковых ружей калибром 12,65 мм Симонова (ПТРС) и Дегтярева (ПТРД) и крупнокалиберного пулемета ДШК (особенно у легких немецких танков, а также трофейных чешских и французских). Большая часть немецких танковых войск была оснащена именно легкими танками (Т-II и чехословацкие танки LT-35, поступившие на вооружение «панцерваффе» под обозначением PzKpfw.35(t) или просто 35(t): с буквы «t» начинается немецкое слово tschechisch — чешский); тяжелых танков у немцев в 1941 г. не было вообще. В результате такой переоценки возможностей противника боеспособности РККА был нанесен весьма ощутимый ущерб.

На протяжении последних нескольких десятилетий возрастает значение данных разведки о военно-технических достижениях вероятного противника, о создаваемых им конкретных системах вооружений, об их отдельных узлах, компонентах, используемых технологиях. Самым выдающимся примером деятельности разведслужб в этой области можно считать добычу советской военной и политической разведкой американских и английских «атомных секретов», позволивших значительно ускорить создание советского ядерного оружия в конце 1940-х — начале 1950-х годов²⁸. Этот успех во многом был связан с высоким уровнем организации деятельности разведки по данному проекту, с тем, что получаемые разведкой результаты немедленно шли «в дело», оценивались самыми высококвалифицированными специалистами (которых сама разведка практически не имела). Решения на проведение разведопераций (весьма трудоемких и рискованных с политической точки зрения) и на использование получаемой развединформации были в

---

²⁸ См.: *Феклистов А.* Признания разведчика. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ПГ «Информейшн групп», 1999. С. 216–362; *Холловэй Д.* Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956 гг. / пер. с англ. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 204–414; *Рикелсон Дж. Т.* История шпионажа XX века / пер. с англ. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000; *Чиков В., Керн Г.* Охота за ядерной бомбой. М.: Вече; АРНА-АиФ, 2001; *Долгополов Н.* Они украли бомбу для Советов. М.: XXI век — Согласие, 2000; *Лота В.* ГРУ и атомная бомба. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

одних и тех же руках — одного из высших руководителей государства (члена Политбюро ЦК ВКП(б), куратора спецслужб Л.П. Берии, одновременно ведавшего и всем «атомным проектом», отвечавшего за него перед И.В. Сталиным).

В результате быстрого создания Советским Союзом собственного ядерного оружия сравнительно быстро возникла система взаимного ядерного сдерживания СССР — США, она сыграла важнейшую роль в предотвращении третьей мировой войны, которая могла начаться уже в начале 1950-х годов из-за войны в Корее (когда США вплотную обсуждали вопрос об использовании ядерного оружия)²⁹.

В 1990-е годы, как отмечают ряд западных изданий, аналогичный успех по получению «ядерных секретов» США сопутствовал китайской разведке, добывшей важную информацию для существенного совершенствования своих ядерных боеприпасов, в том числе для улучшения их массогабаритных характеристик. Прогресс в этой области способен обеспечить оснащение китайских стратегических носителей — межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования и баллистических ракет подводных лодок — разделяющимися головными частями и тем самым существенно нарастить мощь китайского стратегического ядерного компонента.

В современных условиях весьма важной является трезвая оценка возможности различных видов высокоточного оружия (в том числе большой дальности), беспилотных разведывательных и разведывательно-ударных самолетов, разведспутников и проч.

Причем эти оценки должны делаться не вообще, а в привязке к условиям конкретного театра. Так, например, в ходе подготовки и проведения антитеррористической операции США и их союзниками в Афганистане в 2001–2002 гг. выявилось, что данные, получаемые посредством использования разведывательных спутников различных типов и различного назначения, авиационных средств разведки, не адекватны зада-

---

²⁹ См.: *Торкунов А.В.* Загадочная война. Корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: РОССПЭН, 2000.

чам, поставленным войскам США высшим государственным руководством, — во многом и в силу характера целей (специфики военной организации талибов и их союзников), и благодаря особой сложности получения данных по горным районам такими средствами.

Между динамикой процессов, связанных с оценкой *возможностей* и оценкой *намерений*, существует значительная разница. Возможности той или иной страны изменяются сравнительно медленно (по большинству оценок, в промежутке примерно в пять лет). Они связаны прежде всего с материальными ресурсами, которые государство выделяет на развитие оборонной промышленности и строительство собственно вооруженных сил и которые служат в том числе материальной базой для разведки (спутники, наземная инфраструктура по их обеспечению, самолеты для различных видов разведки, наземные станции слежения и т.п.).

Совершенно по-иному протекают процессы, связанные с изменением намерений высшего государственного руководства и высшего военного командования. Изменения в намерениях могут произойти в гораздо более короткие сроки, и их гораздо труднее зарегистрировать имеющимися у разведслужб «детекторами», чем изменения в возможностях³⁰.

Оценка намерений — это прежде всего выявление того, планирует или не планирует предполагаемый противник начать войну, а если планирует, то какую, с какими политическими и военно-стратегическими целями. Важно знать, в каких масштабах, где, на каких направлениях планируется наносить главные удары и где отвлекающие, и т.п. Исключительно важно знать и то, как противник оценивает состояние нашей стороны: вооруженные силы, систему стратегического управления и намерения высшего государственного руководства и военного командования, а также их дееспособность, т.е. все то, чем мы интересуемся у него. Еще более высокий уровень оценок намерений другой стороны обеспечивается тем, что ты знаешь

---

³⁰ См. подробнее: *Кокосин А.А.* Прогнозирование и политика. М.: Международные отношения, 1975. С. 41–43.

не только то, что о тебе знает и думает другая сторона, но и том, что она считает, что ты думаешь и знаешь о ней. Именно наличие такого знания обеспечивает реализацию наиболее тонких и далеко идущих стратегем высшего руководства.

После неудачной для СССР советско-финской войны 1939–1940 гг. германские военная и политическая разведки весьма низко оценивали советскую систему стратегического руководства и состояние управления советскими вооруженными силами во всех звеньях. Германские разведслужбы полагали, что главная причина этого — массовые репрессии Сталина в отношении командного состава РККА и РККФ, руководства оборонной промышленности и промышленности в целом. Автору нигде не удалось найти указания на то, что о таких расчетах нацистского высшего руководства и военного командования докладывали Сталину. А эти расчеты служили едва ли не главным фактором при выдвижении Гитлером, считавшим советские вооруженные силы «глиняным колоссом без головы», максималистских политических и военно-стратегических целей в отношении СССР (полного сокрушения как вооруженных сил, так и государства) в 1941 г.³¹ (Как говорил Гитлер своему ближайшему окружению накануне начала агрессии против СССР, «достаточно пнуть, и колосс развалится»³².)

Не имея такой информации от советских разведорганов, Сталин не мог поверить в то, что у Гитлера и командования вермахта есть замысел в считанные недели полностью сокрушить советские вооруженные силы. Сталин знал о наличии примерно равных по численности сил, о значительном численном превосходстве Красной Армии в танках и авиации, об огромном мобпотенциале промышленности СССР и не мог

---

³¹ Вплоть до второй половины 1980-х годов советские историки давали другой перевод гитлеровской оценки советской военной мощи — «колосс на глиняных ногах», что, разумеется, создавало в отечественном общественном сознании совсем иное представление об этой исключительно важной оценке.

³² См.: *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921–1944 / пер. с англ. М.: АИРО-XX, 2001. С. 228.

поверить в то, что при наличии таких условий Гитлер решится на тотальную войну в форме «блицкрига» против СССР с самыми решительными целями³³.

Упрекать работников политической или военной разведки в том, что они не докладывали такую информацию, неправомерно. Подобный доклад означал бы самоубийство для докладывающего и репрессии по всей цепочке. Репрессии же и без того постигли обе главные разведслужбы накануне войны в таких масштабах, что просто приходится удивляться тому, что они еще продолжали функционировать, принося весьма различные, а подчас и выдающиеся результаты.

Нет также никаких свидетельств того, что Сталин принимал во внимание незнание Гитлером (и его высшим военным командованием) масштабов военно-промышленного производства в СССР и мобилизационного потенциала советской промышленности на случай войны. Незнание Сталиным подлинных расчетов и оценок Гитлера в отношении советской военной мощи, системы стратегического управления привели к неверной оценке Сталиным намерений Гитлера.

Весь характер поведения Сталина в первые дни Великой Отечественной войны подтверждает вывод о том, будто он полагал, что Гитлер преследует какие-то ограниченные цели в войне, что с ним еще можно будет договориться и т.п.

В результате Сталин сделал крупнейшие ошибки при принятии политических и военно-стратегических решений непосредственно перед началом войны и в ее первые дни: наложил жесточайшие ограничения на деятельность руководства

---

³³ Новейшие исследования на основе анализа в том числе архивных материалов обеих стран убедительно говорят о том, что германские разведслужбы не имели представления о реальной военной мощи Советского Союза, особенно о гигантских масштабах той подготовки советской промышленности к войне, которая была осуществлена в конце 1930-х — начале 1940-х годов. Это было связано прежде всего с исключительно высоким уровнем секретности в СССР. При этом выдвигается предположение, что демонстрация Советским Союзом Германии его реальной военной мощи тем или иным способом могла бы оказать сдерживающий, отрезвляющий эффект на Гитлера и его высшее военное командование.

Вооруженных сил страны по подготовке к отражению агрессии. Это стоило нашей стране дополнительных многомиллионных потерь и огромного материального ущерба, последствия чего ощущаются и в XXI в.

Оценка намерений противника требует глубокой психологической (социопсихологической) проработки главных действующих лиц системы стратегического управления другой стороны, причем не только как индивидуумов, но и как «малых групп» со своими социопсихологическими закономерностями поведения. Здесь большую роль играют уже не только разведорганы, но и независимые исследовательские центры, а подчас и журналисты, и даже писатели с острым взором, с даром понимания человека.

* * *

Постановка государственным руководством задачи для разведки в целях политики, высшей стратегии — это весьма ответственное и далеко не простое дело. На практике оно столь же сложное, требующее больших интеллектуальных усилий, что и формирование четкой политической цели и военно-стратегической задачи для высшего военного командования, особенно в условиях ограниченной войны среднего уровня.

Оптимальной является ситуация, когда задачи разведоргану (или «разведсообществу» в целом) ставятся высшим государственным руководством в диалоге с руководством разведки. Это помогает поставить для разведки реалистические задачи и избежать разочарования со стороны госруководства, в случае если предоставляемая развединформация не соответствует требованиям момента и ожиданиям, имевшимся «наверху».

У разведки, как и у двух других инструментов высшей стратегии, ограниченные ресурсы (людские, финансовые, информационные); их всегда меньше, чем хотелось бы иметь и руководителям разведки, и государственным руководителям.

Не надо забывать, что разведка — один из тончайших инструментов в государственном управлении, где «человеческий фактор» играет предельно важную роль. У разведки (как и у контрразведки) — свои «правила поведения», своя внутриин-

ституционная этика и дисциплина, часто значительно отличающиеся от этики и дисциплины других органов госуправления, включая военное ведомство в целом.

У разведывательного механизма, как и у любого другого, есть свое «время срабатывания» на «командный сигнал» государственного руководства и военного командования.

И государственное руководство, и военное командование должны постоянно иметь в виду, что и разведчики, работающие «в поле», и специалисты, занятые обработкой информации, ее анализом, интерпретацией, и криптографы, «раскалывающие» шифры противника, — это живые люди, со своими проблемами, с различной мотивацией к сложнейшей и ответственной работе, часто с собственной философией. Они требуют индивидуального подхода, внимательного и бережного отношения, если служба нацелена на добывание качественных разведанных, а не на «вал» информации.

Государственный руководитель не должен ставить перед разведкой всеохватывающие «суперзадачи» и стремиться немедленно получить ответы на все поставленные вопросы. Но в то же время он вправе требовать от разведки, особенно в критические, решающие моменты, максимально четких и однозначных ответов (которые включали бы и признание в неосведомленности в тех или иных темах, вопросах).

«Наверху» не должны ожидать (и требовать) от разведки «абсолютно точных данных» по всем вопросам, связанным с принятием стратегических решений. Вообще «попадание в яблочко», крупные успехи в работе разведки именно с точки зрения ее вклада в стратегические решения — это явление сравнительно редкое, особо ценное и требующее гигантской работы.

Как и в военном деле, где есть «трение войны» (феномен, отмеченный Клаузевицем, суть которого обстоятельно раскрыта выдающимся русским и советским военным теоретиком и военачальником А.А. Свечиным, успевшим поработать и на стратегическую военную разведку³⁴), в тайных операциях спец-

---

³⁴ А.А. Свечин после реабилитации в марте 1932 г. был вновь зачислен на службу в Красную Армию — в Разведуправление (IV управление)

служб есть свое «трение разведки». Оно тем больше, чем более крупной является разведслужба, чем более громоздкий у нее механизм управления, чем больше дистанция от тех, кто добывает информацию, до тех, кто ею пользуется. Разумеется, «трение разведки» находится в прямой зависимости от той среды, в которой добывается развединформация — будь то «человеческая разведка» (агентурная), или разведка техническими средствами.

Государственный руководитель должен понимать, что у разведки, как у любого другого госоргана, есть институциональная тяга «подстраховаться» так, чтобы всегда можно было сказать: «разведка информировала», «разведка предупреждала». Мировая практика взаимоотношений между государственным руководством и разведкой, высшим военным командованием и разведкой знает множество примеров такого рода.

Работники разведки в силу принадлежности к особой категории лиц, действующих в обстановке особой секретности и имеющие даже в условиях наиболее развитых демократий большие ограничения в правах, чем у обычных военнослужащих, значительно более уязвимы «перед лицом начальства». И самое главное — «добытчики» информации «в поле» действуют, как правило, в предельно враждебной среде, ежечасно рискуя свободой, жертвуя здоровьем, а нередко и жизнью.

Большинство разведывательных организаций крупных государств превратились в крупные бюрократии, где дистанция между лицами, добывающими развединформацию и докладывающими ее на политическом уровне, становится слишком длинной. В результате усложняются и затрудняются прямые и обратные связи между политикой, высшей стратегией, военной стратегией и разведкой, столь необходимые для обеих сторон, теряется и искажается важнейшая информация.

Штаба РККА. Осенью 1935 г. он получил воинское звание «комбриг», а еще через два месяца «комдив». С 1936 г. он продолжает работу профессором Академии Генерального штаба РККА. В 1937 г. А.А. Свечин был арестован вторично; 29 июля 1938 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение (см.: *Думби Ю.Ф.* Александр Андреевич Свечин (1878—1938). Этапы жизненного пути и творчества. М.: Антология отечественной военной мысли, 1999. С. 24).

Бюрократизация разведслужб делает их, как правило, весьма инерционными институтами, медленно разворачивающимися навстречу новым проблемам. Большинство разведслужб в течение нескольких десятилетий «холодной войны» накопили огромную инерцию, затрудняющую их работу в новых условиях с новыми угрозами национальной безопасности. Особенно это было свойственно победителям в «холодной войне». Как сетовал автору в конце 1990-х годов один западноевропейский государственный деятель, «я требую от наших служб данных по основным террористическим центрам и руководителям и их связям с наркобизнесом в Европе, а мне несут списки командного состава Ленинградского военного округа (Вооруженных сил РФ. — А.К.)».

Такая инерционность в работе спецслужб, как уже говорилось, стала одной из важнейших причин того, что американские органы госбезопасности оказались неспособны предотвратить события 11 сентября 2001 г.

Идеальным в линии «разведка — государственное руководство (военное командование)» является прямое общение лиц, принимающих решения, с наиболее ценными «добытчиками» развединформации³⁵. На такое общение, в частности, нацеливает трактат Сунь Цзы, который писал, что разведчики — это «сокровище для государства». (Сунь Цзы всех разведчиков (шпионов) разделил на пять категорий, подчеркнув, что всеми пятью категориями шпионов «ведает сам государь»³⁶.)

В современных условиях на практике такие взаимоотношения крайне затруднены, а в подавляющем большинстве случаев и весьма опасны — как для государственного руководите-

---

³⁵ В истории было немало случаев, когда разведчиками «в поле» становились люди блестящих способностей, по своим интеллектуальным, волевым и прочим качествам ничем не уступающие тем дилетантам, которые принимали стратегические решения, получая разведданные от подобного рода звезд. В истории отечественной разведки к числу таких лиц можно, безусловно, отнести Р. Зорге, Д. Маккллина, К. Филби, Р. Абея и ряд других.

³⁶ См.: Конрад Н.И. Синология (Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве). М.: Наука, 1977. С. 44.

ля, так и для разведчика. Однако о сокращении дистанции между добытчиками информации и ее пользователями надо думать постоянно, добиваясь, с одной стороны, минимизации искажения развединформации, движущейся «снизу вверх», к лицам, принимающим решения, а с другой — грамотной постановки задач перед разведкой государственным руководством.

Ставя задачу перед разведкой, государственный руководитель в ряде случаев не может не задумываться о том, не приведет ли четкая, однозначная формулировка задачи к раскрытию его стратегического замысла противником. Это может происходить и без наличия в разведслужбе агентуры другой стороны: путем перехвата и дешифровки резидентом указаний Центра (руководства разведки) и даже просто путем внимательного наблюдения контрразведки другой стороны за тем, по каким вопросам осуществляется сбор информации ее противником.

Такие соображения обуславливают в ряде случаев легендирование постановки задачи государственным руководством для своих разведслужб. Это легендирование может осуществляться в том числе внутри собственной конкретной разведслужбы или в органе военного руководства, координирующего деятельность разведслужб.

Институционно отношения между разведорганами и органами, принимающими политические решения, гармонизируются отнюдь не автоматически, особенно в мирное время. Это же относится и к служебным взаимоотношениям между разведорганом и государственным руководителем. Существуют принципиальные различия в их *modus operandi*. Политический орган прежде всего публичен. Настоящая же разведка по природе своей деятельности не публична, а скрытна, максимально секретна. После акта «мегатеррора» 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах противоречие между интересами политики, с одной стороны, и интересами разведки и контрразведки США — с другой, проявились, в частности, в вопросе о том, обнародовать или не обнародовать сразу же после терактов доказательства вины Усамы бен Ладена. Политически это было исключительно важно как для внутренней, так и для международной аудитории (в целях создания коалиции для ведения целенаправленных действий). Но спецслужбы были заин-

тересованы в максимальной засекреченности своих источников информации и методов ее получения³⁷.

Недаром даже в стране «самой старой демократии», Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, вплоть до 1980-х годов была засекречена фамилия руководителя политической разведки (в обиходе именуемой «Интеллидженс сервис»).

Разведка выходит из тени обычно вынужденно, чаще всего в связи с крупными провалами разведчиков, со скандалами, имеющими отношение к деятельности разведки за пределами отведенного ей законами «правового поля» (как это было, например, в 1970-е годы в США, когда ЦРУ обвинили, в частности, в незаконной деятельности на территории самих Соединенных Штатов, что по закону было исключительной прерогативой органов контрразведки).

Это пришлось в определенной мере сделать и отечественной политической разведке в результате распада СССР (и резкой критики в обществе КГБ СССР в период «перестройки» и в 1990-е годы), благодаря чему, как ни парадоксально на первый взгляд, она не подверглась большому «раздеванию» и «раскассированию» (в этом большая заслуга принадлежит Е.М. Примакову и его соратникам по СВР).

* * *

Деятельность разведки настолько сложна, часто настолько плохо стыкуется с остальными компонентами системы стратегического управления (руководства), что в ней во многих ситуациях регулярно проявляются некие парадоксы. Два главных «парадокса разведки» автор сформулировал еще в конце 1970-х годов, занимаясь проблемами информационного обеспечения принятия политических и военно-стратегических решений в США (а также в нашей стране, особенно накануне Первой мировой и Великой Отечественной войн)³⁸.

---

³⁷ См.: *Loeb V., Lane Ch.* Bush's Team is Unsure on Making Proof Public // *International Herald Tribune*. 2001. September 26. P. 3.

³⁸ См.: *Богданов П.Г., Кокошин А.А.* США: информация и внешняя политика. С. 215.

Первый парадокс можно сформулировать следующим образом: чем более ценная и нестандартная информация докладывается разведорганом государственному руководителю, тем меньше ей верят, тем сложнее она воспринимается.

Второй парадокс заключается в том, что чем более ценным агентом обладает разведка, тем сложнее реализовать в интересах «большой политики» получаемые от него важнейшие данные, так как при этом всегда возникает опасность «засветить» и «спалить» агента и целую агентурную сеть³⁹. А любой настоящий руководитель разведоргана постоянно должен заботиться о сохранности, безопасности своих источников информации.

Как отмечает бывший председатель КГБ СССР (занимавший до этого должность начальника политической разведки — Первого главного управления КГБ СССР) В.А. Крючков, сведения на агентуру во всех спецслужбах — наиболее оберегаемые оперативные данные; лишь весьма ограниченный круг лиц в самой разведке и контрразведке может быть осведомлен о действующих агентах⁴⁰. История знает немало случаев, когда государственные деятели на переговорах со своими оппонентами из других стран козыряли сведениями, полученными из разведисточников, в результате чего этот источник просчитывался другой стороной и переставал существовать.

Вместе с тем история знает случаи, когда стремление обеспечить безопасность источника информации доводило до того, что высшие руководители в критический момент лишались его крайне важной информации. Классическим примером может служить история реализации особо важной информации американской военной (военно-морской) разведкой накануне начала японской агрессии против США летом-осенью 1941 г. Тогда в отдельные периоды из списка рассылки расшифрован-

---

³⁹ Для обеспечения безопасности источника информации теми или иными разведслужбами при докладе руководству разведанных используются различные формы и способы прикрытия. Тем не менее, как учит история, и это не всегда помогает.

⁴⁰ См.: *Крючков В.А.* Личное дело. Три дня и вся жизнь. М.: Олимп, 2001. С. 136–137.

ных американскими криптографами (система «Мэджик») японских дипломатических телеграмм был исключен президент США — верховный главнокомандующий вооруженными силами⁴¹. Причина в том, что военные опасались возможных утечек от ближайшего окружения президента. Автору не раз приходилось слышать о похожих примерах от представителей разведслужб применительно и к руководству СССР.

Ветераны советской политической разведки рассказывали автору историю о том, как годами (если не десятилетиями) в специальных, особо охраняемых и засекреченных хранилищах ПГУ КГБ находились объемные документальные материалы по важнейшим вопросам военной политики западных стран. Эти материалы могли быть доложены высшему руководству после необходимой обработки прежде всего военными специалистами. Таких специалистов не доставало в политической разведке, но они были в Минобороны СССР. Тем не менее эти материалы в другое ведомство не передавались, потому что в ПГУ КГБ не хотели допустить расширения круга осведомленных о наличии данных материалов.

* * *

За последние 20–30 лет произошел гигантский рост возможностей разнообразных технических средств разведки, которыми она пользуется для получения результатов, ранее не достижимых. Развитие таких средств, явные успехи в их применении привели в ряде стран к появлению новых специальных разведорганов. Особенно это характерно для США со свойственной американцам национальной психологией упования на технологии и технические средства решения многих проблем, прежде всего в области обеспечения национальной безопасности.

Достаточно полное знание о том, что собой представляют в современных условиях технические средства разведки, дает набор инструментов, который был использован Соединенными

---

⁴¹ См.: *Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б.* Суд в Токио. М.: Воениздат, 1978. С. 344–345, 361.

Штатами в ходе операции НАТО в Косово в 1999 г. Основными средствами наблюдения из космоса являлись: космические аппараты оптико-электронной разведки (в ясную погоду в любое время суток) и космические аппараты радиолокационной разведки (в сложных погодных условиях). Космические аппараты радиотехнической разведки позволяли получить данные о режимах работы радиолокационных станций и других радиоэлектронных средств ВС Югославии. Космические аппараты радиоразведки обеспечивали обнаружение и перехват переговоров по линиям связи в УКВ-диапазоне⁴².

Аналогичный комплекс средств использовался во время вторжения США и Великобритании в Ирак в 2003 г.

Еще в 1980-е годы в результате развития таких средств громко звучали голоса политиков и военного командования о том, что «человеческая разведка» утрачивает свое значение. Сторонники этой точки зрения считали, что у разведки с применением технических средств, особенно спутниковых, есть очень важное политическое преимущество: в случае провала она создает гораздо меньше проблем, нежели «человеческая разведка».

Провалы в деятельности «человеческой разведки» не раз вызывали крупные политические скандалы. Значительным ущербом для советской внешней политики обернулась измена шифровальщика резидентуры ГРУ в Канаде Гузенко в 1945 г. Список агентов, который выдал Гузенко, включал многих известных за ее пределами людей — членов канадского парламента, ученых-атомщиков, руководящих деятелей компартии и некоторых лиц из других стран. Политическое значение этой информации оказалось настолько велико, что премьер-министр Канады сразу же отправился в Вашингтон, чтобы проинформировать обо всем президента США⁴³.

Этот скандал, использованный в США и Великобритании сторонниками «жесткой линии» в отношении СССР, послужил одним из сильных толчков к возникновению феномена «хо-

---

⁴² См.: Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. С. 229.

⁴³ См.: Мильштейн М.А. Указ. соч. С. 80–81.

лодной войны». Причем произошло это в тот момент, когда Советский Союз еще весьма значительно отставал от США в создании собственного ядерного оружия, а тем более средств его доставки. Страна победоносно завершила Великую Отечественную войну, но понесла при этом гигантские потери, значительно превосходившие потери США и Великобритании. В результате движение к «холодной войне» началось намного раньше, чем Советский Союз стал к этому готов в экономическом и военно-техническом отношении.

Не меньшие скандалы вызывали инциденты с разведывательными самолетами (осуществлявшими аэрофотосъемку или радиоэлектронную и радиотехническую разведку) или с кораблями (наиболее острый кризис возник в связи с захватом КНДР американского разведывательного корабля «Пуэбло» в 1968 г.). Неоднократно возникали конфликтные и кризисные ситуации, связанные с полетами американских разведывательных самолетов У-2 (особенно в конце 1950-х — начале 1960-х годов). Но в последующие годы их функции стали преимущественно выполнять спутники оптоэлектронной разведки.

Прерванный советскими войсками ПВО полет принадлежавшего ЦРУ самолета У-2 с пилотом Г. Пауэрсом повлек за собой события, которые прервали процесс нормализации советско-американских отношений («дух Кемп-Дэвида»)⁴⁴. Если бы этот процесс продолжался, то разрядка с весьма высокой степенью вероятности имела бы место не в начале 1970-х годов, а на 15–17 лет раньше, что могло бы позволить избежать гонки вооружений в последующие десятилетия (более обременительной во всех отношениях для СССР, чем для США) и острых кризисов, включая Карибский (Кубинский ракетный) октябрь 1962 г., когда обе стороны вплотную подошли к началу третьей мировой войны.

---

⁴⁴ Посредством использования У-2 ЦРУ в отсутствие должного противодействия со стороны советских сил ПВО получало ценную информацию о том, что происходило на полигонах ядерного оружия в Семипалатинске, на полигоне войск ПВО в районе озера Балхаш, на полигоне в Тюра-Там, где обрабатывались межконтинентальные баллистические ракеты, и др.

Полное право на существование имеет версия о том, что полет У-2 над СССР 1 мая 1960 г., закончившийся его поражением советскими ракетами под Свердловском, был организован в США теми, кто действительно был против «духа Кемп-Дэвида», против значительного улучшения советско-американских отношений⁴⁵.

Сторонники уменьшения упора на традиционную «человеческую разведку» громко заявили о себе в США в 1990-е годы, аргументируя это окончанием «холодной войны». (В то же время они, как правило, отмечают, что в разведке, ведущей сбор информации с применением сверхсовременных технических средств, гораздо больше средств тратится на получение первичной информации по сравнению со средствами на обработку полученной информации, ее анализ и реализацию⁴⁶.)

События 11 сентября 2001 г. показали неправоту энтузиастов ставки на ведение разведки техническими средствами. Обнаружилась неадекватность данных, полученных техническими средствами, потребностям контртеррористической борьбы и явная недостаточность усилий американских разведслужб по получению сведений с использованием «человеческой разведки».

Спор между «технарями» и сторонниками «человеческой разведки» имеет отнюдь не схоластическое значение. От его исхода напрямую зависит объем ассигнований, выделяемых на один и другой вид деятельности, а во многом и успех или неуспех разведдеятельности в обеспечении высшего руководства необходимыми данными.

Технические средства исключительно важны для получения «объективных данных» — текстов шифротелеграмм и теле-

---

⁴⁵ Интересные свидетельства и размышления по этому поводу представлены в книге сына Н.С. Хрущева Сергея Никитовича «Никита Хрущев: кризисы и ракеты», где он рассматривает поведение обеих сторон (см.: *Хрущев С. Никита Хрущев: люди и ракеты*. М.: Новости, 1992. С. 10–17).

⁴⁶ См., например: *Hermann R.J. Keeping the Edge on Intelligence // Carter A.B., White Jh.P. Keeping the Edge. Managing Defense for the Future*. BCSIA Security. Cambridge, Mass.; L.: The MIT Press, 2001. P. 106–107.

фонных разговоров, передаваемых данных о вооруженных силах, промышленности и т.п., снимков (полученных в оптическом, инфракрасном или в радиолокационном диапазонах). Но они не могут компенсировать получение особо важных документов, которые не передаются по техническим каналам связи, не могут того, что получает высококвалифицированная агентура от устного общения с носителями особо ценных сведений.

В силу этого «человеческая разведка», как и во времена Сунь Цзы, будет сохранять свою значимость в последующие эпохи.

При этом ее результаты должны умело комбинироваться при анализе тех или иных феноменов, событий, тенденций, рассматриваемых разведчиками-аналитиками, с результатами деятельности разведорганов, получающих информацию с помощью технических средств⁴⁷.

---

⁴⁷ В идеале для выполнения задачи предупреждения о подготовке войны вероятным противником необходимо иметь: 1) его план войны (в 1941 г. для советского руководства таковым являлся гитлеровский «план Барбароса», причем необходимо было иметь его последнюю редакцию); 2) данные о сосредоточении и развертывании группировки войск (сил, средств), полученные из разнообразных «технических» и «человеческих» источников; 3) сумму высказываний, оценок лиц, причастных к системе стратегического управления потенциального противника, дающих представление о его политико-военном замысле, о характере и масштабах поставленных политических целей для военных действий, для военной стратегии (как правило, такой замысел невозможно вскрыть, получив даже какой-то особый суперсекретный документ).

Глава 4

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Де-факто основные элементы подхода к стратегической стабильности применительно к ядерным вооружениям были отработаны в СССР и США преимущественно начиная с конца 1960-х годов, когда началось серьезное обсуждение проблем ограничения и сокращения стратегических вооружений, как наступательных, так и оборонительных (хотя в 1960–1970-е годы преимущественно употреблялась иная терминология). Происходило это при наличии весьма существенных различий в структуре стратегических ядерных сил (СЯС) сторон, в политической и стратегической культурах сторон.

Но эти различия нивелировались осознанием политическими элитами сторон (со все более заметным присутствием в них технократии и неотехнократии) реальностей техноэволюции в ракетно-ядерной сфере, которая примерно следовала логике развития науки и техники. Важную роль играли и накопленные к тому времени оценки относительно сверхразрушительных последствий войны с применением ядерного оружия, доступные для понимания политиками.

Ядерная война (а точнее, война с массированным применением ядерного оружия) уже тогда стала рассматриваться большей частью политических элит, лидеров оборонно-промышленных комплексов как акт самоубийства, хотя работы над все более современными средствами практического ведения ядерной войны продолжались и в том, и в другом государстве высокими темпами. «Работала» память руководителей обеих стран об ужасах Второй мировой войны: во главе государств стояли представители того поколения, которое принимало участие в

этой войне. Они помнили и союзнические отношения между СССР и США в борьбе против нацизма. В памяти политических элит обеих сторон был весьма свеж Карибский кризис (Кубинский ракетный кризис) октября 1962 г., когда СССР и США оказались на грани войны с применением ядерного оружия друг против друга¹. (По ряду оценок, в случае возникновения тогда ядерной войны между СССР и США погибло бы около 100 млн американцев и жителей Советского Союза, а одновременно десятки миллионов человек в Западной и Восточной Европе².) Сразу же после Карибского кризиса в июне 1963 г. между Москвой и Вашингтоном была установлена линия «горячей связи», действующая и по сей день. В августе 1963 г. был заключен московский Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, который стал важным вкладом в обеспечение стратегической стабильности³.

В 1968 г. был заключен многосторонний Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В соответствии со ст. 6 этого Договора, как уже отмечалось выше, официальные ядерные державы брали на себя обязательство «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем». (Индия, в частности, создавала свое ядерное оружие, постоянно критикуя СССР и США (РФ и США) за невыполнение ими в должной мере положений данной статьи Договора о нераспространении ядерного оружия.) Страны же, по состоянию на 1967 г. не имевшие ядерного оружия, отказывались от его приобретения.

---

¹ См.: *Евтиев М.Д.* Из истории создания зенитно-ракетного щита России (о создании зенитных управляемых ракет и зенитно-ракетных комплексов в России и странах НАТО). М.: Вузовская книга, 2000. С. 123–126.

² См.: Там же.

³ См.: *Первов М.* Системы ракетно-космической обороны создавались так. М.: АвиаРус-XXI, 2003. С. 172.

Четыре видных американских автора (Дж.П. Шульц⁴, У.Дж. Перри⁵, Г.А. Киссинджер⁶, С. Нанн⁷) выступили с получившей широкую известность статьей «Мир без ядерного оружия» (опубликованной в газете «Wall Street Journal» 8 января 2007 г.), подчеркивая, что в ДНЯО зафиксировано тем самым обязательство всех ядерных держав — его подписантов избавить мир от ядерного оружия⁸. В дальнейшем эти авторы не очень-то акцентировали тему всеобщего и полного ядерного разоружения; да и в самой их статье 2007 г. имелся ряд осторожных замечаний и оговорок на эту тему.

В современных условиях действенность ДНЯО, несмотря на то что его участниками являются уже 189 государств (в том числе, по оценке Белферовского центра Гарвардского университета, возглавляемого одним из крупнейших американских политологов-международников Грэмом Аллисоном, около 40 государств, способных создавать и производить ядерное оружие), многими обоснованно подвергается сомнению —

---

⁴ См.: *Первов М.* Указ. соч. С. 173.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: *Кокошин А.А.* Политология и социология военной стратегии. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2005. С. 285–286.

⁸ Оценивая потенциальную военную политику Р. Рейгана, сравнивая ее с политикой таких президентов США 1970-х годов, как Ричард Никсон, Джеральд Форд и Джимми Картер, нельзя было не обратить внимание на то, что в платформе республиканской партии США 1980 г. черным по белому было записано, что конечной целью нового раунда наращивания американской военной мощи должно стать обретение «всеобъемлющего военного и технологического превосходства над Советским Союзом» (1980 Republican Platform Text // Congressional Quarterly Almanac. 1980. P. 58-B). Такая позиция республиканцев не могла не вызвать серьезную озабоченность, тревогу в Советском Союзе. В столь явном виде данная цель не была зафиксирована в официальных публичных документах администрации Р. Рейгана. Но у советской стороны было достаточно оснований для того, чтобы все планы развития стратегических сил США стали предметом углубленного изучения экспертами в государственных органах власти, в академических институтах СССР. В контексте именно идеи достижения военного и технологического превосходства над нашей страной в Москве рассматривалась выдвинутая Рейганом программа СОИ.

особенно после того, как ядерными державами стали Индия и Пакистан, а КНДР (Северная Корея) провела ряд испытаний ядерных устройств и ракет-носителей. Но альтернативы этому Договору, соответствующему режиму нераспространения, пока никто не выработал, и режимы, обеспечивающие его выполнение, явно нуждаются в укреплении и развитии.

Однако нет никакой убежденности в том, что, если даже Россия и США пойдут на значительные сокращения своих стратегических ядерных арсеналов, это окажет воздействие на такие страны, как КНДР и Иран, в плане их отказа от приобретения собственного ядерного оружия. Каждое конкретное решение о приобретении или неприобретении той или иной страной собственного ядерного оружия определяется весьма специфическими, конкретно-историческими обстоятельствами. Так было, например, с ЮАР, которая уже имела небольшой ядерный арсенал, но в 1980-е годы отказалась от него, прежде всего благодаря давлению со стороны США и Великобритании и в силу ряда внутривнутриполитических причин.

Положения стратегической стабильности начали формулироваться учеными, военачальниками, а затем и государственными руководителями сторон после резкого наращивания стратегических ядерных сил СССР и США и интенсивных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в области противоракетной обороны конца 1950-х — начала 1960-х годов.

И в США, и в СССР велись масштабные работы по развитию систем противоракетной обороны, в том числе с использованием на перехватчиках боевых частей (БЧ) с ядерным боезарядом. Это было, в частности, одной из наиболее приоритетных работ известного КБ-11 в г. Сарове (позднее ВНИИЭФ). Одновременно советские ядерные оружейники разрабатывали боевые части для баллистических ракет стратегического назначения, способные выдержать воздействие поражающих факторов ядерного взрыва ракет системы противоракетной обороны противника⁹.

---

⁹ См.: Военно-энциклопедический словарь / гл. ред. комиссии С.Ф. Ахромеев. 2-е изд. М.: Воениздат, 1986. С. 843.

Поначалу в разработках противоракет (ПР) имелись весьма обнадеживающие (с технической и даже оперативно-тактической точек зрения) результаты; один из таких результатов был получен коллективом во главе с П.Д. Грушиным. Им была разработана противоракета В-1000 — для применения в составе экспериментального наземного комплекса средств ПРО системы «А»¹⁰. При создании этой ракеты ОКБ Грушина совместно с ведущими научно-исследовательскими организациями страны решило ряд уникальных по сложности задач. В 1957 г. противоракета В-1000 осуществила экспериментальный перехват и поражение осколочной боевой частью боеголовки баллистической ракеты большой дальности, двигавшейся со скоростью более 3 км/с.

В дальнейшем все большее внимание стало уделяться использованию в головных частях противоракет специальной боевой части — ядерных боезарядов¹¹.

Среди проектов систем ПРО территории страны того периода можно отметить систему «Таран», разрабатывавшуюся КБ во главе с В.Н. Челомеем, который в то время занимался преимущественно созданием систем для наземного компонента стратегических ядерных сил СССР, для Ракетных войск стратегического назначения (РВСН)¹². В это время уже в широких масштабах велись работы над системой объектовой ПРО по проекту «А-35», которыми руководил Г.В. Кисунько. Эскизный проект системы «Таран» предполагал три рубежа перехвата баллистических ракет противника. На дальнем рубеже (над северными границами СССР) перехват должен был осуществляться противоракетой, созданной на базе челомеевской ракеты среднего класса УР-100 с ядерным боезарядом мощностью 10 Мт¹³. Предполагался и средний рубеж перехвата

---

¹⁰ См.: Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические проблемы международной безопасности. М.: Политиздат, 1989. С. 103.

¹¹ См.: Там же.

¹² См., например: *Bunn M., Tsipis K. Ballistic Missile Guidance and Technical Uncertainties of Countersilo Attack. Report No. 9. MIT. 1983. August. P. 104.*

¹³ См.: *Von Hippel F. The Effects of Nuclear War. Princeton University Press, 1983. P. 32.*

боевых блоков (до 1000 км). На этом рубеже он также должен был осуществляться противоракетой на базе ракеты УР-100. На данном участке противоракета оснащалась спецбоеприпасом несколько меньшей мощности, в силу чего требовалось более точное ее наведение на цель. Противоракеты средней дальности оснащались системой наведения с радиокомандным наведением на конечном участке. Ближний перехват в этом комплексе предполагался на базе системы С-225 разработки КБ-1 под руководством А.А. Расплетина (после А.А. Расплетина данный коллектив на протяжении многих лет успешно возглавлял выдающийся ученый-оружейник Б.В. Бункин).

Стрелковые комплексы дальнего и среднего рубежей системы «Таран» могли также осуществлять перехват космических аппаратов на низких орбитах, т.е. обладали противоспутниковыми возможностями. Радиолокационное обеспечение системы «Таран» предполагалось осуществлять системой секторных многоканальных радиолокационных станций (РЛС) типа ЦСО-С разработки Радиотехнического института (РТИ) под руководством одного из крупнейших отечественных ученых и инженеров А.Л. Минца.

Аванпроект был разработан в июле 1964 г., однако после отставки Н.С. Хрущева (у Челомея работал сын Н.С. Хрущева Сергей — выпускник МВТУ им. Н.Э. Баумана) работы по системе «Таран» были свернуты¹⁴.

После этого работы по данному направлению были полностью сосредоточены на создании системы «А-35» и ее последующих модификаций¹⁵. Над этим работал, как уже говорилось выше, коллектив во главе с Г.В. Кисунько¹⁶.

В 1960-е годы Г.В. Кисунько представил и проект создания противоракетной обороны территории страны («Аврора»), реализация которого требовала огромных затрат (решение о

---

¹⁴ См.: *Dougherty W., Levi B., Von Hippel F.* The Consequences of Limited Nuclear Attacks on the United States // *International Security*. Spring 1986. Vol. 10. No. 4. P. 5.

¹⁵ См. подробнее: *Первов М.* Указ. соч. С. 460–461.

¹⁶ См.: Там же. С. 167–168.

разработке аванпроекта по этой системе было принято в 1965 г.)¹⁷. Кисунько предлагал создавать систему «Аврора» в три этапа: для защиты Москвы, европейской части, а затем азиатской части СССР. Для обнаружения целей и целеуказания стрельбовым комплексам планировалось использовать два кольца радиолокационных станций А.Л. Минца дециметрового и сантиметрового диапазонов¹⁸. (К этому времени становилось все более очевидным, что создание ПРО территории страны требует гигантских, непомерных затрат. Отражением этого было, например, заявление Маршала Советского Союза И.С. Конева в ходе заседания Совета обороны о том, что конструкторы такими проектами «хотят разорить всю страну»¹⁹.)

В рамках проекта «Аврора» также предполагалось использование ядерных боезарядов на противоракетах, которыми, как считалось, будет решена задача «ядерной селекции»²⁰. В эскизном проекте вопросы построения системы «Аврора» были отработаны к лету 1967 г.²¹

Следующим этапом в работе над противоракетной проблематикой в СССР стала деятельность по созданию системы «А-135», которая осуществлялась уже с учетом Договора по ПРО 1972 г. Важное место в каждой из этих систем занимали вычислительные комплексы (ЭВМ), в разработке которых принимали участие коллективы во главе с В.С. Бурцевым и С.А. Лебедевым. Ведущая роль в разработке системы «А-135» принадлежала коллективу во главе с А.Г. Басистовым; последний, помимо прочего, внес весьма существенный вклад в разработку оперативно-стратегических взглядов, концепций объ-

---

¹⁷ См.: *Кокошин А.А.* В поисках выхода...; *Дворкин В.З.* К вопросу о формировании политики национальной безопасности // *Мировая экономика и международные отношения.* 2004. № 13. С. 52–56.

¹⁸ См.: *Трутнев Ю.А.* На благо России. С. 340.

¹⁹ *Дворкин В.З.* Указ. соч. С. 55.

²⁰ См.: *Кокошин А.А.* Формирование политики «асимметричного ответа» на «СОИ». Опыт междисциплинарного взаимодействия. Избранные лекции. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2008. Вып. 85.

²¹ *Трутнев Ю.А.* Указ. соч. С. 333.

ектовой ПРО г. Москвы (хотя ту работу, по идее, должен был бы проделать Генштаб ВС СССР и командование войск противовоздушной обороны (ПВО) страны). Разработки коллектива во главе с Басистовым по данному направлению являются ярким примером воздействия научно-технических проблем на вопросы военной стратегии и оперативного искусства.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов и для СССР, и для США стала очевидной иллюзорность надежд на создание ПРО, способной обеспечить защиту территории страны от сколь угодно масштабного ядерного удара (и огромная, запредельная стоимость таких систем)²². Обнаружились серьезные проблемы с применением ядерных боеприпасов на противоракетах, на которые ранее в обеих сверхдержавах возлагались большие надежды²³. Тогда речь шла преимущественно о системах ПРО с использованием наземных противоракет; однако и в СССР, и в США появлялись также первые наброски ПРО с космическими боевыми станциями (КБС).

На основе понимания всего комплекса проблем, связанных с развитием систем ПРО (и серии серьезных системно-аналитических разработок), министр обороны США Роберт Макнамара в 1967 г. на советско-американской встрече в Глассборо предложил советскому премьеру А.Н. Косыгину ограничить прежде всего системы противоракетной обороны СССР и США²⁴. В конце 1960-х годов Макнамара доказывал, что сколько-нибудь масштабная противоракетная оборона не нужна ни нам, ни американцам, поскольку самая опасная ситуация складывается именно тогда, когда противоракетная оборона есть у обеих сторон: оба противника думают, что они

---

²² Такая функция могла быть возложена, в частности, на аппарат Совета Безопасности Российской Федерации (СБ РФ) с введением в его штат соответствующего подразделения и специалистов; подобную деятельность предполагалось осуществлять в свое время в рамках деятельности Государственной военной инспекции Совета обороны, а затем СБ РФ.

²³ См.: *Kahn H.* On Escalation. Metaphors and Scenarios. Baltimore, Maryland: Penguin Books, 1968. P. 39.

²⁴ См.: *Betts R.H.* Nuclear Blackmail and Nuclear Balance. Washington, DC: The Brookings Institution, 1987. P. 3.

могут прикрыться «щитом» от ответного удара, и эскалация кризиса идет гораздо быстрее. Макнамара обратил внимание и на колоссальную стоимость противоракетной обороны территории страны. Такая логика сначала была с негодованием отвергнута А.Н. Косыгиным. На своей пресс-конференции после встречи с министром обороны США Робертом Макнамарой А.Н. Косыгин сказал: «...какое оружие следует рассматривать как фактор напряженности — наступательное или оборонительное? Думаю, что оборонительные системы, которые предупреждают нападение, не являются причиной гонки вооружений, а представляют собой фактор, предотвращающий гибель людей. Некоторые рассуждают так: что дешевле — иметь наступательное оружие, которое может уничтожить города и целые государства, или иметь оборонительное оружие, которое может предупредить это уничтожение. В настоящий момент кое-где имеют хождение теории, что следует разрабатывать систему, которая дешевле. Такого рода “теоретики” спорят и о том, сколько стоит убить человека — 500 тыс. долл. или 100 тыс. Может быть, противоракетная система дороже стоит, чем наступательная, но она предназначена не для убийства людей, а для сохранения человеческих жизней... Для решения проблемы безопасности есть другие пути, куда более надежные, пути, которые действительно могли бы устроить человечество. Вы знаете, что мы высказываемся за то, чтобы вообще прекратить ядерное вооружение и уничтожить запасы ядерного оружия»²⁵.

Но вскоре советская сторона встала на позицию признания дестабилизирующей роли ПРО, ибо подобного мнения придерживались к тому времени и ряд ведущих отечественных ученых и специалистов.

Специальная исследовательская группа во главе с Мортоном Гальпериным в 1968–1969 гг. провела исследование состояния долгосрочных перспектив развития всего стратегического баланса США — СССР, в первую очередь по таким компонентам, как численность баллистических ракет, самолетов

---

²⁵ *Hoffman S.* The State of War: Essays on the Theory and Practice of International Politics. N.Y.: Praeger, 1965. P. 236.

стратегической авиации, числа ядерных боеголовок, обеспеченных средствами доставки. Были исследованы соотношения сил и возможности его изменения и в области обычных вооружений. Кроме того, проведен анализ научно-технических возможностей обеих сторон, а также экономических и политических факторов развития вооруженных сил США и СССР.

По словам М. Гальперина, оказалось невозможным избежать вывода о том, что никакая из имеющихся американских стратегических программ не способна дать нам то превосходство, которое мы имели в 1950-х годах. Г. Киссинджер, ставший в 1969 г. специальным помощником президента по вопросам национальной безопасности, на основании доклада группы Гальперина (работавшего ранее с Г. Киссинджером в Гарвардском университете) сделал вывод о недостижимости для Соединенных Штатов стратегического превосходства над СССР, по крайней мере в 1970-е годы, о чем он и информировал президента Р. Никсона. И Никсон согласился с этими выводами (имея данные, оценки из других источников и все больше доверяя Киссинджеру, его основательности, логике, авторитету ученого). По некоторым данным, Никсон еще до своего вступления на пост президента США ознакомился с трудами Киссинджера (непростыми для большинства американских политиков) и ряда других западных ученых, мысливших в той же парадигме, что и Киссинджер. Среди них можно отметить британского ученого Алистера Бакена, долгое время возглавлявшего Международный институт стратегических исследований в Лондоне.

Следует вспомнить, что в это время Киссинджером была разработана и введена в «операционный оборот» формула «пятиполюсного мира» (США, СССР, КНР, Западная Европа и Япония), поддержанная Р. Никсоном. Такой «пятиполюсный мир» в значительной мере существовал лишь виртуально, но введение в оборот этой формулы было весьма удачным. Оказалось, что она обладает тем, что можно назвать *операционной функцией*.

Эта формула сыграла важную роль в выходе США из глубочайшего внешнеполитического и политико-военного кризиса того периода, в заключении серии договоров между

США и СССР, в обеспечении «прорыва» в американо-китайских отношениях, что в том числе сделало менее болезненным поражение США во Вьетнаме.

В 1972 г., через пять лет после советско-американского саммита в Глассборо, в Москве президент США Р. Никсон и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев подписали Договор об ограничении систем противоракетной обороны — в одном «пакете» с Временным соглашением о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. В 1974 г. был подписан Протокол к Договору по ПРО, который еще больше ограничивал масштабы деятельности сторон в этой области.

Договор об ограничении систем ПРО имел огромное политико-военное, военно-стратегическое значение. К тому же он стал примером тщательной проработки множества военно-технических и юридических вопросов. На основе строгого соблюдения принципа равенства и одинаковой безопасности сторон договор наложил весьма существенные, жесткие ограничения на количественный состав, структуру отдельных элементов, качественные характеристики и дислокацию систем противоракетной обороны СССР и США. Было запрещено создавать, испытывать и развертывать другие виды и типы ПРО: морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования, создавать ПРО территории всей страны, а также размещать системы ПРО вне национальной территории двух держав.

Эти ограничения фактически заморозили более чем на десятилетие наращивание и модернизацию вооружений в данной сфере, хотя разработка ряда технических проектов в лабораториях и конструкторских центрах не запрещалась.

Согласно Договору об ограничении систем ПРО каждой из сторон разрешалось размещать системы ПРО или их компоненты только в двух районах радиусом 150 км. В каждом районе можно было иметь не более 100 пусковых установок противоракет и не более 100 противоракет на стартовых позициях.

Количественные и качественные ограничения были предусмотрены также для радиолокационных станций ПРО в

каждом из двух указанных районов. Запрещалось: создавать, испытывать или развертывать многозарядные или быстро перезаряжаемые пусковые установки противоракет; придавать ракетами, пусковым установкам и РЛС, не являющимся компонентами ПРО, способности решать задачи противоракетной обороны или испытывать их в этих целях; развертывать РЛС предупреждения о нападении стратегических баллистических ракет, кроме как на позициях по периферии своей национальной территории с ориентацией вовне. Для рассмотрения вопросов, касающихся выполнения принятых обязательств и повышения жизнеспособности договора, была создана Постоянная консультативная комиссия (с местоположением в Женеве). По протоколу к Договору об ограничении систем ПРО, подписанному 3 июля 1974 г., стороны обязались ограничиться лишь одним из двух предусмотренных договором районов размещения систем ПРО: советское руководство выбрало район вокруг столицы, а руководство США — район в расположении шахтных пусковых установок МБР. При условии демонтажа или уничтожения систем ПРО в указанных районах стороны имели право развернуть системы ПРО или их компоненты в другом разрешенном по договору районе: СССР — в расположении шахтных пусковых установок МБР, а США — вокруг столицы²⁶.

В Договоре по ПРО 1972 г. предусматривалось, что система ПРО может быть только наземной и стационарной. При этом Договор допускал создание систем и компонентов ПРО «на иных физических принципах» («перспективные разработки»), но они также должны были быть наземными и стационарными, и параметры их развертывания — предмет дополнительных согласований. В любом случае они могли развертываться только в одном районе.

Строгие количественные и качественные ограничения на системы ПРО в 1972 и 1974 гг. сделали еще более обоснователь-

---

²⁶ Ежегодник СИПРИ 2007. Вооружения, разоружение и международная безопасность / ред. колл. рус. изд. А.А. Дынкин, А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский, А.А. Панаев, А.Н. Калядин, А.Г. Лисов; пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 560–561.

ными надежды на снижение собственных потерь в ядерной войне до приемлемого уровня и соответственно перечеркнули саму идею достижения сколько-нибудь реальной победы в ядерной войне. (Сразу же следует заметить, что это отнюдь не означало отказа ученых, конструкторов, военных с обеих сторон от попыток найти выход из сложившегося советско-американского «ядерного пата».) Поскольку невозможно снизить свой ущерб от ответного удара другой стороны, постольку фактически лишается смысла и первый упреждающий удар. И хотя названные стратегические соображения, связанные с ограничением систем ПРО, не получили тогда ни в США, ни в СССР безоговорочного единодушного признания, тем не менее они сыграли важную роль в ослаблении международной напряженности, ибо способствовали как определенному уменьшению взаимных страхов и подозрений двух держав, так и развеиванию опасных иллюзий относительно возможности выживания в термоядерной войне и эффективного применения ядерной угрозы в политике.

Тем самым фактически в договорно-правовом виде были оформлены общие советско-американские подходы к обеспечению военно-стратегического равновесия, хотя в официальных двусторонних документах и не говорилось о принципах стратегической стабильности²⁷.

В тот же период был сформулирован принцип равенства и одинаковой (равной) безопасности сторон при ведении дел в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений, о котором ни в коем случае нельзя забывать и в современных условиях.

Тогда СССР и США вышли на весьма высокий уровень своих стратегических ядерных арсеналов, значительно оторвавшись от КНР, Франции и Великобритании, имея, кроме того, весьма крупные арсеналы тактического и оперативно-тактического ядерного оружия; и если число носителей для СЯС обеих сторон стабилизировалось в первой половине 1970-х годов, то численность боезарядов на них быстрыми тем-

---

²⁷ См.: *Ядерное оружие после «холодной войны»* / под ред. А.Г. Арбатова, В.В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 34.

пами нарастала за счет оснащения МБР и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) РГЧ ИН. Интенсифицировались и разработки РГЧ ИН, способных маневрировать на конечном участке траектории в целях снижения вероятности их поражения средствами противоракетной обороны.

Параллельно с заключением соглашений по ограничению стратегических вооружений стороны продолжали интенсивно работать над совершенствованием средств доставки ядерного оружия и самих боеприпасов. Особые усилия прилагались (и прилагаются) для повышения их точности наведения до такого уровня, чтобы они могли уверенно поражать высокозащищенные цели, включая шахтные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет и соответствующие пункты управления, начиная с высшего государственного уровня.

Совершенствовались и средства противолодочной борьбы, направленные на эффективный поиск, обнаружение и уничтожение атомных подводных лодок другой стороны, входящих в морскую составляющую стратегических ядерных сил сторон (МСЯС). Ускоренными темпами развивались в 1970-е годы и неядерные средства поражения повышенной точности, которые можно было бы устанавливать на носителях большой дальности, отнесенных к категории стратегических; в сочетании со значительным увеличением точности наведения на цель это рассматривалось как потенциальная угроза для ряда компонентов стратегических ядерных сил сторон. Все это создавало научно-техническую основу для эрозии стратегической стабильности.

Одновременно обе стороны занимались разработкой технологий, различных способов, систем, повышающих боевую устойчивость СЯС в условиях применения против них ядерного оружия. Это касалось:

а) различных дополнительных вариантов базирования межконтинентальных баллистических ракет на подвижных стартах (ПГРК, БЖРК, воздушного запуска — БРВЗ и др.)²⁸;

---

²⁸ См.: Отечественный военно-промышленный комплекс и его развитие / под ред. О.Д. Бакланова, О.К. Рогозина. М.: Ладога-100, 2005. С. 287.

б) снижения шумности атомных подводных лодок и увеличения глубины их погружения;

в) снижения заметности для самолетов стратегической авиации и крылатых ракет большой дальности;

г) повышения дальности баллистических ракет подводных лодок, что значительно увеличивало площадь акваторий для боевого патрулирования стратегическими подводными ракетоносцами.

В определенный момент в 1970-е годы ряд специалистов с обеих сторон пришли к выводу о невозможности осуществления сколько-нибудь эффективной противолодочной борьбы в отношении подводных стратегических ракетоносцев при произошедшем к этому времени скачкообразном возрастании дальности для БРПЛ, практически ставшей равной дальности МБР. Однако это не означало и не означает, что попытки добиться новых, «прорывных» результатов в развитии сил и средств противолодочной борьбы были оставлены (и в отработке соответствующих контрмер, препятствующих эффективной деятельности сил и средств ПЛО). В США, в частности, для решения соответствующих задач продолжают выделяться весьма значительные средства. Неконтролируемое и неограниченное развитие сил и средств противолодочной борьбы вместе с различными средствами ПРО также несет в себе угрозу стратегической стабильности.

Соответственно развивались и разного рода элементы теории ядерного сдерживания, которые строились не только на возможности обмена взаимно самоубийственными «ударами возмездия» по крупным городским агломерациям, но и на возможности удара по другим объектам, что позволяло бы завершить войну с применением ядерного оружия тем или иным вариантом «победы».

Серьезному испытанию стратегическая стабильность подверглась в первой половине 1980-х годов, когда ухудшились советско-американские отношения в целом (ввод советских войск в Афганистан, объявление президентом США Советского Союза «империей зла» и т.п.), возникла ситуация новой ракетно-ядерной конфронтации в Европе (баллистические ракеты средней дальности (БРСД) «Пионер» (по натовской класси-

фикации СС-20) с советской стороны и БСРД «Першинг-II», крылатые ракеты (КР) наземного базирования — с американской стороны)²⁹ и угроза отказа США от Договора по ПРО (в связи с выдвижением программы СОИ)³⁰.

В этот период США активизировали военную деятельность вблизи территории Советского Союза.

Кроме того, снова возросла опасность перенесения гонки вооружений в космос за счет создания противоспутникового оружия на новой технологической основе, к чему были готовы обе стороны. Причем эта угроза могла стать реальностью значительно раньше, чем создание какого-либо варианта широко-масштабной противоракетной обороны, как следствие реализации результатов НИОКР по программе СОИ. Практически любое средство противоракетной обороны автоматически является и противоспутниковым средством, включая даже наземные ракеты-перехватчики как с ядерными, так и с неядерными головными частями. И поражение спутника, движущегося по предсказуемой, заранее известной орбите, является значительно менее сложной задачей, чем поражение ракеты, а тем более боевых блоков, которые к тому же обладают высокой степенью защищенности хотя бы для того, чтобы не подвергнуться разрушению при входе в плотные слои атмосферы.

---

²⁹ Выступление Рейгана на эту тему вызвало очень острую реакцию многих советских руководителей. К тому времени наши отношения и без того находились на низком уровне, в том числе в связи с вводом Советским Союзом в 1979 г. значительного контингента советских войск в Афганистан. Это была почти истерия, которая захлестнула и наш «политический класс», начиная с Политбюро, и значительную часть нашего высшего военного командования. Американцы, в общем-то, этого и добивались: им нужно было серьезно напугать СССР перспективой реализации СОИ. Как пишет в своих воспоминаниях академик Г.А. Арбатов, президент США Р. Рейган, оценивая такую реакцию советских руководителей, считал, что «...не может быть уже так плохо оружие, против которого столь ожесточенно протестуют русские». По обоснованной оценке Г.А. Арбатова, такой всплеск истерии с советской стороны только убеждал Вашингтон, что «мы “СОИ” боимся» (*Арбатов Г.А. Человек системы. М.: Вагриус, 2002. С. 265*).

³⁰ См.: *Freedman L. Deterrence. Cambridge, UK: Policy Press, 2001. P. 48.*

Параллельно с развертыванием разнообразных НИОКР по противоракетной обороне в США в 1980-е годы интенсифицировались работы по созданию различных противоспутниковых систем; аналогичные работы велись и в Советском Союзе. Это было менее заметно для широкой общественности, но многие специалисты в обеих странах отчетливо понимали, что соперничество в области противоспутниковых вооружений крайне опасно, противоспутниковое оружие могло бы создать угрозу в том числе так называемым *национальным техническим средствам контроля* (разведспутникам), ставшим неотъемлемой частью обеспечения соглашений между СССР и США в области стратегических вооружений. Противоспутниковое оружие угрожало бы и средствам первого эшелона систем предупреждения о ракетном нападении (спутникам со средствами обнаружения факта старта баллистических ракет), а также ряду других элементов спутниковой «космической инфраструктуры» обеих сторон.

В целом уровень взаимного недоверия между СССР и США в тот период заметно возрос. Он стал во многом напоминать ситуацию 1950-х годов.

Парирование угроз национальной безопасности осуществлялось с советской стороны масштабными усилиями как военно-технического, так и политико-дипломатического порядка. Немаловажную роль сыграло и концептуальное (доктринальное) оформление политико-военного курса Советского Союза в виде формулы «асимметричного ответа» на СОИ, о чем подробнее будет идти речь далее. Что касается предотвращения гонки вооружений в космосе, то здесь прежде всего следует отметить объявление Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андроповым на встрече с группой видных сенаторов США в Москве одностороннего советского моратория на вывод в космос (испытания) противоспутникового оружия³¹.

Было объявлено, что этот мораторий будет действовать до тех пор, пока другая сторона будет воздерживаться от такого же

---

³¹ См., например: *Kaku M., Axelrod D. To Win a Nuclear War: The Pentagon's Secret War Plans. Boston: South End Press, 1987.*

рода действий³². На взаимной основе данный мораторий действовал вплоть до недавнего времени. Он явил собой образец параллельных мер по ограничению гонки вооружений, которые не оформлены в договорно-правовом порядке, в виде каких-либо двусторонних соглашений. Такого рода меры на двусторонней или многосторонней основе вполне могут применяться и в современных условиях.

В 1985 г. США произвели одно испытание противоспутникового оружия (ПСО) по реальной мишени в космосе, сбив спутник на низкой орбите экспериментальной ракетой СРЭМ-Альгаир (воздушного базирования); однако конгресс США тут же заблокировал дальнейшие испытания, обрезав соответствующие ассигнования. Многие члены обеих палат законодательного органа США и видные эксперты хорошо помнили о моратории на испытания ПСО, объявленном Андроповым, и считали крайне вредным и опасным развертывание советско-американского соперничества и в этой сфере. С тех пор по молчаливому согласию обеих сторон действовал взаимный мораторий на такого рода испытания — вплоть до февраля 2008 г., когда ракетными средствами морского базирования по решению высшего руководства США был сбит собственный разведывательный спутник, выработавший свой ресурс. (Несколько ранее свою способность сбивать спутники на околоземной орбите продемонстрировала и КНР.) Следует отметить, что эти акты уничтожения спутников не являются результатом использования специальных противоспутниковых средств.

С военно-технической точки зрения в такой демонстрации средств поражения спутников практически ничего нового нет. Поражение этого американского спутника было осуществлено прежде всего для политической демонстрации американских возможностей в данной сфере, для подтверждения американского курса на сохранение полной «свободы рук» в космосе применительно к вопросу об использовании силы, о развитии в том числе противоспутникового оружия. Китайское же ис-

---

³² См.: *Wallop M.* Opportunities and Imperatives of Ballistic Missile Defense // *Strategic Review*. 1979. Fall.

пытание можно рассматривать как демонстрацию Соединенным Штатам уязвимости их космической инфраструктуры.

Американская политика в отношении деятельности в космосе в XXI в., которая начала формулироваться в 2001–2002 гг., выглядит по крайней мере двойственной.

С одной стороны, провозглашается особая значимость всех космических систем для гражданских и военных задач, отмечается их значительная уязвимость для противоспутниковой деятельности оппонентов (и прямо указывается на растущие возможности КНР по противоспутниковому оружию), а с другой — делаются весьма явственные намеки на то, что сами США не будут отказывать себе в том, чтобы развивать такие средства поражения и военными средствами обеспечивать защиту собственных космических аппаратов. Комментируя последний тезис, можно отметить, что создать достаточно эффективные средства активной защиты космических аппаратов объектового характера еще сложнее, чем какую-либо ограниченную объектовую противоракетную оборону. Так что можно предположить, что речь в американской политике и военной стратегии может пойти об иных средствах и способах, не исключающих возможности нанесения упреждающих ударов по силам и средствам других стран, которые могут рассматриваться как угроза деятельности США в космосе (с учетом принципа упреждающих действий в случае угрозы важнейшим интересам национальной безопасности Соединенных Штатов, заложенного в «Стратегии национальной безопасности США» 2002 г.).

Как уже отмечалось выше, более чем за год до американской акции по поражению спутника ракетой морского базирования, 11 января 2007 г. КНР, по сообщениям западных СМИ, произвела одиночное испытание противоспутникового оружия наземного базирования (скорее способности наземной ракеты сбивать спутники), продемонстрировав США, что, как гласит английская поговорка, «нельзя швыряться камнями, живя в стеклянном доме». Это была демонстрация простейшего противоспутникового оружия.

Уже на протяжении нескольких десятилетий имеется широкий набор потенциальных противоспутниковых средств.

Технологии для их создания разработаны еще в конце 1950-х годов (а по ряду параметров даже ранее). Противоспутниковые системы могут быть наземного, морского, воздушного и космического базирования, они предполагают использование как кинетических средств поражения, так и оружия направленной передачи энергии (лазеры, ускорители частиц), различных средств радиоэлектронной борьбы (для нарушения функционирования спутников нет необходимости их физически уничтожать — достаточно их «ослепить», нарушить их связь с Землей, для чего и могут применяться прежде всего разнообразные средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ), в том числе радиоэлектронного подавления (РЭП) и т.п.).

В начале 1980-х годов в СССР и США наиболее продвинутыми были НИОКР по созданию систем с использованием тяжелых истребителей МиГ-31 (перехватчик) и F-15 (многоцелевой самолет) соответственно с двухступенчатыми ракетами — «убийцами спутников»; эти ракеты предполагалось пускать с самолетов в верхних слоях атмосферы, поражая спутники на низких орбитах. (В 2000-е годы в США вновь вернулись к идее использовать все тот же F-15 (последних модификаций) как самолет-носитель, несущий ракету, обладающую как противоспутниковыми, так и ограниченными противоракетными возможностями.)

К противоспутниковому оружию относились и различные варианты «космических мин», которые заранее могли бы размещаться на соответствующих орбитах.

Упомянутое китайское испытание 2007 г. стало первой в своем роде проверкой сравнительно несложных противоспутниковых технологий за прошедшие 20 лет³³. Помимо еще четырех ведущих ракетно-ядерных держав (США, Российской Федерации, Великобритании, Франции) обладателем подобных средств в ближайшее время может стать по крайней мере Индия.

* * *

Сердцевиной современного военно-стратегического баланса служит его наиболее опасный и разрушительный компо-

---

³³ См.: *Шабанов В.* Что стоит за «технологическим рывком» в космос? // *Известия.* 1985. 27 июля.

нент — ядерные силы и средства, прежде всего стратегического назначения. При этом существует тесная связь как между рассматриваемыми по отдельности наступательными средствами сторон, так и между средствами наступления и обороны — и у противостоящих друг другу сторон, и внутри вооруженных сил каждой из них. В то же время существенное влияние на степень устойчивости баланса, особенно в ситуации «ядерного пата», оказывают силы общего назначения и обычные вооружения.

Само понятие стабильности позволяет судить, насколько легко вывести рассматриваемый объект (в данном случае «суперсистему» стратегического ядерного взаимодействия) из существующего состояния³⁴. Это понятие отражает прежде всего степень вероятности возникновения ядерной войны при данном соотношении и структуре военных (в первую очередь стратегических) потенциалов сторон. *Главным аспектом стабильности является наличие некоего потенциального барьера, преодоление которого в результате внешних возмущений означало бы переход военно-стратегической «суперсистемы» в новое качественное состояние — от взаимодействий, характерных для мирного времени, к взаимодействию, определяемому принципиально отличной военной логикой, логикой, ведущей к ядерной, стратегической войне.*

Этот потенциальный барьер формирует группа политико-военных факторов, главным из которых можно считать соотношение:

- а) политических и военных целей войны с применением ядерного оружия в различных масштабах и в разных вариантах;
- б) возможностей использования силы для разрешения кризисных ситуаций, существующих на данный момент материально-технических средств ведения такой войны;
- в) соответствующих последствий их применения.

Устойчивость равновесия определяется и параметрами, от которых зависит, насколько легко одной из сторон нарушить сложившийся баланс и добиться превосходства и насколько

---

³⁴ См.: Talbot S. The Master of the Game. Paul Nitze and the Nuclear Peace. N.Y.: A. Knopf, 1988. P. 217.

трудно другой стороне нейтрализовать контрмерами эти шаги и восстановить равновесие.

Понятия *равновесие* и *стабильность*, прежде отражавшие по сути одно и то же состояние стратегического соотношения сил сторон, еще в первой половине 1970-х годов (когда начался массовый переход от моноблочных ракет к носителям с разделяющимися головными частями с индивидуальным наведением на цель — РГЧ ИН; в этом процессе СССР отставал от США на несколько лет) стали все заметнее расходиться в своем значении³⁵. Термин *равновесие* скорее отражает количественные параметры существующей ядерной «суперсистемы», тогда как понятие *стабильность* характеризует ее качественное содержание. Ведь равновесие может быть устойчивым, а может быть и неустойчивым. Возникающее различие не сводится к семантической нетождественности двух рассматриваемых понятий, а имеет глубокий практический смысл, поскольку позволяет выделить главные проблемы, определяющие возрастание или снижение риска *ядерных конфликтов*³⁶, вплоть до возникновения ядерной войны.

Задача поддержания военно-стратегического равновесия с учетом существующего потенциала ракетно-ядерных вооружений *не предполагает обязательного поддержания точного симметричного равенства сил сторон по числу носителей боевых блоков и бомб (их совокупному «мегатоннажу»), по забрасываемому (выводимому) весу*³⁷. Огромная разрушительная сила ядерного оружия до определенных пределов нивелирует различия в

---

³⁵ См.: *Гареев М.А.* Стратегическое сдерживание: проблемы и решения // Красная Звезда. 2008. 8 окт.

³⁶ См. прежде всего: *Свечин А.А.* Стратегия. М.: Военный вестник, 1926.

³⁷ См.: *Космическое оружие: дилемма безопасности* / отв. ред. Е.П. Велихов, А.А. Кокошин, Р.З. Сагдеев. М.: Мир, 1986; *Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. Велихов, Кокошин и другие. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2008; *Фененко А.* Асимметричный ответ в новом веке // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3/18. Сент. — дек. С. 121–125.

размерах арсеналов сторон, в технических характеристиках отдельных компонентов их стратегических сил.

Надо постоянно иметь в виду, что *ядерный взрыв* отличается не только чрезвычайно высокой концентрацией выделяющейся энергии, крайне малым (доли микросекунды) временем ее выделения, но и многообразием поражающих факторов; большая часть энергии выделяется в виде кинетической энергии продуктов ядерной реакции, нейтронного и гамма-излучения.

Среди поражающих факторов ядерного оружия (ПФЯО), помимо ударной волны и светового излучения, следует назвать проникающую радиацию, радиоактивное заражение, электромагнитный импульс (ЭМИ). Различаются шесть видов ядерных взрывов: воздушный, высотный (выше границы тропосферы Земли — выше 10 км), надводный, наземный, подводный и подземный. Последний производится с выбросом или без выброса грунта (камуфлетный). Основные поражающие факторы подземного ядерного взрыва — мощные сейсмические волны в грунте; подземный ядерный взрыв с выбросом грунта сопровождается к тому же образованием воздушной ударной волны и сильным радиоактивным загрязнением местности. Характерной особенностью этих взрывов является образование воронки выброса, размеры которой зависят от мощности, глубины взрыва и типа грунта. Подземные взрывы предназначены для особо точного поражения заглубленных сооружений повышенной прочности.

Высотный ядерный взрыв в современных условиях представляет интерес как источник ЭМИ (и суперЭМИ), выводящих из строя прежде всего чувствительную электронику военных и гражданских систем³⁸. Наземный ядерный взрыв осуществляется на поверхности земли или на такой высоте, при которой светящаяся область взрыва касается поверхности земли; такого рода взрывы применяются также для поражения подземных и прочных наземных целей³⁹.

---

³⁸ См.: Ударные космические вооружения и международная безопасность: Доклад Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы (краткий адаптированный вариант). М.: Изд-во АПН, 1985. С. 41.

³⁹ В целом, по подсчетам советского ученого А.А. Васильева, в случае полной реализации намеченных в первой половине 1980-х годов пла-

Образовавшееся военно-стратегическое равновесие обладает тем, что видный отечественный специалист по проблемам стратегической стабильности (и ракетным системам) А.А. Васильев назвал в свое время *динамическим диапазоном*. (Генерал-майор В.З. Дворкин применительно к данному феномену употребляет понятие *запас устойчивости*.) Наличие такого диапазона, понимание его масштабов создают весьма важные условия для маневра на переговорах по ограничению и сокращению ядерных вооружений, для выработки умелых и гибких подходов к формулам договоренностей.

Этот динамический диапазон (запас устойчивости) до определенных пределов поддается количественно-качественной оценке; он может уменьшаться по мере сокращения ядерных арсеналов сторон. Но при совершенствовании структуры и состава стратегических сил и принятии ряда других мер динамический диапазон можно сохранять в достаточно значительных масштабах. В современных условиях *расчет этого динамического диапазона представляется особенно важной и актуальной задачей для нашей страны при выработке подходов к строительству стратегических ядерных сил (СЯС) и к переговорам по ограничению и сокращению таких вооружений*.

В наиболее обобщенном выражении в основе стратегической стабильности лежит неспособность каждой из сторон нанести такой упреждающий удар (или удар в назначаемое время), который вывел бы из строя если не все, то подавляющую часть ядерных сил и средств другой стороны, которые могут быть использованы в ответном ударе возмездия. Многие специалисты справедливо отмечают весьма значительную техническую и оперативную неопределенность, связанную с возможностью нанесения массированного синхронизированного

нов по развитию и наращиванию стратегических ядерных сил США американский «противосиловой» потенциал мог возрасти ко второй половине 1990-х годов (по сравнению с 1983 г.) примерно в 6 раз (см. разработки А.А. Васильева: Некоторые тенденции развития стратегических ядерных сил США и их противосиловых характеристик до второй половины 1990-х гг. // Проблема замораживания ядерного оружия: Доклад Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы. М., 1984. С. 27).

удара (ракетного «залпа» по нескольким сотням с лишним целей одновременно), способного поразить все шахтные пусковые установки (ШПУ) МБР. Натурный эксперимент такого масштаба невозможен, а имитации на ЭВМ неспособны снизить степень неопределенности до достаточно убеждающего уровня. К тому же при ядерном ударе баллистические ракеты будут запускаться не по обычным испытательным траекториям, которые не включают в качестве конечной точки территории другой стороны, а по боевым, существенно отличающимся от испытательных, что, по мнению многих специалистов, также увеличивает неопределенность в смысле точности боевого применения и МБР, и БРПЛ, и других ракетных средств⁴⁰.

Существует также проблема, связанная с поражением одной и той же цели несколькими боевыми блоками (для обеспечения надежности ее поражения), — с так называемым *эффектом братоубийства* боезарядов, вызванным влиянием мощного наземного взрыва предыдущей боеголовки на последующую в результате поднятых в атмосферу частиц грунта. Иными словами, после того как взорвутся первые боезаряды, поднятые взрывом частицы грунта неизбежно создадут препятствия для точного попадания в цель остальных боеголовок. Однако сколько-нибудь надежная оценка «братоубийственного эффекта» представляет собой исключительно сложную задачу⁴¹.

---

⁴⁰ См. подробнее: Кокошин А.А. Инновационные вооруженные силы и революция в военном деле. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2009.

⁴¹ В начале 1990-х годов Ю.А. Трутнев писал, что достигнутый уровень развития ядерной энергетики в странах третьего мира (ее общий объем составляет 50% объема атомной энергетики СССР) предполагает использование весьма значительного количества уранового топлива, составляющего 400–500 т двуокиси урана (с уровнем обогащения по урану-235 — 3%) ежегодно. По оценке Трутнева, «этого количества достаточно (в случае принятия соответствующего решения) для производства 15 т оружейного урана с высокой степенью обогащения изотопом U235 и производства нескольких сотен ядерных зарядов с достаточно высокими параметрами». Другая возможность использования атомной энергетики для создания ядерного арсенала в странах третьего мира связана с применением в этих целях трансурановых элементов, содержащихся в отработанных

По мнению многих специалистов, такая оценка практически невозможна в силу наличия московского Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах (включая проведение наземных ядерных взрывов), участниками которого являются СССР, США и Великобритания⁴². Так что данный Договор, не имея прямого отношения к ограничениям на число носителей и боевых блоков (боезарядов), вносил и, безусловно, вносит свой вклад в обеспечение стратегической стабильности. Весьма высокой степенью неопределенности характеризуется также оперативная и техническая надежность синхронизированного единовременного залпа тысяч (или даже сотен) ракет. Таким образом, это тот случай, когда повышенная степень неопределенности для обеих сторон способствует повышению устойчивости военно-стратегического равновесия, а не наоборот. И опять-таки одним из средств, обеспечивающих такую стабилизирующую неопределенность, является соответствующий ограничивающий договор.

Но если даже гипотетически представить самый «высокоточный эффективный удар» с применением ядерных боезарядов, выводящий из строя МБР, то он будет иметь огромные побочные последствия для жизни многих миллионов людей, о чем убедительно свидетельствовал целый ряд исследований. По некоторым американским расчетам (1980-х годов), в случае удара лишь по одним только американским МБР, дислоцированным в малонаселенных районах США, потери среди мирного населения (в первую очередь в результате выпадения радиоактивных осадков) могут составить от 5 до 18 млн человек⁴³. При нанесении ударов по более широкому классу военных целей (числом до 1200) с использованием 3000 боеголовок потери

ном топливе. Количество ежегодно нарабатываемых изотопов плутония в указанных выше реакторах на тот период оценивалось Трутневым в 3–4 т, что также достаточно для производства многих сотен ядерных зарядов (см.: Трутнев Ю.А. Указ. соч. С. 337).

⁴² См.: Allison G. T. Nuclear Terrorism... P. 76–77.

⁴³ См.: Оборотов С.А. Ядерный фактор в американо-индийских отношениях. 1991–2008. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009. С. 104.

среди населения США, по оценкам американских ученых У. Догерти, Б. Леви, Ф. фон Хиппеля, составят от 13 до 34 млн человек — в зависимости от направления движения масс воздуха в момент взрывов и некоторых других факторов⁴⁴.

С уменьшением мощности боезарядов и сокращением числа целей для поражения ядерными боеприпасами, а также с повышением точности наведения боевых блоков на цели такого рода «побочный эффект» может быть значительно меньшим, однако все равно речь будет идти о гибели миллионов людей.

Стабильной ситуация считается тогда, когда страна-агрессор не может прикрыться от ответного удара возмездия (наносящего «неприемлемый» или «сопоставимый» ущерб) стороны, подвергшейся нападению, своими средствами противоракетной обороны. Количество боезарядов, которое требуется для нанесения «неприемлемого» (непоправимого) ущерба самому крупному государству, по оценкам сегодняшних экспертов, значительно меньше, чем считалось раньше. Такие выводы делаются на основе более глубокого осознания всего комплекса последствий ядерных взрывов, в том числе вторичных и даже третичных, особенно при ядерных взрывах в крупных городских агломерациях, способных вызвать явление «огненного шторма»⁴⁵. Огромную роль играют и медико-биологические последствия ядерных взрывов⁴⁶.

В настоящее время большинство отечественных и зарубежных специалистов сходятся в том, что величина неприемлемого ущерба не может быть зафиксирована: для каждого государства уровень такого ущерба определяется ее политическими, социальными, историческими, экономическими факторами. Более того, масштабы «неприемлемого» ущерба могут быть разными в восприятии высших руководителей одной и

---

⁴⁴ С.А. Оборотов отмечает, что по своим тактико-техническим характеристикам «Гхори» превосходила готовые к развертыванию индийские ракеты малой дальности «Притхви», а БРСД «Агни» все еще находилась на стадии ОКР и требовала испытаний (см.: *Оборотов С.А.* Указ. соч. С. 102–103).

⁴⁵ Цит. по: *Оборотов С.А.* Указ. соч. С. 103.

⁴⁶ См.: Там же. С. 104–110.

той же страны. Успешное нападение и победа невозможны, если нападающий не в состоянии предотвратить ядерное возмездие или как минимум снизить его мощь до «приемлемого» уровня. В этом и выражается в наиболее агрегированном виде суть стратегического ядерного сдерживания. (В свою очередь, «приемлемый уровень» — величина весьма и весьма условная; она может значительно варьироваться у различных государственных деятелей в рамках одной страны, не говоря уже о странах с различной историей, национальными менталитетами, политическими культурами, религиями и проч.)

Соответственно в условиях «ядерного века» эффективность наступления измеряется прежде всего его способностью поразить ядерные средства другой стороны и систему их управления как в абсолютных, так и в относительных масштабах. А сила обороны, в свою очередь, проявляется в способности стратегических средств выжить даже в случае внезапного нападения и нанести уничтожающий ответный удар. Именно это и является главным фактором защиты в соотношении ядерных сил сторон: оборона выражается в наличии убедительного потенциала сдерживания вероятного агрессора от нападения, а не в традиционной форме буквального отражения такого нападения. При этом надо постоянно иметь в виду, что под воздействием сложной совокупности политико-психологических факторов с появлением мотивов и форм поведения далеко не рационального характера даже частично эффективная противоракетная система *может породить у государства, обладающего ею, опаснейшую иллюзию возможности отбить менее мощный ответный удар другой стороны, после того как он будет ослаблен и дезорганизован внезапным ядерным нападением*⁴⁷ на ее стратегические силы, а также и систему их управления и связи.

При более глубоком рассмотрении факторов и условий обеспечения стратегической стабильности можно отметить следующее: стабильной следует признать такую ситуацию, при которой каждая из сторон, если ее силы подверглись упреждающему (первому) удару, сохраняет способность в первом от-

---

⁴⁷ См.: Там же. С. 112–113.

ветном ударе восстановить нарушенное равновесие за счет поражения соответствующих сил агрессора. Обеспечение последнего критерия является наиболее сложной задачей — и в научно-техническом, и в оперативно-стратегическом, и в управленческом плане.

Стабильность подразумевает обоюдную уверенность обеих держав в надежности их потенциалов ядерного сдерживания.

Безусловно, среди важнейших условий стратегической стабильности — обеспечение таких политических (и политико-военных) условий, при которых у каждой из сторон отсутствуют стимулы для применения ядерного оружия первой. (В современных международно-политических условиях такие стимулы вроде бы практически не имеют места; однако они могут эвентуально появиться в условиях развития той или иной стадии кризиса, перерастающего в *ядерный конфликт*; следовательно, эта устойчивость должна сохраняться в течение сравнительно длительного времени, несмотря на воздействие таких возмущающих факторов.)

При профессиональных расчетах формул стратегической стабильности определяются сравнительные боевые возможности сторон, причем наиболее важную роль играют их оценки в динамике, при реализации различных сценариев обмена ядерными ударами. Соответственно учитываются не только количественные, но и качественные показатели систем вооружений, комплексов, отдельных компонентов стратегических ядерных сил сторон, что требует весьма сложных математических моделей, программного обеспечения, наличия соответствующих аппаратных возможностей и др.

Естественно, значительная часть таких качественных характеристик остается секретом у каждой из сторон; однако многие из этих характеристик стали фигурировать в договорных советско-американских документах⁴⁸. При этом «на поверхности» в наиболее обозреваемой части соглашений всегда

---

⁴⁸ См.: Сотников В.И. Ядерная проблема в индо-пакистанских отношениях (вторая половина XX — начало XXI в.). М.: Научная книга, 2003. С. 160–161.

остаются численность ядерных боезарядов и их средств доставки, т.е. те показатели, которыми, как правило, оперируют в публичной политике. *Но и при равном количестве ядерных боезарядов и средств доставки у обеих сторон можно иметь неустойчивую ситуацию, низкий уровень стратегической стабильности.*

Среди угроз стратегической стабильности следует отметить опасность вывода из строя наземных и космических компонентов системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), системы контроля космического пространства (предназначенной для выявления «опасных спутников» и выдачи целеуказаний для системы противокосмической обороны)⁴⁹, космических средств (спутников) связи, навигации, разведки и целеуказания и т.п.⁵⁰ На этот аспект стратегической стабильности сегодня вновь необходимо обратить самое пристальное внимание, кроме того, огромную роль играют системы боевого управления стратегическими ядерными силами, которые обеспечивают доведение команд на пуски и контроль за состоянием своих СЯС, за степенью их боеготовности, надежности.

В современных условиях контуры систем управления комплексов предупреждения о ракетном нападении и систем боевого управления применительно к стратегическим ядерным силам и в Российской Федерации, и в США разделены; они «замыкаются» лишь на уровне высшего военного органа и высшего государственного руководства.

Главком РВСН Вооруженных сил СССР Н.И. Крылов в 1960-е годы, когда создавались войска ракетно-космической обороны, настаивал на том, чтобы соединения, призванные решать задачу предупреждения о ракетном нападении, вошли в состав РВСН, а не в состав войск ПВО страны. Обосновывал он это крайне малым лимитом времени на принятие решений об ответно-встречном ударе⁵¹.

---

⁴⁹ См.: Bulletin of the Atomic Scientists. 2008. July-August. P. 43.

⁵⁰ См.: Ежегодник СИПРИ 2007. Вооружения, разоружение и международная безопасность.

⁵¹ См.: *Maples M.D.*, Director, US Defense Intelligence Agency. Current and Projected National Security Threats to the United States. Statement for the

Подобные предложения командования РВСН обоснованно не встретили поддержки со стороны государственного руководства СССР. Наличие такого предельно замкнутого контура весьма опасно с точки зрения возникновения «войны по ошибке». И фактически принятие предложения Крылова означало бы исключение высшего государственного руководства страны из контура системы принятия решений на применение стратегического ядерного оружия.

В свое время в печати появлялись сведения и об идеях такого рода в США. Но в обеих странах было признано опасным оставлять вопрос о принятии решения о нанесении ядерных ударов по сигналам СПРН в руках самих исполнителей такого удара, т.е. в руках командования стратегическими ядерными силами, даже в ущерб возможности нанесения ответно-встречного удара, угроза которого может играть немаловажную сдерживающую роль.

В данной работе вопросы деятельности СПРН, систем контроля космического пространства (СККП)⁵² и других отмеченных выше компонентов рассматриваются в самом общем виде; на деле по ряду параметров они играют не менее важную роль, чем собственно средства поражения. Соответствующие государственные руководители и военачальники должны во всей полноте осознавать значение этих средств, хотя они имеют и менее «рапортоспособный характер», нежели собственно ударные средства.

Устойчивость военно-стратегического равновесия обеспечивается как односторонними мерами военно-технического и оперативно-стратегического порядка, так и на взаимной договорной основе (или на основе договоренностей, не оформлен-

---

record. US Senate Armed Services Committee. 2006. 28 Feb. URL: <http://www.dia.mil/publicaffairs/Testimonies/statemem24.htm>; *Kristensen H.M., Norris R.S., McKinzie M.G.* Chinese Nuclear Forces and U. S. Nuclear War Planning. (Federation of American Scientists and Natural Resources Defense Council: Washington, DC. 2006. Nov.). URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf>. P. 37.

⁵² См.: *Lewis J.* The Ambiguous Arsenal // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2005. Vol. 61. No. 3. May-June. P. 52–59.

ных в виде договоров), с использованием разнообразных процедур верификации (проверки) соблюдения договоров⁵³. Крайне важно при этом, чтобы разрешение ситуации носило равноправный и взаимовыгодный характер.

В наиболее обобщающем виде *стратегическую стабильность* целесообразно определять как *состояние, которое обеспечивается запасами устойчивости, позволяющими компенсировать влияние внешних и внутренних возмущающих факторов; к подобным факторам можно отнести научно-технические прорывы контрапартнера, снижающие вклад отдельных систем вооружения, существенные провалы в реализации каких-либо систем, входящих в состав основных компонентов стратегических ядерных сил, и т.п.*⁵⁴

Еще на рубеже 1970–1980-х годов в США возник вопрос об оснащении неядерными боезарядами не только крылатых ракет большой дальности, но и межконтинентальных баллистических ракет, а также (чуть позже) баллистических ракет подводных лодок. Так что этот вопрос, рассматриваемый в текущем десятилетии, в США имеет давнюю (и во многом поучительную) предысторию. К концу 1970-х годов обе стороны добились весьма серьезных результатов по повышению точности МБР и по повышению неуязвимости боезарядов наступательных средств по отношению к средствам их перехвата. Рост точности снова поставил вопрос об уязвимости ряда компонентов СЯС, системы боевого управления каждой из сторон.

Огромные средства вкладывались в развитие сил и средств противолодочной борьбы, но развитие подводных стратегических ракетносцев все время уходило вперед (еще в 1970-е годы произошел скачкообразный рост дальности для БРПЛ, многократно расширивший акватории для боевого патрулирования атомных подводных ракетносцев; росли и глубины погружения атомных подводных лодок). Вместе с тем важным ограничением оставалась глубина, с которой подлодки были способ-

---

⁵³ См.: Chinese State Council. China's National Defence in 2006. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. Beijing. 2006. Dec. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194421.htm>

⁵⁴ См.: Трутнев Ю.А. Указ. соч. С. 577.

ны осуществить эффективно (и безопасно) пуск баллистических ракет.

* * *

Для того чтобы иметь «запас прочности» в обеспечении надежного ответного удара, России необходимо развивать широкий спектр сил и средств, которые можно с высокой степенью надежности использовать в разных вариантах такого удара, и регулярно (крайне дозированно, с тщательным просчетом ожидаемого и требуемого политико-военного эффекта) демонстрировать способность нанести такой удар. Именно на этом прежде всего базируется эффект сдерживания, конкретная политика по развитию систем вооружения. На этом сфокусирована теория ядерного сдерживания⁵⁵. Необходимы глубоко

---

⁵⁵ Нельзя исключать того, что взаимоотношения двух сверхдержав будущего (США и КНР) будут носить более существенный характер, нежели это имело место при биполярной структуре мировой политики с Советским Союзом и США в качестве сверхдержав и двух идеологических, политических и военно-стратегических полюсов с 1945 по 1991 г. У США и КНР могут и далее развиваться все более тесные взаимоотношения экономического и научно-промышленного симбиоза с многократно пересекающимися, сложными сочетаниями соперничества и сотрудничества, причем соперничества, не переходящего в острые конфликты. Следует иметь в виду традиционно высокую степень прагматизма большей части китайского «политического класса» и потенциальный рост политического веса китайского бизнеса, ориентированного на США, возрастание роли прошедших обучение в США сотен тысяч и даже миллионов технократов, менеджеров и предпринимателей. США к такого рода симбиотическому сосуществованию будут подталкивать и осознание объективно возрастающей экономической мощи Китая, и традиционный англосаксонский рационализм. Но мы не должны исключать и возможность нарастания в какой-то момент напряженности в американо-китайских отношениях. Наиболее вероятной причиной этого, повторю, можно считать обострение обстановки вокруг Тайваня. Ибо вопрос об обеспечении китайского суверенитета над Тайванем не менее важен для сохранения устойчивости политической власти, всей политической системы в Китае, чем вопрос об обеспечении устойчивого, с высокими темпами, роста экономики КНР, зависящего в обозримой перспективе от возможностей дальнейшей экспансии китайских производителей на американском рынке и от степени доступа китайских компаний к американ-

продуманные комплексные и многоходовые «стратегические жесты». Это должен быть не «чистый пиар», а тщательно выверенные действия, опирающиеся на реальные научно-технические и оперативно-стратегические возможности и достижения нашей страны, иначе можно лишь нанести ущерб «оборонному имиджу» России; и не отдельные демонстрационные пуски ракет, а *целый комплекс реальных и виртуальных мероприятий, демонстрирующих нашу способность прорвать ПРО другой стороны и сохранить в боеготовом состоянии значительную часть ядерного арсенала (и средства доставки, разумеется) после упреждающего ядерного или комбинированного удара противника.*

К таким мерам относится и рост боевой устойчивости группировки наших стратегических ядерных сил при воздействии «контрсилловых» средств противника — как ядерных, так и неядерных. Эти «стратегические жесты» должны учитывать элитарную и массовую политическую психологию в стране-оппоненте (при этом следует хорошо знать механизмы принятия решений в такой стране по политико-военным проблемам, особенно в условиях кризисной ситуации) применительно к конкретным политическим деятелям, находящимся в данный момент у власти. Так что еще раз отмечу, что задача обеспечения стратегической стабильности — это во многом политологическая тема и тема для тех, кто занимается политической психологией. Она требует наличия как глубоких фундаментальных, так и прикладных знаний.

ским высоким технологиям. Восприятие нынешней политики США в отношении Китая как направленной на развал, фрагментацию КНР, ликвидацию в нем «коммунистического режима» значительно «поднимает ставки» в противостоянии КНР и Соединенных Штатов, в том числе в ядерной сфере. При наличии такой угрозы со стороны США не только для китайского руководства, но и для многих миллионов работников госаппарата, партийного аппарата, командного состава Народно-освободительной Армии КНР (НОАК) борьба с Соединенными Штатами будет борьбой за их не только политическое, но и социально-экономическое и даже физическое выживание. А это может привести в государстве с растущей экономической мощью к такой мобилизации ресурсов в интересах обороны, масштабы которой сегодня в США практически никто не предвидит.

Каждая из сторон должна осознавать, что ответные действия того, кто подвергся агрессии, исключают возможность рационального использования упреждающего (первого) удара.

Для уверенного обеспечения ответного удара после массированного первого ядерного удара другой стороны необходимо не только сохранить собственные пусковые установки, но и довести приказы на пуск, поднять ракеты из пусковых установок, вывести их на боевые траектории, а затем преодолеть противоракетную оборону. Еще раз необходимо отметить, что для убедительности обеспечения сдерживания необходимо умело демонстрировать (не перебарщивая) способность реализовать каждое из этих действий, понимая, что они будут оцениваться не только политиками, но и специалистами высочайшей квалификации в странах-оппонентах.

Необходимый объем ядерных средств для осуществления убедительного ядерного сдерживания определяется (по Ю.А. Трутневу) тремя основными параметрами:

- мощностью ядерных боеприпасов (ЯБП), достаточной для нанесения «неприемлемого ущерба»;
- живучестью средств ответного удара по отношению к средствам упреждающего удара противника (т.е. долей средств ответного удара, уцелевших после первого удара противника);
- живучестью средств ответного удара по отношению к средствам ПРО противоположной стороны (т.е. долей средств ответного удара, уцелевших после прохождения всех эшелонов ПРО, ПКО, ПВО).

Ю.А. Трутнев делал предположение, что для поражения сотни основных промышленных центров на территории США, по-видимому, было достаточно 300 ЯБП с мощностью по 0,5 Мт каждый, т.е. = 150 Мт. По его справедливому замечанию, «на самом деле этот вопрос более сложный, так как ответ на него дает только противник»: что он считает для себя неприемлемым ущербом в широкомасштабном конфликте. А зависеть это будет от конкретной военно-политической ситуации (острота кризиса, масштаб угрозы основным национальным ценностям, наличие альтернативных возможностей и т.д.)⁵⁶.

---

⁵⁶ См. подробнее: Ежегодник СИПРИ 2007. Вооружения, разоружение и международная безопасность...

Еще раз напомним о том, что огромную роль здесь играют политико-психологические характеристики конкретных лидеров, призванных принимать решения, и тех, кто входит в их непосредственное окружение, включая родных и близких.

Дать ответ на поставленный вопрос, от которого подчас зависит принятие крупных политических решений, могут (и то в определенных пределах) только специальные исследования по политической психологии, социальной психологии, по теории принятия решений.

Различаются ответные удары нескольких видов. Среди них — «глубокий» ответный удар⁵⁷; ответно-встречный удар; встречный удар⁵⁸. В каждом виде удара есть свои преимущества и свои недостатки. (Генерал В.З. Дворкин обращает внимание на то, что в Советском Союзе, несмотря на огромное общее количество ракет и боезарядов, дефицит средств, выживших для ответных действий средств после массированного контрсилового удара атакующей стороны, длительное время ощущался весьма заметно, поскольку основа СЯС СССР — наземная группировка межконтинентальных баллистических ракет (МБР) — до 1985 г. была стационарной. На Западе существовало устойчивое представление о том, что этот тип вооружений предназначался в первую очередь для упреждающего удара; однако в значительной степени он предназначался и для ответного (и для ответно-встречного) удара⁵⁹.)

---

⁵⁷ Накануне событий 11 сентября 2001 г. поддерживающая его оппозиция в сенате США была весьма внушительной. Лидеры демократов сформулировали ряд условий, при которых они считали возможным дальнейшее продвижение по созданию систем ПРО. Эти условия на деле были таковы, что блокировали даже разработку ряда важнейших компонентов систем ПРО. Противники создания систем ПРО в 2001 г. планировали осуществить то же, что смогли сделать их предшественники в отношении рейгановской программы «Стратегической оборонной инициативы», которая в основном так и не вышла из стадии НИР (и отчасти ОКР) в 1980-е годы.

⁵⁸ См.: Ежегодник СИПРИ 2007. Вооружения, разоружение и международная безопасность... С. 352.

⁵⁹ См.: Там же.

Возможности нанесения ответно-встречного, а тем более встречного удара в большой степени зависят от систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и от быстродействия системы боевого управления стратегическими ядерными силами, с сохранением всех процедур и механизмов, обеспечивающих предотвращение случайного и несанкционированного применения ядерного оружия. (СПРН имеет два эшелона. Первый эшелон — это спутники, которые фиксируют факт старта ракет по их факелу и с морских акваторий, и с наземных позиций. Второй эшелон СПРН — это радиолокационные станции, которые призваны выдать надежные данные о траекториях запущенных средств поражения.) Для принятия решения об ответно-встречном или встречном ударе своими СЯС высшему государственному руководству остается в лучшем случае несколько минут.

Но в истории обеих стран не раз имели место ситуации, когда системы предупреждения о ракетном нападении выдавали ложные сигналы, которые подлежали немедленной экспертной оценке на соответствующих командных пунктах⁶⁰. Для того чтобы иметь возможность нанести встречный удар, наряду с вышеуказанными факторами *требуется обладать высокоэффективной системой разведки, как технической, так и агентурной* с мощными аналитическими службами, с межведомственной (надведомственной) системой определения надежности и достоверности получаемых данных, их анализом и обобщением. При этом в высшем государственном руководстве должен поддерживаться исключительно высокий уровень доверия к своей разведке — такой, который крайне редок в мировой истории даже применительно к самой ценной агентуре и самым сильным аналитическим службам разведки. Государственный руководитель должен в свою очередь понимать, что на деле может и чего не может обеспечить самая лучшая разведка; соответственно он не имеет права ставить перед своей разведкой чрезмерно завышенные задачи.

Для обеспечения возможности ответно-встречного (встречного) удара и одновременно высокой степени надежности в пре-

---

⁶⁰ См.: Ежегодник СИПРИ 2007. Вооружения, разоружение и международная безопасность... С. 352.

дотворщении случайного и несанкционированного применения ядерного оружия необходим постоянный поиск оптимума в выработке алгоритмов, определяющих функционирование соответствующей человеко-машинной системы, в рамках которой подготавливается, принимается и реализуется решение и осуществляется контроль за его выполнением. И здесь никогда не надо думать, что такой оптимум найден раз и навсегда. *Между требованием к быстродействию системы боевого управления СЯС и требованием надежности всех «замков» в отношении гарантированного исключения случайного и несанкционированного использования ядерного оружия имеется фундаментальное противоречие: чем труднее отпираются «замки» в системе боевого управления, тем медленнее проходят команды на применение ядерного оружия.*

Весьма важные суждения относительно проблем, связанных с ответно-встречным ударом, представлены в разработках виднейшего отечественного ученого-оружейника академика Ю.А. Трутнева. В рамках реализации такой концепции, пишет Трутнев, высшему руководству СССР пришлось бы принимать решения в считанные минуты — тогда, когда оно практически не имело бы еще «достаточной информации о реальном масштабе первого удара США (какие объекты повреждены и в какой степени, каков ущерб для населения и ВЭП, каков уцелевший военный потенциал и т.п.)»⁶¹. В силу этого могут быть предприняты «политически неверные и, с военной точки зрения, совершенно несбалансированные и неоправданные действия (например, массированный ядерный удар по городам США в ответ на первый маломощный ядерный или неядерный удар СНВ по нашим стартам.)» Трутнев справедливо отмечает, что это способно «перевести ограниченный конфликт в глобальное столкновение»⁶².

---

⁶¹ Ежегодник СИПРИ 2006. Вооружения, разоружение и международная безопасность / ред. колл. рус. изд. А.А. Дынкин, В.А. Мартынов, А.Г. Арбатов (рук.), В.Г. Барановский, А.А. Пикаев и др.; пер. с англ. М.: Наука, 2007. С. 673.

⁶² *Темирбаев Р.* О путях движения к миру без ядерного оружия // Индекс безопасности. 2009. Т. 15. № 1 (88). Весна.

Однако угроза осуществления ответно-встречного и встречного ударов — это серьезный сдерживающий фактор для потенциального агрессора, который задумывает упреждающий обезоруживающий и «обезглавливающий» удар. Соответствующим образом должны развиваться и средства обеспечения первых.

В числе таких средств — прежде всего система предупреждения о ракетном нападении, ее качественные характеристики, а также многообразные средства стратегической и оперативной разведки. На практике почти всегда при выделении ресурсов на развитие всего комплекса сил и средств ядерного сдерживания приходится выбирать между повышением боевой устойчивости СЯС и развитием системы СПРН. Китай, например, судя по многим данным, в последние пару десятилетий сделал ставку на развитие сил и средств «глубокого» ответного удара, уделяя пока значительно меньше внимания тому, что обеспечивало бы возможность ответно-встречного, а тем более встречного удара⁶³.

* * *

Немаловажным условием обеспечения стратегической стабильности является и отсутствие условий для несанкционированного и случайного применения ядерного оружия. Можно выделить следующие источники опасности непреднамеренного, случайного возникновения ядерной войны: технические ошибки и сбои в системах раннего предупреждения и в системе боевого управления ядерным оружием; неудачные принципы организации движения информации в системе принятия решений; «человеческие ошибки» в оценке стратегической ситуации в результате интерпретации поступающих данных, нервные срывы соответствующего персонала в результате неадекватного состояния психики — усталости, болезни и т.п.

Особую опасность представляет собой сговор ряда должностных лиц, способных взять под контроль кодоблокировочные устройства системы боевого управления и автономно, без санкции государственного руководства и высшего военного командования, осуществить запуск тех или иных носителей с ядерными боезарядами.

---

⁶³ <http://www.armscontrol.ru/start/Rus/docs/incsea.htm>

Как показывает анализ крупных аварий в социотехнических системах (авиационные катастрофы, аварии на атомных станциях и т.п.), наиболее опасно совмещение ошибок нескольких видов, например, если в результате чисто технической ошибки возникают стрессовые ситуации, психические перегрузки. Предупреждение непреднамеренного (случайного) возникновения ядерной войны связано прежде всего с такой организацией процесса принятия решений по всей цепочке систем боевого управления (как стратегическими ядерными силами, так и тактическим и оперативно-тактическим ядерным оружием) и с такими техническими средствами, которые в идеале исключали бы возможность совмещения сбоя в работе системы.

Над проблемой гарантированного предотвращения непреднамеренного и несанкционированного применения ядерного оружия необходимо работать постоянно и целенаправленно, имея для этого, помимо прочего, надведомственные средства контроля со стороны высшего государственного руководства России⁶⁴. Здесь возможно принятие некоторых мер на взаимной основе с нашими «оппонентами», ибо и там среди политиков, военных, экспертов имеет место серьезная озабоченность данной проблемой (существует и большое число серьезных исследований по данной проблеме в открытом доступе).

* * *

Проблему обеспечения стратегической стабильности необходимо рассматривать не только в плане предотвращения ядерной войны, но и в контексте проблемы *недопущения эскалационного доминирования другой стороны в условиях острого политико-военного кризиса*, особенно способного перерасти в ядерный конфликт⁶⁵.

---

⁶⁴ См.: Херхеров С. Основа триады — ракетные войска стратегического назначения // Военно-промышленный курьер. 2004. № 27 (44). 21–27 июля. URL: <http://www.vpk-news.ru/article.asp?prsign`archive.2Q04.44.articles.armyQ1>

⁶⁵ См.: Стратегические ракетные комплексы наземного базирования / ред. совет: С.Н. Шевченко (рук.), В.В. Василенко, В.Г. Долбенков, Р.И. Ильяев и др. М.: Военный Парад, 2007. С. 192.

Следует иметь в виду, что теория и прикладные вопросы эскалации кризисов и конфликтов с явно выраженным военно-силовым вектором уже на протяжении нескольких десятилетий отрабатываются в США в масштабах, намного превосходящих то, что делалось и делается в этом плане в нашей стране.

Одним из важных этапов в разработке данной проблематики стал выход в свет фундаментальной работы Германа Кана (выходца из «РЭНД Корпорейшн», позднее создавшего собственный Гудзоновский институт) «Об эскалации» (1965), которая явилась результатом серии его исследований по заказу военного ведомства США. В этом труде внимание специалистов прежде всего привлекла разработанная Каном «лестница эскалации» в кризисной обстановке, состоявшая из 44 «ступеней» и шести «порогов»; верхним из этих «порогов», после 38-й «ступени» эскалации, было начало нанесения ядерных ударов по городам противника⁶⁶. С учетом такого рода разработок несколько десятилетий назад была разработана система поэтапного повышения степени боеготовности вооруженных сил США; манипулируя этими степенями боеготовности, высшее государственное руководство США, в частности, способно «посылать сигналы» своему оппоненту (а также своим союзникам и международному сообществу в целом) относительно своих намерений в политико-военном противостоянии в ходе международно-политического кризиса.

Система различных степеней готовности вооруженных сил США в зависимости от конкретной политико-военной и военно-стратегической обстановки разрабатывалась в стране еще в 1950-е годы; тогда и были заложены базовые элементы этой системы, действовавшей и в последующие десятилетия.

В обычных мирных условиях американские вооруженные силы в соответствии с данной системой находятся в состоянии ДЕФКОН-4. Переход на ДЕФКОН-3 означал, как правило, готовность частей и соединений для получения приказов; ДЕФКОН-2 — их готовность к ведению боевых действий и

---

⁶⁶ См.: Стратегические ракетные комплексы наземного базирования. С. 192–193.

ДЕФКОН-1 — полное сосредоточение и развертывание для боевых действий. Американские специалисты отмечают, что переход на ДЕФКОН-3 применительно, например, к стратегическим подводным лодкам, означает их готовность покинуть места базирования и уйти на глубины различных акваторий Мирового океана; они ожидают приказов, которые должны прийти в соответствии с ДЕФКОН-3.

Силы и средства стратегического авиационного командования США (тяжелые бомбардировщики и МБР) в прошлом веке в мирное время, как правило, находились в положении ДЕФКОН-4, а подавляющая часть сил общего назначения, в свою очередь, — в состоянии ДЕФКОН-5.

Отмечается, что в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 г. стратегическое авиационное командование США перешло на ДЕФКОН-2, в то время как у большей части сил и средств в Европе, где противостояли друг другу наиболее мощные группировки сил общего назначения (плюс тактическое и оперативно-тактическое ядерное оружие со средствами доставки), уровень готовности был ДЕФКОН-3 и ниже⁶⁷.

Среди специалистов в области мировой политики широко известно, что одним из примеров такой демонстрации силы стали действия США в ходе арабо-израильской войны на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. Внезапно вооруженные силы были переведены из состояния ДЕФКОН-5 и ДЕФКОН-4 в состояние ДЕФКОН-3. К переброске в район конфликта стала готовиться 82-я аэромобильная дивизия США в Форт-Брагге; 60 тяжелых бомбардировщиков Б-52 были переброшены с о. Гуам на базы континентальной части США в порядке повышения степени боеготовности сил стратегического авиационного командования США; на усиление американских ВМС в районе конфликта из Западного Средиземноморья была направлена в Восточное Средиземноморье авианосная ударная группа (АУГ) во главе с авианосцем «Франклин Делано Рузвельт» (в добавление к уже имевшейся в восточной части

---

⁶⁷ См.: Military Power of the Peoples Republic of China. Annual Report to Congress. Office of the Secretary of Defense. G.P.O. Washington, DC, 2008. P. 56.

Средиземного моря АУГ во главе с авианосцем «Индепенденс»). Еще одна АУГ во главе с авианосцем «Джон Ф. Кеннеди» была направлена в Средиземное море.

Г. Киссинджер, добившийся этого решения СНБ (по каким-то причинам на заседании отсутствовали и президент США, и вице-президент), впоследствии утверждал, что он хотел только того, чтобы такие действия США были отмечены советской разведкой и доложены руководству в Москве; однако через несколько часов решение СНБ уже стало темой передовиц в американских газетах. Это, по мнению Киссинджера, серьезно осложнило обстановку, ослабило перспективы договориться с советским руководством о том, чтобы оно отступило с занятых ранее политико-дипломатических позиций (советская сторона предлагала направить для разъединения воюющих сторон и советские, и американские войска одновременно).

Как стало известно позднее, далеко не все участники заседания СНБ (совместно с Вашингтонской группой специальных действий — ВГСД) поддерживали идею повышения боеготовности вооруженных сил США, считая ее, в частности, неоправданной с политико-военной точки зрения. Но для Киссинджера (и поддержавшего его решение Никсона) это было важно в плане *осуществления политико-дипломатического давления на советское руководство, в целях оттеснения Москвы с ранее занятых позиций.*

Подобные действия были предприняты ради того, чтобы ограничить масштабы воздействия СССР на ход развития данного кризиса, чтобы в результате доминирующую роль, по крайней мере в этом сегменте ближневосточного узла, играли Соединенные Штаты. Нельзя не отметить, что во многом Вашингтон тогда решил эту задачу. (Состояние повышенной боеготовности для вооруженных сил США, как, в частности, отмечал в своих мемуарах А.Ф. Добрынин, было очень быстро отменено.)

Эскалации демонстрации силы со стороны Соединенных Штатов не помешало в тот момент ни общее состояние разрядки в советско-американских отношениях, ни то, что в 1972 г. в Москве весьма успешно прошла встреча на высшем уровне между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном, были подписаны важ-

нейшие соглашения по ограничению стратегических вооружений, включая Договор по ограничению систем ПРО. Не помещал этому и состоявшийся летом 1973 г. в США второй саммит Брежнев — Никсон, который в целом политически закрепил результаты, достигнутые в 1972 г.

Реакция советской стороны на такие действия США в чисто военном плане, как отмечают американские авторы, была сравнительно умеренной...

Один из крупнейших отечественных дипломатов А.Ф. Добрынин писал в своих исследованиях-мемуарах, что «это был серьезный политический кризис, но угрозы какого-то прямого военного столкновения между нами не было». Продолжая, Добрынин отмечает, что «так по крайней мере оценивали обстановку в Москве, которая не принимала со своей стороны каких-либо особых мер по повышению боеготовности советских вооруженных сил, тем более стратегических, в ответ на американские действия»⁶⁸. Позднее, как пишет Добрынин, и Киссинджер, и Никсон оправдывались в беседах с ним за предпринятые США меры по повышению степени готовности своих вооруженных сил в октябре 1973 г., о чем, разумеется, Добрынин докладывал высшему советскому руководству.

На такое поведение Москвы, по-видимому, повлияло то, что в Кремле, по словам Добрынина, осознавали, что возможностей для усиления позиций СССР на Ближнем Востоке у нашей страны было меньше, чем у США.

Таким образом, даже в условиях относительно благоприятных взаимоотношений между двумя нашими странами такая демонстрация силы (и готовности ее использовать) со стороны США вполне реальна. В современных условиях такого рода действия могут стимулироваться ощущением глобального превосходства США в силах и средствах общего назначения⁶⁹.

---

⁶⁸ См.: На стратегическом направлении. Федеральному государственному унитарному предприятию «Московский институт теплотехники» — 60 лет / под ред. Ю.С. Соломонова. М.: Интервестник, 2006. С. 131–133.

⁶⁹ См.: Ракеты и космические аппараты конструкторского бюро «Южное» / под общ. ред. академика НАН Украины С.Н. Конохова. Днепропетровск, 2000. С. 68–70.

Нельзя исключать, что в какой-то кризисной ситуации мы столкнемся с попыткой применения принципов и способов обеспечения эскалационного доминирования со стороны Вашингтона и в современных условиях. Над такой перспективой применительно к китайско-американским отношениям в последние 10–15 лет серьезно работают китайские теоретики и практики; в первую очередь это относится к потенциальной кризисной ситуации вокруг тайваньской проблемы, когда КНР для осуществления всей полноты своих суверенных прав придется применить военную силу. Ряд китайских экспертов отмечают, что на решение задачи предотвращения эскалационного доминирования во многом нацелены планы развития стратегических ядерных сил КНР, вплоть до отработки целого ряда конкретных тактико-технических характеристик ракетно-ядерных средств, в том числе подвижных грунтовых комплексов (ПГРК) «Дунфэн-31» и «Дунфэн-31а» с их возможностями осуществления боевого патрулирования *на неотчуждаемых территориях в самых разных районах страны*. Этой же задаче служит и отмеченное выше стремление НОАК обеспечить неуязвимость части ракетно-ядерных средств КНР за счет использования огромной тоннельной сети.

Осуществление эскалационного доминирования может прежде всего опираться на те преимущества, которые США стремились обеспечить себе в стратегической ядерной сфере и силах общего назначения после завершения «холодной войны», распада Советского Союза. Попытки такого доминирования могут оказаться крайне опасными в условиях той или иной конфликтной (кризисной) ситуации, особенно применительно к тайваньской проблеме в китайско-американских отношениях и к различным конфликтам на постсоветском пространстве в российско-американских отношениях.

Наилучший способ заблокировать попытки осуществления эскалационного доминирования — заблаговременно и тщательно отработать механизмы урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций, опираясь на национальную российскую систему *«кризисного управления»* и на адекватную военную мощь России. Представляется, что важность наличия такой системы кризисного управления до сих пор недооцени-

вается ни отечественными учеными, ни государственным аппаратом и политическим классом в целом. Эта тема остается практически без внимания и в отечественной конфликтологии как субдисциплине политологии, что связано со слабо выраженной традицией проведения серьезных политологических исследований с использованием крупных массивов эмпирических данных, с углубленной разработкой конкретно-исторических ситуаций (case studies).

Кризис — это некоторое промежуточное состояние между миром и войной, некоторая «серая зона» между ними⁷⁰. Кризис делает более рельефными многие особенности взаимоотношений между государствами, политическими деятелями, различными партиями и т.п., обнажает многое из того, что скрыто в условиях некризисного функционирования системы мировой политики и ее различных региональных и функциональных подсистем.

В условиях кризиса особую остроту приобретает информационное противоборство, акты дезинформации и контрдезинформации и т.п. Под информационное противоборство, под завоевание должного места в «мировом информационном пространстве» также необходимо иметь определенные «домашние заготовки» и резервные информационные каналы.

По выражению видного американского политолога Стенли Хоффмана, в период «холодной войны» кризисы во многом стали «заменителем» войн в условиях «ядерной революции»⁷¹. Эта формула, высказанная в 1965 г., вскоре после завершения Карибского кризиса (октябрь 1962 г.), подтвердилась в последующие десятилетия — по крайней мере применительно к вопросу о «центральной войне» между СССР и США и двумя военно-политическими блоками, которые они возглавляли.

Кризисная ситуация требует специального механизма управления, отличного от того, который действует и в условиях

---

⁷⁰ См.: *Валов Ю.В.* Работа КБ «Арсенал» по созданию подвижного боевого ракетного комплекса. Вып. 5. СПб.: Бастион, 2002. С. 26–27.

⁷¹ СКБ-385 КБ машиностроения ГРЦ «КБ им. академика В.П. Макеева». С. 104–105.

мирного (нормального, некритического) политического процесса, и в ситуации военного времени. Это относится как к процессу эскалации кризиса, так и к процессу деэскалации. Такая ситуация требует особой концентрации внимания и воли руководителей (можно сказать, даже сверхконцентрации), специальных механизмов получения, обработки информации и донесения ее до высшего руководства, особого контроля за действием собственных сил и средств, специальных инструкций послам и военным атташе, особого режима работы с собственными и иностранными СМИ и многого другого. Механизмы и ряд процедур кризисного управления могут и должны разрабатываться заранее на серьезной научной основе, в том числе с использованием имитационных игр с различными сценариями, с участием как гражданских, так и военных специалистов. Одна из важнейших задач таких имитаций — отработка высокой степени психологической устойчивости будущих «игроков», более углубленное понимание возможного поведения и своей, и другой стороны в кризисной обстановке.

В отечественной традиции у разработчиков управленческих решений по-прежнему доминирует идея заблаговременной подготовки *системы управления на военное время*, причем основным аналогом выступает та система, которая в конечном счете была отработана в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., носившей тотальный, абсолютный характер как по политическим целям, так и по применяемым формам и средствам ведения вооруженной борьбы. Сказанное сильно ограничивает необходимую гибкость системы управления, которая должна быть ориентирована на широкий спектр конфликтных и кризисных ситуаций, требующих применения (в различных формах) военной силы. Это относится прежде всего к постсоветскому пространству — зоне особо важных, стратегических интересов России.

В послевоенные десятилетия нам пришлось иметь дело с многочисленными ограниченными войнами, конфликтами средней и низкой интенсивности, не имея ни отработанной их теории, ни достаточно слаженной системы управления — ни в политико-военном, ни в оперативно-стратегическом звеньях.

Должные выводы в необходимом объеме пока не сделаны ни в теоретическом, ни в прикладном плане. Богатую пищу для анализа и практических рекомендаций представляет опыт операции российских Вооруженных сил по принуждению к миру в связи с агрессией режима Саакашвили в отношении Южной Осетии.

Механизмы урегулирования кризисов могут существовать на взаимной основе только при соответствующем «материальном положении» военно-стратегического равновесия и при умелой регулярной демонстрации (с нашей стороны) наличия такой материальной составляющей. Такие демонстрации — важная часть искусства «стратегического жеста» (пользуясь выражением выдающегося отечественного военного теоретика и историка, политолога А.А. Свечина). При этом, разумеется, «стратегические жесты» необходимо осуществлять, опираясь на основательное знание механизмов принятия решений оппонентов, традиций их политических культур, понимания индивидуальной и групповой психологии их лидеров и др.

В числе таких жестов — успешные испытания межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок, новых типов боевых блоков, крылатых ракет большой дальности, способности стратегических подводных ракетносцев действовать в районах с особо сложными условиями навигации, снижающими возможность их поиска, обнаружения и уничтожения противолодочными силами другой стороны и т.п.

Совокупности подобных «жестов» (опирающихся прежде всего на реальные научно-технические результаты) создают в глазах профессионального наблюдателя полифоническую картину. Арсеналы средств, используемых для «стратегических жестов», включают и демонстрацию государством других технических возможностей, в том числе суперкомпьютеров, необходимых для надежного, высокоэффективного функционирования систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и систем контроля космического пространства (СККП), систем боевого управления СЯС и систем противоракетной обороны, а также для моделирования соответствующих процессов,

связанных с разработкой новых видов ядерных боеприпасов (что особенно важно при отсутствии их натурных испытаний). Новые виды ядерных боеприпасов (или модернизация уже имеющихся) требуются для успешного преодоления боевыми блоками противоракетной обороны другой стороны, что в современных условиях становится более чем актуальной проблемой для отечественных сил и средств ядерного сдерживания.

В период «холодной войны» неоднократно использовались (и далеко не всегда успешно) такие «стратегические жесты», как повышение степени боеготовности вооруженных сил (в том числе их ядерных компонентов), переброска сил стратегической и фронтовой (тактической) авиации, обладающей способностью нести ядерное оружие, перемещение отрядов надводных боевых кораблей (в том числе с ядерным оружием) и т.п.

Далеко не всегда просчитывались той или иной стороной последствия таких «жестов», но они осуществлялись исходя из намерения добиться определенного политического результата — либо предотвращения кризиса, либо завершения его на приемлемых условиях для той или другой стороны. (В ряде случаев и той и другой стороной допускались крупные, весьма опасные ошибки, о которых никогда не следует забывать ни государственному руководству, ни военному командованию⁷².)

Для обеспечения уверенного курса действий по предотвращению эскалационного доминирования необходимо, разумеется, обладать определенным набором современных сил и средств общего назначения, соответствующих обычных вооружений (с учетом всех имеющихся у нас «асимметрий» с тем или иным оппонентом, разнообразных политико-географических факторов, уровней стратегической и оперативной мобильности сторон и проч.). Без этого любая политико-военная конфронтация России с серьезным оппонентом может «перескочить» по лестнице эскалации сразу на ядерный уровень. Нельзя упускать из виду, что часто такие действия предпринимались (и предпринимаются) не только для того, чтобы воздействовать на воображение (а через

---

⁷² См.: СКБ-385 КБ машиностроения ГРЦ «КБ им. академика В.П. Макеева». С. 105.

него и на поведение) оппонента, но и для «внутреннего потребления». Последняя сторона вопроса многими политологами, а тем более военными специалистами явно недоучитывается, в том числе применительно к задачам кризисного управления.

***

В большинстве уравнений стратегической стабильности доминировали и доминируют стратегические ядерные вооружения межконтинентальной дальности (именно по этому критерию они и стали называться стратегическими). Средства тактического (и оперативно-тактического) назначения как бы выводились за скобки, хотя на деле подавляющая часть этих средств по разрушительной мощи своих боезарядов сопоставима с боезарядами, размещаемыми на стратегических носителях⁷³. Именно тактические (и оперативно-тактические) ядерные средства фигурировали долгое время в качестве главных инструментов потенциальной «ограниченной ядерной войны». Особенно это было характерно для такой разновидности тактического ядерного оружия, как «средства поля боя», наиболее значимым видом которых стали, по-видимому, ядерные боезаряды для ствольной артиллерии США и СССР (для гаубиц калибром 155 мм и 152 мм соответственно). Создание таких средств, их внедрение в различные виды вооруженных сил и рода войск сторон вполне обоснованно рассматривалось как путь к размыванию границы между ядерной и неядерной войной, как очень опасная тенденция⁷⁴.

По сравнению с 1960-ми и 1970-ми годами количество тактических (и оперативно-тактических) ядерных боеприпасов у всех официальных ядерных держав значительно сократилось. Однако они сохраняются в арсеналах и остаются в ряде случаев немаловажной составляющей совокупной боевой мощи сторон. Роль такого рода средств по-прежнему весьма неопределенна. Если вплоть до середины 1980-х годов тактическое ядерное оружие США и их союзников в Европе рассматривалось

---

⁷³ См.: Там же. С. 106.

⁷⁴ См.: Там же.

как средство компенсации имевшегося, по западным оценкам, дисбаланса сил и средств общего назначения в пользу СССР и его союзников по Организации Варшавского договора, то в настоящее время ситуация изменилась на противоположную. Значение тактического (и оперативно-тактического) ядерного оружия в обеспечении военной безопасности России и ее союзников явно возросло, хотя об этом и не очень принято говорить публично⁷⁵.

Роль такого рода средств весьма редко обсуждается и в других ядерных державах, в том числе в США, не говоря уже о КНР. Так, авторы ежегодника Стокгольмского международного института исследований проблем мира и Института мировой экономики и международных отношений РАН обращают внимание на то, что обзор структуры ядерных сил и средств США (один из основополагающих открытых американских документов в этой сфере) не охватывает нестратегическое ядерное оружие. Количество же такого рода ядерных боезарядов (развернутых) для США оценивается примерно в 500 единиц (из них около 100 единиц — это боезаряды (W80-0) для крылатых ракет большой дальности «Томагавк»; остальное — авиабомбы B61, развернутые на восьми авиабазах в шести государствах НАТО); еще 1155 боезарядов находятся в резерве⁷⁶.

Для тактического ядерного оружия традиционно использовались средства доставки двойного назначения — ударная фронтовая авиация, бомбардировщики средней дальности, артиллерия, ракеты «земля — земля» сухопутных войск, зенитные ракеты и истребители-перехватчики войск ПВО, морские ракеты и торпеды подводных лодок, надводных кораблей, самолеты палубной и базовой авиации ВМФ (ВМС)⁷⁷. В определен-

---

⁷⁵ См.: Ганин С.М., Карпенко А.В., Колмогоров В.В. Отечественные бомбардировщики (1945–2000). Ч. I. СПб.: Бастион, 2000. С. 160–161.

⁷⁶ См.: www.AirLaunch.LLC.com — 2006. July 27; http://www.air-attack.com/news/article/1954/c-17_performs-final-drop-in-Falcon-SL. 2006. Aug. 8.

⁷⁷ См.: Кардашев М. Оружие стратегической стабильности // Независимое военное обозрение. 2009. 27 марта. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2009-03-27/1_weapon.html

ные периоды число ядерных боезарядов тактического и оперативно-тактического назначения у СССР и США исчислялось десятками тысяч единиц.

***

Взаимодействие в ядерной сфере во многом опирается не только на «железо», но и на формулы и концепции ядерного сдерживания. В концепции ядерного сдерживания есть глубокое внутреннее противоречие. С одной стороны, она нацелена на то, чтобы снизить вероятность войны, сделав ее чудовищно разрушительной. Для этого государство должно обладать такими ядерными силами, которые позволят выполнить задачу гарантированного уничтожения противника, причинить ему невосполнимый ущерб даже в том случае, если данное государство первым подвергнется ядерному нападению. С другой стороны, для достижения сдерживающего эффекта угрозе применения ядерного оружия надо придать достоверный, убедительный характер. Для этого ядерную войну надо сделать менее разрушительной, но тем самым и более вероятной. Этот подход лежит в основе концепций ограничения ядерной войны — рамками театра военных действий (ТВД) или «правилами» ограниченного стратегического обмена. Чтобы придать достоверность возможности применения ядерного оружия, проходило наращивание «контрсилловых» вооружений стратегических ядерных сил (СЯС), а также развитие тактического (и оперативно-тактического) ядерного оружия. Иными словами, наряду с потенциалом ядерного возмездия целый ряд государств, как уже отмечалось выше, работали над развитием потенциала ведения реальных боевых действий, и начинали новый виток деятельности такого рода, как правило, США. Надо признать, что военно-стратегические, оперативные стимулы и научно-технические возможности по наращиванию такого потенциала практически неограниченны. Ограничения, вводимые сторонами ради обеспечения стратегической стабильности в общих интересах, являются прежде всего продуктом политических решений, но опирающихся на серьезную научно-техническую и оперативно-стратегическую экспертизу.

Ряд экспертов полагают, что в действительности никакого противоречия между двумя аспектами ядерного сдерживания нет: чем лучше страна подготовлена к войне, чем более широкий круг задач способны решать ее ядерные силы, тем эффективнее противник удерживается от нападения. Однако другая сторона неизбежно воспринимает меры по созданию потенциала ведения реальных боевых действий как свидетельство агрессивных намерений, как попытку выйти из тупика «взаимного гарантированного уничтожения», добившись возможности вести и выиграть ядерную войну. Очевидны значительные психологические проблемы (политико-психологические), связанные с признанием наличия ситуации «ядерного пата», основанного на презумпции «взаимного гарантированного уничтожения». Осознание этого произошло в СССР и США на рубеже 1960–1970-х годов⁷⁸.

Страх, на котором зиждется ядерное сдерживание, имеет как минимум две ипостаси: страх перед ядерным возмездием («страх-1») и страх перед возможностью поражения от другой стороны («страх-2»). «Страх-2» создает особенно опасную и дестабилизирующую атмосферу, если он вызван угрозой первого обезоруживающего удара другой стороны. Именно эта ипостась страха служит стимулом гонки вооружений, постоянно подстегивая качественное совершенствование потенциала ведения реальных боевых действий. Однако подобные шаги лишь укрепляют представление другой стороны о том, что она имеет дело с агрессором. Наконец, этот страх может сыграть роковую роль в случае опасного обострения кризисной ситуации, послужить стимулом к нанесению упреждающего удара.

Еще раз отметим, что устойчивость ситуации ядерного сдерживания тем выше, чем сильнее уверенность каждой из сторон в том, что противник не может нанести ей первый обезоруживающий удар и что она в любых условиях сможет осуществить возмездие. Подобная ситуация является следствием взаимной уязвимости и неуязвимости. Каждая из сторон крайне уязвима в том смысле, что огромная часть ее населения и

---

⁷⁸ См.: *Кардашев М.* Указ. соч.

промышленного потенциала может быть уничтожена противником. В то же время стратегические силы каждой из сторон обладают значительной степенью неуязвимости, гарантирующей возможность нанести ответный удар.

Таким образом, ситуация ядерного сдерживания представляет собой сложную комбинацию уязвимости — неуязвимости. Однако и этот баланс не является чем-то незыблемым, по мере развития контрсилового потенциала он может нарушиться. В современных условиях высока вероятность включения в контрсиловой потенциал высокоточных дальнобойных средств с неядерными боевыми частями. Такая тенденция наметилась еще в начале 1980-х годов, о чем, в частности, писал заместитель министра обороны СССР генерал армии В.М. Шабанов.

Глава 5

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И СРЕДСТВ ОБЩЕГО НАЗНАЧЕНИЯ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ

В 1980-е годы специалистами СССР и США, стран Организации Варшавского договора и НАТО активно обсуждались вопросы обеспечения стратегической стабильности применительно к обычным вооружениям и силам общего назначения в Европе¹. В этих дискуссиях определенную роль играли военачальники, специалисты не только из СССР и США, но и из таких стран, как Германия, Нидерланды, Польша, Венгрия и др. Немаловажное значение имели различные формулы «ненаступательной обороны» и «непровоцирующей обороны». В результате таких дискуссий отработывались не только формулы ограничения и сокращения обычных вооружений, но и новые доктринальные установки.

---

¹ Особое место в системе военно-политических отношений на европейском континенте в силу своего стратегически ключевого положения долгое время занимала Центральная Европа. Этот район обладает наиболее разветвленной и густой сетью путей сообщения, очень высокой плотностью населения и степенью сосредоточения промышленности. Поэтому, если бы военный конфликт возник в Центральной Европе, он бы легко мог распространиться на любой другой район континента, особенно учитывая дальность действия и поражающую способность размещенных здесь ядерных средств тактического и оперативно-тактического назначения. Именно применительно к этому ТВД рассматривались в первую очередь вопросы придания противостоящим группировкам ненаступательного характера.

Вопрос об ограничении наступательных возможностей сторон, об ограничении видов военной деятельности в мирное время, которая повышает способность ведения крупномасштабных боевых действий наступательного характера с применением сил и средств общего назначения, «обычных вооружений», в наше время остается весьма актуальным². При этом, конечно, необходимо во всей полноте учитывать новейшие тенденции в развитии военного искусства, возникающие под влиянием того, что именуется «революцией в военном деле»³. Кроме

---

² В связи с этим можно только приветствовать использование понятия «ненаступательная оборона» в определении базовых принципов развития режимов контроля над вооружениями, укрепления доверия, сдержанности и разумной достаточности в военном строительстве в российском продвинутом варианте элементов Договора о европейской безопасности, представленном министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым на рабочем завтраке Совета министров иностранных дел ОБСЕ 5 декабря 2008 г. (URL: <http://www.mid.ru/brp4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/4d65fb04bac5fb77c325751600475915?OpenDocument>).

³ Если говорить о наращивании боевых возможностей Российской Федерации, то прежде всего речь должна идти обо всем комплексе информационно-аналитических средств, объединенных в мощную, гибкую «суперсистему» (или «систему систем»), охватывающую все звенья управления. Управленческий компонент революции в военном деле часто упускается из виду как аналитиками, так и практическими руководителями. Между тем он приобретает особенно важное значение хотя бы в силу постоянно усложняющегося характера современного боя, операций и происходящих «парадигматических сдвигов» в формах и способах ведения боевых действий. Мы наблюдаем значительный рост числа компонентов вооруженных сил, усложнение боевых порядков, это требует все более тщательной отработки взаимодействия между указанными компонентами — по вертикали, по горизонтали, в различных матричных сочетаниях, их интегральности. Эта система должна иметь высокоинтегрированные средства разведки, наблюдения, связи, телекоммуникаций, навигации, ретрансляции, целеуказания, топогеодезии, обнаружения стартов баллистических ракет нового поколения, распознавания целей, контроля и др., боевые ударные комплексы, авиацию, средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ), обеспечивающие абсолютное превосходство на поле боя, хотя бы на сравнительно короткий промежуток времени. (В частности, давно назрела необходимость проведения инвентаризации сил и средств технической разведки (ГРУ, ВМФ, ВВС, СВ) с целью их последующей

того, следует учитывать и резко возросшую роль информационно-коммуникационных технологий, сетцентрических средств обеспечения боевых действий, новые возможности радиоэлектронной борьбы (РЭБ), роботизацию ударных и вспомогательных средств (яркий пример — возрастание роли беспилотных разведывательно-ударных комплексов, средств стратегической, оперативной и тактической мобильности и др.)⁴.

Все более заметную роль в обеспечении эффективных боевых действий играют суперЭВМ (электронно-вычислительные машины быстродействием свыше 1 терафлопа; 1 терафлоп — 1 трлн операций в секунду с плавающей запятой) и их сети, проигрываемые на них модели боевых действий, логистические модели, модели принятия решений (в том числе с использованием технологий «искусственного интеллекта») — как на оперативно-стратегическом, так и на политико-военном уровне.

Все это те средства, которые служат мощным множителем боевых возможностей. (Уже в ближайшие 3—5 лет речь пойдет об оснащении систем управления вооруженными силами наиболее развитых государств суперЭВМ петафлопного уровня; 1 петафлоп — это 1 тыс. трлн операций в секунду.)

РЭБ на наших глазах превратилась из вспомогательного, обеспечивающего средства в одно из основных боевых средств (данный факт, к сожалению, все еще недоучитывается в наших вооруженных силах). При этом РЭБ уже давно не сводится к радиоэлектронному подавлению (РЭП), а становится все более тонким инструментом противоборства и в мирное, и в военное время, требующим высокого интеллекта и профессионализма⁵.

интеграции и унификации, а также возможности сопряжения их со средствами РЭБ.) Эта задача, как учит мировой и отечественный опыт, исключительно актуальная, в частности, для разведслужб и отдельных компонентов той или иной разведслужбы. А между тем современная война — это во многом война разведок.

⁴ См. подробнее: *Кокошин А.А.* Инновационные вооруженные силы и революция в военном деле. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2009.

⁵ Радиоэлектронная борьба — это средство снижения реальной боевой эффективности оппонента, средство его дезориентации и дезинформации, фрагментации его системы управления. В результате РЭБ у

Радиоэлектронная борьба должна быть и составной частью «киберопераций». Наличие в системе боевого управления мощных ЭВМ с соответствующим программным обеспечением (и различными математическими моделями) становится все более важным фактором, гарантирующим упреждение в применении различных сил и средств, в сосредоточении и развертывании, в тыловом обеспечении, в обработке разнообразных разведанных (поступающих из самых разных источников, в том числе от спецслужб различной ведомственной принадлежности и из открытых источников), в целеуказании, в осуществлении функции контроля над обстановкой в целом, за деятельностью собственных соединений, частей и подразделений.

В ближайшее время можно ожидать сравнительно масштабного внедрения в системы боевого управления «малых супер-ЭВМ» (1–3 терафлоп), которые без специального инженерного обеспечения могут использоваться как «настольные средства» операторов различного уровня.

Все это направлено на достижение информационного превосходства, являющегося «альфой и омегой» современного военного искусства (которое во все большей мере приобретает черты высокоразвитой прикладной науки). В свою очередь, информационное превосходство является одним из важнейших условий для достижения господства в воздухе; последнее было определено как один из решающих факторов обеспечения успеха боевых действий еще в конце Первой мировой войны.

Ряд экспертов обоснованно пишут о том, что *операция* сохраняется как главная форма боевых действий. (Вспомним, что среди тех, кто впервые (в 1920-е годы) вводил понятие *оперативное искусство* (оператика), был выдающийся отечественный ученый и военачальник А.А. Свечин.) При этом «появля-

---

противника в конечном счете должна быть подавлена воля к сопротивлению, причем в строго определенные промежутки времени, необходимые для захвата и удержания инициативы — стратегической, оперативной, тактической. Именно подавление воли к сопротивлению является главной задачей боевых действий — вопреки все еще весьма распространенному мнению о первичности физического уничтожения живой силы и техники противника.

ется возможность всеобъемлющего воздействия на противника одновременно в воздушно-космическом пространстве, на суше и на море, а также в информационной сфере... на всю глубину территории противника (или оперативного построения его сил) с различных направлений»⁶.

Это предъявляет возрастающие требования к уровню оперативного искусства, возможности объединить для успеха операции самые разнородные компоненты. Одним из непременных условий успешной операции становится «логико-временное построение операции», четкое определение в ней «логической последовательности этапов, выстроенных по степени и важности»⁷.

Еще раз следует обратить внимание на сокращение сроков боевых операций и вытекающие отсюда требования ко всем компонентам военной машины и к политико-военному руководству страны. Как уже неоднократно отмечалось автором и рядом других отечественных специалистов, происходит усиление степени централизации в обработке необходимых данных, в возможностях командования (вплоть до высшего государственного руководства) контролировать действия своих сил вплоть до низового тактического звена. Одновременно возрастает значение такого фактора, как высокая степень самостоятельности нижестоящих командиров при выборе и способов действий, и средств, которые традиционно были вне компетенции не только, например, командира батальона, но даже командования бригады или дивизии (удары фронтовой истребительно-бомбардировочной авиации, крылатых ракет большой дальности, запускаемых с тяжелых бомбардировщиков, многоцелевых подводных лодок, надводных кораблей и т.п.).

В США в последние годы большой популярностью среди профессионалов пользуется концепция «операции на основе эффектов» (ООЭ), которые должны проводиться объединен-

---

⁶ *Балахонцев Н., Медин А.* Развитие форм и способов ведения военных действий в начале XXI века // Зарубежное военное обозрение. 2003. № 4. С. 25–26.

⁷ Там же.

ными группировками войск. Использование высокоэффективных информационных технологий для ускорения циклов разведки, адекватного проецирования сил на удаленный театр войны, сокращения времени переброски войск, планирования операций и нанесения высокоточных ударов огневыми и иными средствами воздействия во многом изменяет характер современной операции. А «эффективность ударов и операции в целом измеряются не объемами разрушений, а результативностью воздействия на противостоящую сторону; при этом это воздействие не должно приводить к побочным жертвам среди гражданского населения и поражению инфраструктуры его жизнеобеспечения»⁸.

Высокая результативность действий в соответствии с концепцией ООЭ достигается прежде всего благодаря следующим компонентам: опережающим противника циклам разведки; адекватностью разведывательных данных об обстановке реальному состоянию боевого пространства ТВД; проведением массированных информационных операций (сетевых операций, психологических операций) и применением сил специального назначения (команд спецназа) для вывода из строя объектов критической инфраструктуры; избирательным ударам высокоточного оружия.

Надлежащее использование всех этих компонентов должно «привести к дезорганизации либо дезориентации действий военно-политического руководства, подавлению его воли, а также принятию ошибочных или желаемых решений командными звеньями различного ранга силовых структур противника»⁹.

Как отмечает видный отечественный эксперт по системам боевого управления С.А. Паршин, «что ранее отсутствовало в системе планирования и что активно разрабатывается в настоящее время в ВС США и НАТО — это средства автоматизации разработки и оценки планов, которые связывают цели с

---

⁸ См.: *Паршин С.А.* Современные тенденции в теории и практике совершенствования управления вооруженными силами США. М.: URSS, 2009. С. 15.

⁹ Там же. С. 16.

эффектами (включая прямые, косвенные физические эффекты, психологические эффекты и механизмы, с помощью которых эти эффекты достигаются)¹⁰.

При этом считается, что «операции на основе эффектов» осуществимы при любом типе операций по всей шкале вариантов применения вооруженной силы — от операций по оказанию гуманитарной помощи до полномасштабной войны на ТВД. В ходе операций может использоваться оружие как летального, так и нелетального воздействия.

Сегодня все более преобладающим принципом ведения боевых действий, как показывает детальное изучение среднесрочных, долгосрочных и сверхдолгосрочных тенденций в развитии военного дела, становится мобильность (стратегическая, оперативная, тактическая).

Мобильность в реальных действиях вооруженных сил разных государств — это *более важный фактор, чем сосредоточение сил на направлении главного удара, а в ряде случаев даже заменяет последнее*¹¹.

Мобильность в сочетании с единым информационным полем (и соответствующей системой оперативной и боевой подготовки, оснащением бойцов и боевых групп) позволяет вести *многоочаговые боевые действия в диспергированных (разреженных) боевых порядках*¹², *расфокусируя внимание противника.*

Значительно возросла «объемность» («трехмерность») боев и операций — за счет роли воздушных средств поражения (включая разведывательно-ударные беспилотные аппараты (БЛА)),

---

¹⁰ Паршин С.А. Указ. соч. С. 17–18.

¹¹ Значение фактора мобильности сил в тактическом и оперативном масштабах подчеркивалось в советских разработках по теории «глубокого боя» и «глубокой операции» соответственно в 1920–1930-е годы. Мобильность со ставкой на танковые и моторизованные части и соединения при исключительно плотной поддержке их авиацией (особенно пикирующими бомбардировщиками) была предметом особого внимания в вермахте нацистской Германии.

¹² Тенденцию к разрежению боевых порядков в свое время особо выделил Альфред фон Шлиффен, длительное время возглавлявший германский Генеральный штаб (в конце XIX — начале XX в.).

воздушных и космических средств разведки, целеуказания, связи, использования вертолетов и самолетов для переброски различных подразделений, частей и т.п. и десантирования¹³.

Для нашей страны с ее необъятными просторами, разнообразием условий ведения боевых действий и задач для вооруженных сил все виды мобильности имеют особое, чрезвычайное значение, не до конца осознанное даже в нашем экспертном сообществе. В современной войне без сплошных линий фронта, с многоочаговостью боевых действий возрастает удельный вес сил и средств для проведения спецопераций, которые берут на себя ряд задач, прежде возлагавшихся на сухопутные силы.

Как справедливо отмечают отечественные военные специалисты И.Н. Воробьев и В.А. Киселев, мобильность в современных условиях «проявилась в создании в короткие сроки стратегических группировок на удаленных театрах военных действий путем переброски на тысячекилометровые расстояния войск и вооружений по воздуху и морем; в возможности создавать превосходство на земле, в воздухе и космосе; контролировать действия противника в этих сферах, диктовать ему свою волю»¹⁴.

Очевидно, что в полном масштабе такими возможностями на обозримую перспективу обладают лишь вооруженные силы США. Во многом их возможности по мобильности определяются *господством на море* и *господством в воздухе*, в районах, где происходит сосредоточение и развертывание соответствующих группировок. Даже наиболее развитые страны из числа союзников США (в том числе имеющие ВВП, в несколько раз превосходящий ВВП РФ) далеко отстают от США по возможностям обеспечить стратегическую и оперативную мобильность (имея в ряде сегментов высокие показатели по тактической мобильности).

Весьма существенно уступают Соединенным Штатам в потенциальной мобильности и два реальных кандидата на роль

---

¹³ В послевоенный период можно отметить весьма значимые попытки разработать теорию «объемной операции», предпринятые в 1970-е годы в Военной академии Генерального штаба ВС СССР.

¹⁴ Воробьев И.Н., Киселев В.А. О концепции инновационного развития Вооруженных сил // Военная мысль. 2009. № 9. С. 42.

новых сверхдержав XXI в. — КНР и Индия, причем даже в масштабах тех регионов, где они претендуют на ведущую политическую роль.

Практически все союзники США в очень высокой степени зависят в обеспечении их стратегической мобильности от Соединенных Штатов.

В то же время и возможности вооруженных сил США по всем трем видам мобильности не безграничны. Стратегическая и оперативная мобильность часто зависят от политических факторов и обстоятельств, либо обеспечивающих условия для реализации военных возможностей по мобильности, либо препятствующих этому. Недавний пример — политическая позиция одного из, казалось бы, наиболее лояльных американских союзников по НАТО — Турции, воспрепятствовавшая своевременному прибытию в Ирак довольно крупного контингента американской группировки в ходе американо-английской агрессии против Ирака в 2003 г.

С учетом качественно нового этапа развития средств воздушно-космического нападения, которые потенциально могут быть использованы против нашей страны, приобретает особую значимость разработка новых подходов в отношении систем и средств ПВО, ПРО, противокосмической обороны (ПКО) на всех уровнях — стратегическом, оперативном, тактическом, *с постановкой для них реалистических задач применительно к конкретным театрам, видам и типам боевых действий, различным вариантам обострения политико-военной обстановки*¹⁵. Здесь опять-таки же все более важную роль должны играть средства РЭБ.

В прошлом развивавшиеся в СССР в весьма значительных масштабах средства и силы стратегической ПВО (а также в меньших масштабах ПКО и ПРО) преимущественно носили позиционный характер, с минимальными возможностями в плане мобильности. Сегодня России необходимо развивать все

---

¹⁵ В этой сфере, как и в других, весьма контрпродуктивна постановка завышенных, нереалистических задач, которая приводит к тому, что оперативная и боевая подготовка для командного состава носит «декоративный» характер.

эти средства, обеспечивая их мобильность не только в тактическом, но и в оперативном и стратегическом масштабах. Именно с учетом данной задачи должны формулироваться новые тактико-технические требования (задания) по разработке новых компонентов и по модернизации имеющихся. Все более важную роль в этом направлении будут играть средства мобильности, способные в короткие сроки перебросить на большие расстояния, в частности, зенитно-ракетные комплексы (речь идет в том числе о тяжелых транспортных самолетах, подобных Ан-124, и соответствующей аэродромной и информационной инфраструктуре).

В целом нужно констатировать, что в современных условиях параметры оценки баланса сил, условий обеспечения стратегической стабильности в сфере сил и средств общего назначения стали значительно более сложными, многоплановыми, многомерными. Сегодня оценка реальной боевой мощи сторон, баланса сил, условий обеспечения стратстабильности в еще меньшей степени, чем в недавнем прошлом, может опираться на подсчет числа самолетов ударной авиации, количества танков и других боевых бронированных машин (ББМ), числа стволов артиллерии, вертолетов и т.п. При этом вся новейшая техника, как и в прошлые революции в военном деле (РВД), соседствует с традиционной, свойственной «дореволюционному периоду», но с существенным добавлением современных технологий (танки и другие ББМ, авианосцы). Некоторые боевые платформы находят себе новое применение. Безусловно, все это должно найти отражение в новых положениях военной доктрины Российской Федерации, в боевых уставах и наставлениях, в уточненных программах и планах развития вооружений и военной техники в нашей стране.

Одной из важнейших характеристик ядерного оружия изначально была его *неизбирательность*. Если говорить о технической стороне вопроса, то следует отметить, что его развитие за все десятилетия после Второй мировой войны характеризуется стремлением уйти от этой неизбирательности. В данном направлении развивались (и развиваются) все виды ядерных боеприпасов и средств доставки — и тактических, и

оперативно-тактических, и стратегических; основной тенденцией стало уменьшение мощности боезарядов и повышение их точности, в том числе ради поражения высокозащищенных объектов без какого-либо значительного «побочного эффекта». Одновременно разрабатывались различные концепции ограниченной ядерной войны, «управляемых ядерных конфликтов». Стремлением уйти от такой неизбирательности можно в значительной мере объяснить «постъядерную» РВД.

Все более важным компонентом этой «постъядерной» РВД становится бурное развитие многообразных видов оружия нелетального действия, которое применяется в самых различных невоенных действиях вооруженных сил (и других силовых структур). Нелетальное оружие имеет значительный потенциал применения и в ходе военных действий (против некомбатантов в тех или иных ситуациях, ведущих боевые действия войск), когда возникает угроза дестабилизации тыла теми или иными организациями, без применения боевого оружия.

Прорывные достижения в информационных технологиях дали возможность обнаруживать противника и избирательно уничтожать его высокоточным оружием с неядерными боеприпасами. При этом боевые платформы — корабли и самолеты — могут находиться за сотни и даже тысячи километров от «поля боя». Для совокупности параметров современной РВД в значительной мере характерен именно возврат к избирательности применения сил и средств — это, безусловно, не означает полной нейтрализации того, что на Западе называют *сопутствующим ущербом*. Еще одной чертой современной РВД является стремление максимально защитить свои войска, снизить собственные потери.

За всем этим стоит гигантский многослойный и многомерный комплекс средств обеспечения — разведка, целеуказание, обработка данных в режиме реального времени, навигация, — объединенных в сложнейшие технические и человеко-машинные системы. Современный командующий, командир, оператор должен как следует разбираться в этих комплексах, знать их возможности и слабые места. Революция в военном деле предъявляет свои требования как к организации воору-

женных сил внутри отдельных видов и родов войск, так и к их межвидовой структуре. Интегральность, «объединенность» сил и средств во всех звеньях стали одним из важнейших условий успеха; сейчас усилилась тенденция в пользу обеспечения такой интегральности на тактическом (бригадном, батальонном) уровне.

Глава 6

О СИСТЕМЕ НЕЯДЕРНОГО (ПРЕДЪЯДЕРНОГО) СДЕРЖИВАНИЯ В ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Настоящая глава, посвященная проблеме неядерного (предъядерного) сдерживания, имеет сравнительно давнюю предысторию. Она представляет собой лишь «вершину айсберга» среди раблт по данной проблематике, в которой тесно переплелись политико-военные, военно-стратегические и научно-технические вопросы. Эту тему автор и его коллеги не раз в тех или иных вариантах рассматривали в 1990-е годы в Министерстве обороны РФ совместно с рядом видных деятелей отечественного оборонно-промышленного комплекса. Она звучала и при разработке аппаратом Совета Безопасности РФ в 1998 г. документов по ядерной политике Российской Федерации, в которой принимали участие видные ученые из Российской академии наук (во главе с вице-президентом РАН академиком Н.П. Лаверовым), институтов Минатома РФ, Генштаба Вооруженных сил РФ и других подразделений Минобороны РФ.

Тема неядерного (предъядерного) сдерживания затрагивалась при рассмотрении роли высокоточного дальнобойного оружия в неядерном оснащении различными отечественными специалистами, военачальниками.

В дальнейшем автору не раз приходилось публично выступать на эту тему в отечественных СМИ. Она нашла свое отражение и в его научных публикациях, в том числе тех, которые затем частично появились в наших электронных СМИ¹.

---

¹ См., например: *Кокосин А.А.* О системе «предъядерного сдерживания» в оборонной политике России. URL: <http://kokoshin.viperson.ru/wind>.

Автор выражает искреннюю признательность за участие в обсуждении этой темы в ее разных ракурсах, за важные замечания, соображения, рекомендации целому ряду своих коллег: Ю.Н. Балувескому, В.А. Веселову, В.П. Володину, Н.Н. Ефимову, А.В. Лиссу, В.Я. Потапову, П.П. Скороспелову, Е.А. Федосову, В.Е. Фортову и др.

* * *

В последнее десятилетие в России ядерному оружию оправданно придавалось особое оборонное и политическое значение... В этом полностью отдавали себе отчет те, кто занимался и занимается проблемами обеспечения обороноспособности и национальной безопасности нашей страны.

Одной из важных вех в развитии ядерной политики России было принятие в 1990-х годах ряда решений в этой области, в том числе Советом Безопасности РФ в июне 1998 г. Данные документы, в частности, предусматривали сохранение трехкомпонентной структуры стратегических ядерных сил, нестратегического ядерного оружия (оружия тактического и оперативно-тактического назначения), развитие ядерного оружейного комплекса России и др.² Эти решения во многом сохраняют свою значимость и в настоящее время.

Альтернативы ядерному сдерживанию в системе международных отношений нет, однако к нему нельзя относиться как к чему-то неизменному, данному. В этой сфере происходят динамичные изменения, которые необходимо не просто учитывать, но и осуществлять нам самим, опираясь на собственный и зарубежный опыт, на новейшие тенденции в развитии военного дела, в средствах ведения вооруженной борьбы. Весь комплекс сил и средств, обеспечивающих надежное ядерное сдерживание для России, должен постоянно развиваться, совершенствоваться — как в техническом, так и в военно-стратегическом, оперативном и тактическом плане. Требуют своего развития и

---

² См.: *Кокошин А.А.* Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: РОССПЭН, 2003.

политико-военные доктринальные установки, связанные с ролью ядерных сил и средств, как стратегических, так и нестратегических.

Одной из важнейших тенденций 1990-х годов, нашедших отражение в нынешней военной доктрине России, было фактически «понижение порога» при применении ядерного оружия в случае крупной военной угрозы России, ее жизненно важным интересам. В утвержденных Президентом Российской Федерации в марте 1999 г. «Основных положениях политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» отмечалось, что применение ядерного оружия допускается только в качестве крайней меры пресечения критических угроз национальной безопасности России и ее союзников, когда все иные меры не смогли этой угрозы устранить. При этом говорилось, что ядерное оружие может быть применено в случае вторжения на территорию РФ или другого нападения на Российскую Федерацию, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении взаимной безопасности (без оговорок, с применением или без применения ядерного оружия). Иначе говоря, спектр ситуаций, когда может быть применено ядерное оружие, в 1990-е годы в политике РФ стал выглядеть по-иному, нежели в ядерной политике СССР, провозгласившего в свое время политику неприменения первым ядерного оружия.

В Военной доктрине Российской Федерации 2010 г., как отмечается рядом российских специалистов, порог применения ядерного оружия был несколько поднят, хотя официально он остается ниже того порога, который был официально объявлен при существовании СССР. В этом документе говорится: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» (ст. 22)³.

---

³ Военная доктрина Российской Федерации. Утв. 5 февраля 2010 г. URL: <http://news.kremlin.ru/> (дата обращения: 25.10.2012; 08.11.2012).

Установление такого «ядерного порога» в российской военной доктрине во многом было обусловлено слабостью сил общего назначения России в условиях нарастания политико-военной неопределенности в мире, явного увеличения роли военной составляющей национальной безопасности. Предстоят еще годы и годы наращивания закупок вооружений и военной техники, совершенствования системы управления во всех ее звеньях, интенсивной оперативной и боевой подготовки и т.п. для того, чтобы отечественные силы общего назначения вышли на тот уровень, которого требуют интересы национальной безопасности России.

Многие специалисты и политические деятели обоснованно подвергают сомнению однозначность ценности «понижения ядерного порога», особенно применительно к ситуации, когда нам противостоят соизмеримые по своему ядерному потенциалу «оппоненты». Отмечается, что в результате все менее убедительной может стать угроза применения ядерных средств, пусть даже сугубо выборочным порядком, не по реальным целям, а где-нибудь в пустыне, лишь для «демонстрации решимости» к их применению и т.п.

Уже несколько десятилетий одним из «краеугольных камней» обеспечения стратегической стабильности является наличие способности подвергшейся нападению стороны в ответном ударе нанести нападающему «неприемлемый ущерб». Ряд отечественных и зарубежных специалистов справедливо обращают внимание на то, что научная оценка масштабов неприемлемого ущерба отсутствует⁴. Но это не означает, что не надо стремиться к выявлению на научной основе по крайней мере рамочных параметров «неприемлемого ущерба»; это, безусловно, междисциплинарная комплексная задача, требующая серьезнейшей работы ученых разного профиля.

В Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом России 5 февраля 2010 г., используется, по

---

⁴ См., например: *Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Пикаев А.А., Ознобищев С.К.* Стратегическая стабильность после холодной войны. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 24. URL: <http://www.imemo.ru/publ/2010/> (дата обращения: 31.10.2012).

нашему мнению, более адекватный термин «заданный ущерб агрессору в любых условиях обстановки» (п. (в) ст. 27)⁵.

В реальном планировании боевого применения СЯС и других ядерных сил и средств в любой ядерной стране придется определять число боевых блоков, доставляемых до целей, прежде всего с учетом их мощности в тротиловом эквиваленте. При этом в ряде случаев немаловажную роль призваны играть и ряд других поражающих факторов ядерного взрыва (ПФЯВ), вторичные и даже третичные последствия применения ядерного оружия. Так что на практике вопрос о «неприемлемом ущербе» как об одном из важнейших показателей эффективности всего комплекса сил и средств ядерного сдерживания всегда стоит перед государственным руководством и высшим военным командованием ядерного государства.

Очевидно, что такое планирование должно быть достаточно гибким, чтобы у государственного руководства заранее были варианты действий в зависимости от обстановки в той или иной кризисной ситуации. Необходимо также постоянно иметь в виду восприятие государственным руководством и высшим военным командованием «оппонента», степени «неприемлемости» от применения другой стороной ядерного оружия. Этот вопрос в значительной мере лежит в плоскости политической групповой и индивидуальной, личностной психологии⁶ и является весьма сложно идентифицируемым параметром. То же самое в полной мере относится и к проблеме неядерного сдерживания. Данная тема и с политико-военной, и с военно-стратегической точек зрения требует углубленной междисциплинарной проработки.

В ходе обсуждения итогов и уроков Карибского кризиса в октябре 2012 г. в Гарвардском университете ряд участников отмечали, что если бы на месте Дж.Ф. Кеннеди в октябре 1962 г. был Л.Б. Джонсон, то кризис мог бы быть еще более острым и

---

⁵ Военная доктрина Российской Федерации. Утв. 5 февраля 2010 г.

⁶ См. подробнее: *Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А.* Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания. URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents> (дата обращения: 31.10.2012).

опасным, с большей вероятностью применения Вашингтоном ядерного оружия.

Проблема политико-психологической убедительности сдерживания при понижении «ядерного порога» во взаимоотношениях как с ядерными, так и безъядерными государствами требует рассмотрения и других дополнительных мер по повышению убедительности сдерживания и соответственно его эффективности.

Такие меры связаны в том числе с развитием и возможным применением высокоточного дальнобойного оружия различных видов и типов с обычными боеприпасами, включая боеприпасы повышенного могущества. Речь может идти и о головных частях ракет с оружием на новых физических принципах⁷. Работы в этих областях десятилетиями ведутся и в нашей стране, и в США, да и в других государствах, на эту тему имеются публикации и в открытой печати⁸. В частности, следует рассмотреть вопрос об использовании взрывных магнитно-динамических генераторов (ВМГ). При этом могут прежде всего использоваться такие платформы, как подводные и надводные боевые корабли, а также дальняя бомбардировочная авиация (в наземном компоненте мы ограничены условиями Договора по РСМД). Применительно к дальней авиации еще длительное время при должной модернизации и применении высокоточных ракет повышенной дальности могут эффективно использоваться такие платформы, как Ту-95МС и Ту-160.

Сейчас в Российской Федерации активно обсуждается вопрос о создании Перспективного авиационного комплекса дальней авиации (ПАК ДА)⁹. Этот вопрос необходимо решать с

---

⁷ Еще в 1950-е годы А.Д. Сахаров предложил принцип устройства неядерной электромагнитной бомбы, использующей электромагнитный импульс (ЭМИ), образующийся за счет сжатия магнитного поля соленоида взрывом химического взрывчатого вещества. См.: *Век лучевого оружия и сверхмощных энергий // Воздушно-космическая оборона*. 2011. № 1. См.: URL: <http://www.vko.ru> (дата обращения: 29.10.2012).

⁸ См., например: *Взрывные генераторы мощных импульсов электрического тока / под ред. В.Е. Фортова*. 2-е изд. М.: Наука, 2012.

⁹ См., например: *Фролов А.* Новый бомбардировщик для дальней авиации // *Армейский вестник*. 28.08.2012 [Электронный ресурс]. URL:

учетом задачи неядерного (предъядерного) сдерживания. Новый бомбардировщик должен обладать способностью нести достаточно большое число высокоточных ракет большой дальности.

Еще в начале 1980-х годов ряд отечественных и зарубежных специалистов отмечали, что обычные боеприпасы благодаря одновременному повышению точности и мощности приближаются к ядерному оружию малой мощности. (В нашей стране на это обратил внимание такой высокоавторитетный военный деятель и технический специалист, как генерал армии В.М. Шабанов¹⁰.)

С повышением точности наведения, которая постоянно возрастает в последние 15–20 лет, возможности боеприпасов в обычном снаряжении для поражения широкого спектра военных и экономических целей увеличиваются. При этом применение обычных боеприпасов даже самой большой мощности не сопровождается эффектами, которые неизбежно присутствуют при использовании любых видов ядерных боеприпасов, даже боеприпасов субкилотонной мощности («мини-ньюков», как их называют в США), — проникающей радиацией, радиоактивным заражением почвы, воды и др.

Некоторые отечественные и зарубежные авторы в связи с этим говорят о возможности постепенного замещения ядерного сдерживания неядерным¹¹.

В публикациях и дискуссиях специалистов значительное место занимает вопрос о гипотетическом поражении российских СЯС американским высокоточным дальнебойным оружием в обычном снаряжении, в чем у США имеется огромное

<http://army-news.ru/2012/08/> (дата обращения: 8.11.2012); Бомбардировщик будущего. 29.09.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://gunm.ru> (дата обращения: 10.11.2012).

¹⁰ См. подробнее: *Кокошин А.А.* В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: Политиздат, 1989.

¹¹ См., например: *Мясников Е.* Стратегическое ядерное оружие в неядерном оснащении и его влияние на роль ядерных вооружений. 20.09.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armscontrol.ru/pubs> (дата обращения: 29.10.2012).

превосходство. Заслуживает внимания анализ данного вопроса, проведенный А. Храмчихиным¹². Храмчихин делает заключение, что «обезоруживающий ядерный удар по нашим СЯС возможен, но чисто теоретически. Он сопровождается таким количеством рисков и неопределенностей, что пренебречь им в Вашингтоне могли бы лишь в том случае, если бы отношения с Россией дошли почти до состояния войны»¹³. А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин, Л.А. Пикаев и С.К. Ознобищев справедливо отмечают исключительно сложный характер планирования одномоментного поражения российских СЯС неядерным высокоточным оружием, а тем более подготовки к нанесению таких ударов¹⁴.

Совершенствование средств обнаружения (и поражения) применительно к высокоточным крылатым ракетами большой дальности (и к их платформам) может сделать такой удар еще менее вероятным.

В целом, несмотря на особую сложность нанесения обезоруживающего удара по российским СЯС с использованием высокоточного дальнобойного оружия США в неядерном снаряжении, эту тему необходимо постоянно иметь в виду, оценивая появляющиеся новые технологические и оперативные возможности, поведение оппонента в условиях того или иного обострения обстановки и проч.

В последние годы внимание и специалистов и неспециалистов привлекла отрабатываемая в США формула «быстрого глобального удара» — либо с использованием баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) в неядерном оснащении, либо с применением перспективных гиперзвуковых средств¹⁵.

---

¹² *Храмчихин А.* Удар по России: миф или реальность? // Национальная оборона. 2012. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oborona.ru> (дата обращения: 29.10.2012).

¹³ Там же.

¹⁴ *Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Пикаев А.А., Ознобищев С.К.* Указ. соч. С. 24.

¹⁵ См., например: *Маглинов Н.* Упредить быстрый глобальный удар. Инновации для воздушно-космической обороны // ВПК-ньюс. 03.10.2012. № 39 (456) [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/12645>

Автор не склонен к тому, чтобы увидеть где-то даже в отдаленном будущем адекватную замену ядерному оружию со всеми поражающими факторами ядерного взрыва (ПФЯВ) как средству сдерживания от агрессии (или даже от агрессивного политико-военного поведения в условиях острого международного кризиса). Причем в военной сфере, когда говорится о сдерживании, речь, конечно, идет о «сдерживании посредством устрашения». Любой реалистический взгляд на политико-военные аспекты мирополитического процесса предполагает, что сдерживание посредством устрашения является одним из важнейших (если не важнейшим) факторов предотвращения агрессии. И многие российские деятели, аналитики, имеющие дело с проблемами национальной и международной безопасности, еще в 1990-е годы применительно к интересам России и поведению других государств (прежде всего США) сделали вполне однозначные выводы. Так, Е. Мясников, обратившись к одной из работ автора¹⁶, фокусирует внимание на том, что автор выступает именно за дополнение ядерного сдерживания неядерным, а не замену ядерного сдерживания неядерным¹⁷.

Представляется, что убедительная угроза применения высокоточного дальнобойного носителя с боезарядом в обычном оснащении могла бы стать основой системы неядерного (предъядерного) сдерживания, дополняющей систему ядерного сдерживания. Потенциальный агрессор должен при этом иметь в виду, что он может рассчитывать на нанесение удара не только

(дата обращения: 31.10.2012); Advanced Hypersonic Weapon (AHW), United States of America [Электронный ресурс]. URL: <http://www.army-technology.com/projects/advanced-hypersonic-weapon-ahw/> (дата обращения: 07.10.2012); Разработка в США гиперзвуковых средств быстрого глобального удара. Военный паритет [Электронный ресурс]. URL: http://www.militaryparitet.com/pege-vodnie/data/ic_perevodnie/2733/ (дата обращения: 07.10.2012); U.S. Faces Choice on New Weapons for Fast Strikes. The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/2010/04/23/world/europe/23strikes.html/> (дата обращения: 08.11.2012).

¹⁶ См.: *Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке*. М.: Медиа-Пресс, 2003.

¹⁷ См.: *Мясников Е. Указ. соч.*

по его силам и средствам, непосредственно развернутым и задействованным против России, но и по ряду других объектов.

Вопросы неядерного (предъядерного) сдерживания автору довелось рассматривать с рядом своих коллег по Министерству обороны РФ, Совету обороны РФ и Совету Безопасности РФ, с учеными и экспертами из оборонно-промышленного комплекса РФ и Российской академии наук, как отмечалось выше, еще в 1990-е годы. Разработка и реализация автором концепции неядерного (предъядерного) сдерживания в то время получила поддержку от начальников Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерала армии В.П. Дубынина и генерала армии М.П. Колесникова, адмирала В.В. Гришанова, генерал-полковника В.П. Миронова, а также от Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова, имевшего устойчивые взгляды на роль ядерного оружия и на происходящую революцию в военном деле.

Эта работа велась в тесной увязке с нашей совместной с отечественным ОПК деятельностью по развитию высокоточного дальнобойного оружия в неядерном вооружении. Это оружие было создано огромными усилиями и в последующий период стало поступать на вооружение наших Вооруженных сил. Имеются в виду, в частности, такие уже довольно хорошо известные комплексы, как Х-555 (глубокая модернизация Х-55) воздушного базирования и особенно крылатая ракета «воздух-поверхность» Х-101, которую характеризует (по оценке первого заместителя министра обороны РФ А.П. Сухорукова) повышенная дальность¹⁸. Речь шла и о развитии крылатых ракет большой дальности для многоцелевых атомных подводных лодок с пониженным уровнем шумности (этим особенно плодотворно занимались в свое время заместитель Главкома ВМФ В.В. Гришанов и вице-адмирал М.К. Барсков)¹⁹.

---

¹⁸ Применительно к КРВБ Х-101 в некоторых отечественных источниках говорится о дальности от 4500 до 5500 км. См.: Новая ракета для стратегических бомбардировщиков [Электронный ресурс]. URL: <http://topwar.ru> (дата обращения: 20.10.2012); Х-101 / Х-102 [Электронный ресурс]. URL: <http://militaryrussia.ru> (дата обращения: 25.10.2012).

¹⁹ В СМИ сообщалось об успешном испытании в августе 2012 г. сверхзвуковой высокоточной крылатой ракеты «Калибр» на многоцеле-

Использование в определенных целях высокоточного дальнобойного оружия должно быть соответствующим образом «обставлено» политически — как акт «последнего предупреждения» в ходе военных действий перед селективным применением сравнительно маломощных ядерных боеприпасов. Это должно быть концептуально оформлено в Военной доктрине России и в оперативных документах Генерального штаба и соответствующих видов Вооруженных сил РФ. При применении такого оружия речь должна идти прежде всего об объектах высокой ценности — с точки зрения не столько денежного исчисления, сколько важности для обеспечения национальной безопасности, в том числе для ведения боевых действий. К таким объектам, в частности, относятся наземные центры радиоэлектронной разведки, крупные корабли аналогичного назначения, узлы связи, управления. Такие объекты, как правило, сравнительно удалены от густонаселенных районов, и их поражение не повлечет за собой многочисленные жертвы, как прямые, так и «сопутствующие». На более высоких стадиях эскалации, все еще в рамках «предъядерной» стадии, речь могла бы идти и об аналогичных объектах гражданской инфраструктуры, причем сравнительно удаленных от крупных городских агломераций в целях минимизации потерь для мирного населения, но позволяющих нанести агрессору ощутимый экономический ущерб, например, об электростанциях (кроме атомных электростанций), обеспечивающих энергией мегаполисы.

Уже несколько лет назад в соответствии с новой ядерной доктриной США, о содержании которой стало известно еще в 2002 г. после направления в конгресс соответствующего доклада Пентагона, было провозглашено создание «новой триады»: «старая триада» (межконтинентальные баллистические ракеты, атомные подводные лодки с баллистическими ракетами и тяжелые бомбардировщики с бомбами, крылатыми ракетами и

вой атомной подводной лодке «Северодвинск» проекта 885 (типа «Ясень»). Ракета «Калибр», по этим сообщениям, имеет дальность до 2500 км и способна нести либо обычную, либо ядерную боевую часть. См.: «Длинная рука» для «Северодвинска» [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/news/2106> (дата обращения: 11.11.2012).

аэробалистическими ракетами) вместе с высокоточным обычным оружием образуют «наступательную составляющую», ПРО — «оборонительную», а третьим элементом станет инфраструктура, обеспечивающая боевые действия. Все три элемента новой триады «завязываются» широким, многомерным комплексом информационно-коммуникационных разведывательных средств. При этом следует учитывать и довольно обширную и основательную критику формулы «новой стратегической триады» со стороны ряда авторитетных зарубежных специалистов²⁰.

Развивая систему неядерного сдерживания, мы должны иметь в виду, что она в еще большей мере, чем система ядерного сдерживания, зависит от развития соответствующей информационной инфраструктуры — высоко интегрированных средств разведки, целеуказания, навигации (включая космическую навигацию ретрансляции, топогеодезии и др.)²¹. Значительная часть данной инфраструктуры — средства двойного назначения. Огромные усилия в этой сфере предпринимать в любом случае необходимо, причем сразу по многим направлениям, опираясь на глубокую системно-аналитическую прора-

---

²⁰ Из исследований и разработок по проблеме «новой стратегической триады» заслуживают внимания: US National Security Strategy and the New Strategic Triad. Institute for Foreign Policy Analysis. 2012. April. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fpa.org> (дата обращения: 02.11.2012); Independent Working Group Co-Chairmen: Pfaltzgraff R.I. Jr., Van Cleave W.R. Owrns C.G. The Promise and Peril of the New Strategic Triad. U.S. Army War College. Pennsylvania, Carlisle Barracks, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dtic.mil/cgibin/GetTRDoc?AD=ADA414262> (дата обращения: 04.11.2012); *Gruselle B.* The New Triad, Disarmament and Strategic Stability, Fondation pour la Recherche Stratégique. Paris, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jhuapl.edu/ouraork/nsa/triad/TheNewTriad.pdf> (дата обращения: 04.11.2012); *Frankel M.J., Scouras J., Illrich G.W.* The New Triad — Diffusion, Illusion, and Confusion in the Nuclear Mission. The Johns Hopkins University. National Security Analysis Department. Applied Physics Laboratory. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jhuapl.edu/ouraork/nsa/triad/TheNewTriad.pdf> (дата обращения: 05.11.2012).

²¹ См.: *Кокوشин А.А.* Инновационные вооруженные силы и революция в военном деле. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 8–9.

ботку с решением вопросов развития большого числа отечественных наукоемких производств, с созданием десятков, если не сотен, новых заводов, обеспеченных кадрами высочайшей квалификации.

Задаче обеспечения предъядерного сдерживания может служить российская система космической навигации «Глонасс», создание основной части космической группировки которой удалось завершить в сложнейших условиях в середине 1990-х годов. (Здесь нельзя не отметить плодотворные усилия командующего Военно-космическими силами РФ генерал-полковника В.Л. Иванова и целого ряда его подчиненных, а также деятельность Комитета по военно-технической политике Минобороны РФ.) К сожалению, к концу 1990-х годов из-за финансового кризиса и ликвидации на несколько лет Военно-космических сил ВС РФ как самостоятельного рода войск эту группировку не удалось сохранить; она была воссоздана значительно позднее²².

Решение задачи создания мощной, высокоэффективной информационно-коммуникационной инфраструктуры требует от соответствующих должностных лиц огромного интеллектуального и физического напряжения (а во многих случаях и сверхнапряжения), высокого профессионализма, преданности делу... Наличие в Вооруженных силах высокоустойчивой к внешнему воздействию, безопасной информационно-коммуникационной инфраструктуры — это императивное требование для всей отечественной военной машины — от мотострелковых подразделений до стратегических ядерных сил. И здесь огромную роль играют различные «тонкие характеристики» систем и подсистем, на которые нередко не обращают должного внимания.

Важным фактором обеспечения эффективности системы неядерного (предъядерного) сдерживания является возможность преодоления соответствующими средствами поражения

---

²² В настоящее время после ряда реорганизаций в составе Вооруженных сил РФ появились Войска воздушно-космической обороны, которые решают широкий спектр задач. См.: Войска воздушно-космической обороны [Электронный ресурс]. URL: <http://structure.mil.ru/structure/forces/cosmic.htm> (дата обращения: 12.11.2012).

систем ПВО — ПРО «оппонента». Здесь имеются свои сходства и различия с задачей преодоления ПРО другой стороны нашими средствами СЯС²³.

Весьма интересный собственный вариант неядерного сдерживания отрабатывается Китайской Народной Республикой, прежде всего применительно к политико-военным аспектам проблемы Тайваня. По многим оценкам зарубежных и отечественных специалистов, по этому направлению НОАК создается значительная группировка баллистических ракет различной дальности в неядерном оснащении, ракет, обладающих характеристиками высокоточного оружия. У американских специалистов в последнее время особый интерес вызывает баллистическая ракета (мобильный ракетный комплекс) «Дунфэн-21Д». В ряде публикаций сообщается, что эта ракета оснащена обычной головной частью, способной к маневрированию на подлетном участке в целях преодоления ПРО. Отмечается очень высокая степень неопределенности для атакуемого при-

---

²³ К неядерному сдерживанию в известной степени можно отнести угрозу применения противоспутникового оружия против определенной части космической группировки «оппонента». Возможности сравнительно технически несложных противоспутниковых средств продемонстрировали в «нулевые» годы КНР (в 2007 г.) и США (в 2008 г., когда американская противоракета «Стандарт-3М» сбита аварийный спутник США US-193, США начали процесс милитаризации космоса. См.: Бужинский. ИТАР-ТАСС. 2009. 3 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.militaryparitet.com/teletipe/data> (дата обращения: 12.11.2012). В 1970-е — начале 1980-х годов в СССР и США велись довольно интенсивные разработки значительно более сложного и эффективного противоспутникового оружия (см.: Космическое оружие: дилемма безопасности / под ред. Е.П. Велихова, А.А. Кокошина, Р.З. Сагдеева. М.: Мир, 1986; *Озобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана: Велихов, Кокошин и другие. М.: ЛЕНАНД, 2008). Обе страны стояли на пороге гонки вооружений в противоспутниковом оружии. Раскручивание советско-американского сотрудничества в этом виде оружия может открыть дорогу к масштабному насыщению противоспутниковыми средствами поражения (как кинетическими, фугасными, так и основанными на новых физических принципах) космоса, что крайне негативно скажется на общей стратегической стабильности.

менительно к эффективности этого ракетного комплекса в сопряжении с разнообразными средствами ПВО — ПРО, имеющимися, в частности, у авианосных ударных группировок (АУГ) ВМС США. Наведение ракеты обеспечивается загоризонтной РЛС, соответствующими спутниками и беспилотными летательными аппаратами²⁴.

Одна из важнейших задач ракетной неядерной группировки НОАК — удержать американскую АУГ от вхождения в зону потенциального конфликта вокруг Тайваня, держать АУГ на расстоянии, на котором она не может безнаказанно задействовать мощь палубной авиации.

В американских источниках говорится о заявлении начальника Генштаба НОАК Чен Бингзе в июле 2011 г. о том, что дальность «Дунфэн-21Д» — 2700 км; это на 80% больше, чем оценивали возможности «Дунфэн-21Д» большинство американских экспертов. В то же время американские эксперты отмечают, что китайцы еще не испытывали этот ракетный комплекс по движущимся морским целям²⁵.

* * *

Ядерное сдерживание при всей его значимости — это не панацея в обеспечении национальной безопасности России. За счет него невозможно (и даже опасно) пытаться парировать, нейтрализовать весь спектр политико-военных угроз безопасности нашей страны. Чрезмерное упование на ядерное сдерживание в политике национальной безопасности России вредно и даже опасно. Ядерной мощью можно лишь частично компенсировать слабость в экономических и политических сферах, в силах общего назначения. Так что в числе прочих мер ядерное сдерживание должно быть дополнено эффективным неядерным («предъядерным») сдерживанием. Это стало бы и

---

²⁴ China's Anti-Ship Ballistic Missile and Lost RP-170 Sentinel Drone, 2012. Jan. 26 [Электронный ресурс]. URL: <http://aviaintel.com.2012/01/26> (дата обращения: 03.11.2012).

²⁵ China's New Anti-Ship Missile: A Pacific Nightmare for the USA, 2011. Sept. 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eastasiaforum.org./2011/09/29/> (дата обращения: 03.11.2012).

важным средством предотвращения «эскалационного доминирования» со стороны «оппонента» в условиях острого политико-военного кризиса²⁶.

Как писал в начале XX в. российский историк и идеолог развития военно-морского флота П.И. Белавенец, постоянная «готовность нападений на территорию врага удержит его от нападения на наши земли»²⁷. Этот неоправданно забытый автор справедливо подчеркивал, что данная истина была верна всегда и будет верна до тех пор, пока будет существовать война и войска как на суше, так и на море.

---

²⁶ По проблеме предотвращения «эскалационного доминирования» см.: *Кокошин А.А.* Проблемы обеспечения стратегической стабильности. Теоретические и прикладные вопросы. М.: Едиториал УРСС, 2011. С. 70–79.

²⁷ Цит. по: *Кокошин А.А.* Военно-морской флот России. Из юбилейного трехсотого — взгляд в прошлое и будущее. М.: ПИ, 1997. С. 76.

Глава 7

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КАРИБСКОМ КРИЗИСЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ¹

Карибскому кризису (именуемому в США «Кубинским ракетным кризисом») посвящено большое число исследований — исторических и политологических — и в нашей стране, и за рубежом, особенно в США.

Это был острейший за всю мировую историю ядерный конфликт². В октябре 1962 г. две сверхдержавы, СССР и США, вплотную подошли к широкомасштабной войне с массированным использованием ядерного оружия. Классик современной политической науки, профессор Гарвардского университета Грэм Т. Аллисон оценивал возможные потери сторон в случае

---

¹ В основу данной главы лег доклад автора «Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности» (М.: ЛЕНАНД, 2012), подготовленный к семинару на эту тему в Гарвардском университете США (26 сентября 2012 г.) и к круглому столу «Долгое эхо Карибского кризиса» факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова и Института проблем международной безопасности РАН (14 октября 2012 г.). Этот доклад был переведен в Гарвардском университете на английский язык (см.: Kokoshin Andrei. Reflections on the Cuban Missile Crisis in the Context of Strategic Stability. Discussion paper. Belfer Center for Science and International Affairs, John F. Kennedy School of Government, Harvard University, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://aakokoshin.ru/akpapers.htm>).

² Под ядерным конфликтом автор подразумевает кризисную ситуацию, в которую вовлечены один или несколько обладателей ядерного оружия и в ходе которой эскалация доходит до уровня, когда одна или более сторон начинают рассматривать практическую возможность приращения ядерного оружия.

возникновения такой войны как минимум в 100 млн человеческих жизней для обеих сторон и других стран, которые могли бы быть вовлечены в этот конфликт.

Сведения о развитии Карибского кризиса по-разному доходили до советского и до американского народа. Советские власти довольно долго в течение октября 1962 г. хранили молчание. В силу специфики американской политической системы в США эти события скоро стали достоянием СМИ. Есть свидетельства того, что у части населения Соединенных Штатов данные сведения вызвали панику, связанную с реальностью угрозы возникновения войны с применением ядерного оружия. Как писал в своей книге «Лихолетье» бывший заместитель начальника первого Главного управления (ПГУ) КГБ Н.С. Леонов, работавший в то время в Мексике, в тот момент «через северную границу Мексики на юг хлынула лавина американских беженцев», «вереницы машин с прицепами домиками нескончаемо вились по горным дорогам», «создались трудности с расселением, снабжением медикаментами, продовольствием»³.

У меня есть личные впечатления о событиях того исторического момента. Отец, в то время инженер-подполковник ВВС, работал в центральном аппарате Минобороны СССР. В один из этих октябрьских дней он пришел домой с работы поздно, взял полевую форму с портупеей и кобурой для пистолета и снова отправился на ночное дежурство. Перед уходом он сказал маме, что если завтра не придет со службы и от него не будет никаких звонков, она должна срочно покупать билеты на поезд и везти меня с младшей сестрой к его родителям в деревню в Архангельскую область. Мама сама была дочерью офицера Советской армии и работала преподавателем английского языка в военных организациях. Никаких вопросов отцу она задавать не стала, понимая, что отвечать он не имеет права.

В ходе этого конфликта в боеготовность высокого уровня были приведены вооруженные силы обеих сторон. Надо иметь в виду, что такая мера, оправданная с сугубо военной точки зрения и служащая средством оказания политического воздей-

---

³ См.: *Леонов Н.С. Лихолетье*. М.: Русский дом, 2003. С. 53.

ствия на оппонента, может вести и к повышению вероятности случайного и несанкционированного использования оружия, в том числе ядерного. Меры, обеспечивающие предотвращение случайного и несанкционированного применения ядерного оружия, надежнее, как правило, работают в условиях невысокого уровня политико-военной напряженности.

В ходе Карибского кризиса не раз возникали ситуации, когда в том или ином сегменте противостояния гигантские военные машины не находились полностью под контролем высших должностных лиц обеих сторон. Имели место и другие случайности, которые могли бы еще больше обострить ситуацию, приблизить ее к возникновению войны с применением ядерного оружия. К таким случаям, например, может быть отнесено то, что произошло в момент ареста в Москве американского и английского шпиона полковника ГРУ О.В. Пеньковского (23 октября 1962 г., по-вашингтонски 22 октября). Последний, как писал известный американский политолог Р. Гартхофф, работавший в тот момент в ЦРУ, в момент своего ареста успел передать закодированный сигнал и о своем аресте, и о том, что Советский Союз готовится вот-вот начать войну⁴. Хорошо разобравшись в психологических особенностях Пеньковского, явно имевшего завышенные представления о своей личности, о своей роли в истории, его кураторы из КРУ решили не докладывать даже своему непосредственному начальству⁵. Так что Пеньковский не смог усилить настрой в Вашингтоне в пользу немедленного решения Карибского кризиса военными средствами... Можно представить себе, как могло бы использоваться сообщение «ястребами» в вашингтонском ЭКСКОМ'е (Исполнительном комитете)!

Следует отметить, что в тот период у советской и американской сторон не было сколько-нибудь отработанных общих представлений о стратегической стабильности. Более того, такого исключительно важного понятия вообще практически не

---

⁴ *Garthoff R.* Reflection on the Cuban Missile Crisis. The Brookings Institution. Washington, DC, 1989. P. 64–65.

⁵ См.: *Ibid.*

существовало; оно появилось значительно позже. В военно-доктринальных установках обеих сторон преобладала ставка на победу в войне с применением всех видов вооружений, в том числе ядерных. И в Соединенных Штатах, и в Советском Союзе в то время велись активные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию стратегической противоракетной обороны. Многими в то время в обеих странах возлагались большие надежды на возможности ПРО, на создание противоракетного «щита», способного защитить страну от массированного ракетно-ядерного удара.

Позднее, к концу 1960-х годов оптимизма в отношении возможностей стратегической обороны у обеих сторон заметно поубавилось. В значительной мере это было связано с развитием технологий разделяющихся головных частей для баллистических ракет стратегического назначения и специальных средств преодоления ПРО. (На рубеже 1960–1970-х годов важные выводы о весьма ограниченных возможностях потенциального оружия направленной энергии (лазерные и пучковые средства) были сделаны, по свидетельству академика Е.П. Велихова, рядом ведущих советских физиков, прежде всего академиком Л.А. Арцимовичем. Эти выводы, основанные на знании фундаментальных законов физики, баллистики, во многом актуальны и в наше время.)

Комплексные исследования по катастрофическим медико-биологическим и экологическим последствиям войны с применением ядерного оружия практически отсутствовали. (Такого рода исследования стали достоянием достаточно широкого круга политиков и военных в СССР, США и ряде других стран лишь в 1980-е годы; в нашей стране в общедоступном варианте они появились прежде всего благодаря усилиям академиков Е.П. Велихова, Е.И. Чазова, Г.Г. Голицына, В.В. Александрова, Г.Л. Стенчикова, А.С. Гинзбурга и др.) Но осознание таких последствий постепенно происходило в умах как советских, так и американских руководителей, а также определенной части профессиональных военных, не говоря о ряде ученых в обеих странах, которые имели достаточно знаний по этим проблемам.

Кульминацией кризиса можно считать 13 дней в октябре 1962 г. с момента обнаружения американской авиафоторазведкой строящихся стартовых позиций советских ракет, способных нести ядерные боезаряды, на Кубе (14 октября).

Решение высшего руководства СССР о размещении ракет на Кубе было принято после того, как с американской стороны была предпринята попытка свержения революционного правительства Фиделя Кастро, установившего дружеские отношения с СССР: 17 апреля 1961 г. на Кубе, в заливе Кочинос была высажена бригада кубинских эмигрантов, подготовленных американскими инструкторами и оснащенных американскими спецслужбами⁶. Провал операции ЦРУ больно ударил по репутации и политическим позициям молодого президента США Джона Ф. Кеннеди внутри страны, по отношению США со многими латиноамериканскими странами. (В момент кульминации Карибского кризиса Джону Кеннеди было 47 лет; Н.С. Хрущеву — 66 лет, и у него, разумеется, был значительно более богатый политический и военный опыт. Но Кеннеди, выпускник Гарвардского университета, сын видного бизнесмена и дипломата, имел очень хорошее образование и обладал сильной командой единомышленников.)

И после провала этой попытки вокруг Кубы усилиями США продолжала оставаться весьма напряженная обстановка. В Гаване и Москве знали, что на Кубу была нацелена крупная группировка ВМС, ВВС, сухопутных войск и морской пехоты США, проводились различные масштабные учения американских вооруженных сил, имевшие явную антикубинскую направленность.

У советского руководства было вполне достаточно оснований опасаться за судьбу кубинской революции, за судьбу дружественного нам режима, правительства, взявшего по примеру СССР однозначный курс на строительство социализма. Наличие такого правительства, получение нового союзника

---

⁶ Эта операция готовилась ЦРУ еще при республиканской администрации Д. Эйзенхауэра и для Кеннеди, ставшего президентом США в 1961 г., была непростым наследством, доставшимся ему от его предшественника.

СССР именно в Западном полушарии, остававшимся уже почти сто лет исключительно сферой влияния США, было дерзким вызовом Вашингтону. Куба, несмотря на свои небольшие размеры, оказалась одним из важнейших звеньев глобального противостояния двух сверхдержав, имевшего идеологическое, политическое, социально-экономическое и военно-стратегическое измерения⁷.

Но при всей важности кубинской темы центральную роль в советско-американских отношениях того периода, по оценкам многих отечественных специалистов, играл «берлинский вопрос».

Следует также иметь в виду, что еще с конца 1940-х — начала 1950-х годов США разместили вокруг СССР целый ряд своих авиационных баз с самолетами, способными нести ядерное оружие. Позднее к этому были добавлены и базы с ракетным оружием, в том числе на территории Турции. Наконец, необходимо сказать и о развертывании в акватории Мирового океана близких к территории СССР подводных стратегических ракетноносцев США с ракетными комплексами «Поларис», оснащенными ядерными головными частями. Так что у СССР были все основания осуществить то же самое в отношении США⁸. Учитывая только-только начавшееся размещение на

---

⁷ Как писал генерал Н.С. Леонов, «Советский Союз, говоря словами Никиты Хрущева, решил подкинуть Америке “ежа”, то есть разместить на острове ракетно-ядерное оружие, способное сдержать любого агрессора» (*Леонов Н.С.* Указ. соч. С. 54). На самом деле известно более красноречивое высказывание Никиты Сергеевича, не стесняющегося в выражениях, по этому поводу: «Мы им ежика в штаны запустим».

⁸ В беседах с автором в середине 1980-х годов бывший министр обороны США Р. Макнамара говорил о том, что, по американским оценкам, на момент Карибского кризиса преимущество США по количеству ядерных боезарядов, которые они могли доставить в одном вылете (и пуске) до территории СССР по сравнению с аналогичными возможностями Советского Союза применительно к территории Соединенных Штатов, составляло примерно 17:1. Однако по расчетам, которые предоставляли ему как министру обороны специалисты (прежде всего гражданские), такое превосходство не давало Вашингтону никаких гарантий того, что в упреждающем американском ударе будут поражены все советские ядер-

стартовых позициях советских МБР, размещение советских ракет средней и промежуточной дальности было вполне оправданным с военно-стратегической точки зрения — при условии размещения на Кубе достаточно большого числа советских ракет. Следует иметь в виду и то, что в указанный период Советский Союз отставал от США в развитии технологий для морской составляющей стратегических ядерных сил. Для преодоления этого отставания потребовался длительный период времени.

Весь вопрос состоял в том, как это было реализовано в политическом плане... Политико-дипломатическая подготовка размещения советских ракет на Кубе практически не велась за пределами собственно советско-кубинских отношений. И в политическом, и в военном плане она осуществлялась в глубокой тайне. Был подготовлен проект секретного советско-кубинского Договора о размещении советских Вооруженных сил на территории Республики Куба. Большую роль в этом сыграл Генеральный штаб (ГШ) Вооруженных сил СССР, особенно Главное оперативное управление ГШ. По ряду сведений, советское руководство планировало, что о размещении советских ракетно-ядерных средств на Кубе будет объявлено во время визита Н.С. Хрущева на Кубу в ноябре 1962 г. Хрущев собирался поставить в известность американскую сторону в ходе этой поездки, заехав по пути в США.

Вызывает только недоумение, почему ни политическое руководство, ни военное командование не предвидели вероятности раскрытия этой тайны в результате реализации довольно элементарных возможностей американской авиафоторазведки применительно к строящимся стартовым позициям ракет. Этот вопрос остается одной из загадок Карибского кризиса. Американские эксперты позднее выражали удивление, что ракетные позиции строились по уже известной американской разведке конфигурации — идентичной той, которая использова-

---

ные средства, способные достигать территории США. Нужно также учитывать, что у Советского Союза была значительная группировка ракетно-ядерных и авиационных средств, способных наносить ядерные удары по территории союзников США, по американским войскам (базам), находившимся во многих странах за пределами американской территории.

лась на территории СССР (и была идентифицирована на основе данных, полученных средствами американской спутниковой фоторазведки)⁹. Все другие меры маскировки (и дезинформации) при переброске группировки войск и техники были, как отмечали позднее американские эксперты, довольно эффективными¹⁰.

В ходе круглого стола «Долгое эхо Карибского кризиса» ФМП МГУ и ИПМБ РАН генерал-полковник В.И. Есин (принимавший молодым лейтенантом участие в операции «Анадырь», в размещении ракетных комплексов на Кубе) давал довольно исчерпывающее объяснение тому, почему не были приняты меры по маскировке строительства стартовых позиций ракет Р-12, которые не позволили бы американской воздушной разведке их обнаружить. Есин, в частности, отметил, что изначально вопрос о маскировке строящихся позиций не был должным образом отработан ни на политическом, ни на военном уровне. Среди посетивших Кубу высокопоставленных военных в делегации члена Политбюро ЦК КПСС Ш.Р. Рашидова, как отмечает Есин, не было специалистов по маскировке. Хотя можно было бы предвидеть, что проблемы с маскировкой возникнут в силу, по словам Есина, «крайне скудной маскировочной емкости кубинского ландшафта».

Сыграла свою роль слабая обеспеченность направленной на Кубу дивизии РВСН средствами маскировки; в частности это касалось маскировочных сетей: поскольку ракетчики не знали, куда они направляются, то взяли с собой два комплекта — зеленые сети и сети белого цвета. К тому же нашим войскам на Кубе были поставлены крайне жесткие сроки оборудования позиций ракет, приведения их в состояние боевой готовности. Работы шли круглосуточно; грунт был очень тяжелый, каменистый, а значительная часть работ велась вручную; строительной техники не хватало; взрывные работы были запрещены, чтобы предотвратить демаскировку проводившихся работ.

---

⁹ См.: Аллисон Г.Т., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения: на примере Карибского кризиса 1962 года / пер. с англ.; под ред. С. Сараджяна, Н. Абдуллаева; предисл. А.А. Кокошина. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 265–274.

¹⁰ См.: Там же. С. 260–261, 267, 271.

Тем не менее американской авиафоторазведке, отметил В.И. Есин, не удалось обнаружить позиции двух других дивизионов данного ракетного полка дивизии РВСН, размещавшейся на Кубе.

В спешном порядке формировалась группа советских войск на Кубе во главе с командующим генерал-полковником И.А. Плиевым численностью более 40 тыс. человек. Ядром этой группы была дивизия Ракетных войск стратегического назначения, оснащенная 40 ракетами средней и промежуточной дальности Р-12 и Р-14, которые предназначались для использования в ядерном варианте¹¹. Дальность ракеты ракетного комплекса Р-12 составляла 2200 км, комплекса Р-14 — 4500 км. У комплекса Р-14 ракета могла нести легкий боевой блок в 1 Мт или тяжелый в 2,3 Мт¹². Предполагалось, что на «острове свободы» должны быть также размещены бомбардировщики Ил-28, способные нести ядерное оружие, ракетные комплексы «Луна» тактического назначения с ядерными боезарядами, ракетные комплексы «Сопка» береговой обороны, тоже с ядерными головными частями. К тому же на Кубе размещались четыре отдельных мотострелковых полка. Эти части должны были обеспечивать прикрытие ракетных полков РВСН и других технических частей. Их задачей было также оказание помощи Революционным вооруженным силам Кубы в уничтожении морских и воздушных десантов противника и контрреволюционных групп в случае их высадки на острове. Отдельные дивизионы ракет «Луна» предполагалось использовать совместно с мотострелковыми полками; соответственно эти дивизионы были подчинены оперативно командирам мотострел-

---

¹¹ Ракетные комплексы Р-12 и Р-14 (в различных модификациях) находились на вооружении РВСН (на территории СССР) вплоть до 1989 г., когда они были демонтированы и ликвидированы в соответствии с Договором по РСМД. См.: *Первов М.* Ракетные комплексы РВСН // Техника и вооружение. 2001. № 5–6 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/225087/read#t22> (дата обращения: 20.07.12).

¹² См.: Ракетная техника. Информационно-новостная система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbase.new-factoria.ru> (дата обращения: 21.07.2012).

ковых полков. Ставилась задача участвовать в уничтожении морских и воздушных десантов противника, а кроме того, нанести удар по американской военной базе на Кубе Гуантанамо. В группе советских войск на Кубе имелись также части ВМФ СССР, которые имели свои задачи. Важным компонентом группы войск должны были быть две дивизии Войск ПВО. Боевое обеспечение истребительной авиации и зенитно-ракетных войск (ЗРВ) радиолокационными средствами возлагалось на радиотехнические войска группы (РТВ)¹³.

Генерал армии А.И. Грибков, занимавший в то время пост заместителя начальника Главного оперативного управления, пишет о том, что задание разработать в срочном порядке план операции по размещению на Кубе такой группы войск был получен Генштабом от высшего руководства СССР в начале мая 1962 г.¹⁴

Все данные, имеющиеся в настоящее время, говорят о том, что по замыслу советского руководства это были *средства сдерживания* в отношении представлявшегося тогда вполне возможным крупномасштабного американского вторжения на Кубу в целях свержения власти Фиделя Кастро, кубинской Коммунистической партии. С этой точки зрения поставляемые на Кубу советские ядерные боеприпасы и средства их доставки советское руководство считало «оборонительным оружием». О том, что СССР размещает на Кубе только «оборонительное оружие» (не раскрывая того, что под этим подразумевается) советское руководство по разным каналам продолжало убеждать американскую сторону до самого последнего момента, когда Вашингтон смог на основе данных детальной авиафото-разведки показать, что на Кубе размещаются ударные ракетно-ядерные и авиационные средства¹⁵. О наличии на Кубе только

---

¹³ См.: *Грибков А.И.* Карибский кризис // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 43–44.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ Судя по совокупности всех имеющихся на сегодня данных, контрразведывательных режим на Кубе таков, что он сводил здесь возможности агентурной разведки США к минимуму, если не к нулю.

оборонительного советского оружия говорил 18 октября во время своего пребывания в Вашингтоне и министр иностранных дел А.А. Громыко¹⁶. Напомним, что уже с 14 октября американское руководство имело фотографии спешно возводимых позиций для советских ракет средней и промежуточной дальности.

Переброска такой группировки советских войск на Кубу потребовала проведения специальной операции под кодовым названием «Анадырь». Она была закодирована под стратегическое учение с перебазированием войск и военной техники морем в различные районы Советского Союза¹⁷. Для ее успешного осуществления были предприняты самые масштабные меры обеспечения секретности, включая переодевание в штатскую одежду и выдачу гражданских документов всем военнослужащим, отправлявшимся на Кубу. Даже командующий группой советских войск на Кубе генерал Плиев вынужден был отказаться от военной формы и оставить свое удостоверение в Генштабе, получив паспорт на имя Ивана Александровича Павлова. Как писал Грибков, «стоило немало труда убедить его отныне работать и жить под псевдонимом»¹⁸.

Для большей части советских военнослужащих перевозка в тесных трюмах кораблей была серьезным испытанием для их здоровья и психики.

Генерал А.И. Грибков, опубликовавший в свое время весьма важную работу о подготовке и проведении операции «Анадырь», писал о том, что применение ракет средней и промежуточной дальности для нанесения ударов по объектам в США могло осуществляться командованием группы советских войск на Кубе и командиром дивизии РВСН только с санкции Верховного главнокомандующего, т.е. Н.С. Хрущева. Что касается применения ракет тактического предназначения «Луна» (напомним — с ядерными боеприпасами), то их поначалу было

---

¹⁶ См.: *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М.: Автор, 1997. С. 63.

¹⁷ *Грибков А.И.* Карибский кризис. С. 35.

¹⁸ См.: Там же.

разрешено использовать Плиеву в случае острой необходимости (при отсутствии связи с Москвой) без санкции Кремля¹⁹. Такая ситуация могла возникнуть, если бы началась широко-масштабная американская операция по вторжению на Кубу, которое не удавалось бы остановить с применением лишь обычных, неядерных средств. По некоторым сведениям, чуть позднее, вдогонку были отправлены указания министра обороны СССР Р.Я. Малиновского генералу Плиеву о том, что ракеты «Луна» могут быть применены только с санкции высшего советского руководства²⁰.

Как отмечал В.И. Есин на семинаре «Долгое эхо Карибского кризиса», на деле в тех условиях решение о запуске ракет Р-12 мог принять командир дивизиона (расчет полетного задания производился непосредственно в дивизионе), и даже командир батареи в звании майора мог самостоятельно осуществить пуск ракеты. То есть возможности для несанкционированного (и даже случайного) пуска ракет в тех условия существовали. Есин сказал в ходе этого семинара, что офицеры его дивизиона приняли решение осуществить пуск ракет в случае начала налетов американской авиации даже без распоряжения командования.

В целом меры секретности и дезинформации сыграли свою роль в обеспечении скрытности военных перевозок таких больших масштабов (и на огромное расстояние), причем в условиях полного господства на море и в воздухе вооруженных сил США на подавляющей части пути с соответствующими возможностями для ведения американцами разведки. Тем более удивителен тот факт, что советской группой войск не были приняты масштабные и адекватные меры по маскировке строительства стартовых позиций ракет средней и промежуточной дальности. Возможно, это было прямым следствием спешки, в которой строились стартовые позиции ракет на Кубе, и слож-

---

¹⁹ См.: *Грибов А.И.* Разработка замысла и осуществление операции «Анадырь» [Электронный ресурс] // Сайт Ростовского военного института ракетных войск. URL: <http://rau-rostov.narod.ru/01/anadyr/anadyr01-01.htm>

²⁰ См.: *Микоян С.А.* Анатомия карибского кризиса. М.: Academia, 2006. С. 209.

ности размещения, обустройства столь разнородных сил и средств, входивших в группу²¹.

Но надо иметь в виду, что в то время размещавшиеся на Кубе ракетные комплексы не были оснащены электронными «замками», разблокирование которых осуществлялось бы непосредственно из Москвы по решению Верховного главнокомандующего с использованием специального подразделения Генштаба Вооруженных сил СССР. Как отметил на упомянутом круглом столе «Долгое эхо Карибского кризиса» генерал-полковник В.И. Есин, ракетные комплексы средней дальности начали оснащаться кодоблокировочными устройствами сразу же после Карибского кризиса. На ракетах Р-12 и Р-14 установили кодоблокировочные устройства с использованием известных счетных машин «Феликс», которые были включены в пусковую цепочку. Позднее появились полностью электронные кодоблокировочные устройства.

Профессор Г.Т. Аллисон в своей недавно (июль/август 2012 г.) опубликованной статье в журнале «Foreign Affairs» отмечает, что такие «замки» отсутствовали, например, и у американских ядерных средств авиационного базирования, дислоцированных в Турции и нацеленных на целый ряд объектов на территории Советского Союза²². Такие «замки» отсутствовали и на четырех советских дизельных подводных лодках, которые в рамках операции «Кама» были в спешном порядке направлены в район Кубы (с Северного флота ВМФ СССР) с ядерными торпедами на борту. Поход этих лодок осуществлялся в невероятно трудных условиях (температура в отсеках доходила до плюс 50°С). Командиры кораблей и их экипажи подвергались запредельным нагрузкам, испытывали мощные стрессы. Мы все должны отдать должное их выдержке, мужеству, высочай-

---

²¹ По некоторым данным, к концу октября 1962 г. половина из доставленных на Кубу ракет комплекса Р-12 была готова к заправке горючим, окислителем и состыковке с ядерной боевой частью. Ракеты Р-14 так и не прибыли на Кубу из-за блокады. См.: Сайт «Форум Российской армии». URL: www.russianarmy.mybb.ru (дата посещения: 21.07.2012).

²² См.: Allison G.T. The Cuban Missile Crisis at 50: Lessons for U.S. Foreign Policy of Today // Foreign Affairs. 2012. July/August.

шему профессионализму, позволившим предотвратить опаснейшие инциденты, которые тоже могли послужить «спусковым крючком» для начала третьей мировой войны с катастрофическими последствиями для всех. Вспомним с благодарностью имена капитанов этих лодок: Рюрик Кетов (Б-4), Алексей Дубавко (Б-36), Валентин Савицкий (Б-59), Николай Кушнов (Б-130)²³. Многое дает основания считать, что направление этих лодок на Кубу было крупной ошибкой советского руководства и высшего военного командования.

Разрешение кризиса потребовало колоссального напряжения сил руководства обеих стран. В США президентом Джоном Ф. Кеннеди даже был создан специальный орган ЭКСКОМ, который сыграл немаловажную роль в разрешении кризиса. В Советском Союзе эти вопросы весьма интенсивно обсуждались на заседаниях Президиума ЦК КПСС (впоследствии этот орган снова получил название Политбюро ЦК) во главе с Первым секретарем ЦК КПСС и Председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущевым.

Огромную роль в разрешении кризиса играли каналы связи между высшим руководством СССР и США. Главным каналом было Посольство СССР в США во главе с послом А.Ф. Добрыниным, дипломатом высочайшего уровня (которого я считаю одним из своих учителей), обладавшим высоким уровнем доверия в Москве и авторитетом в Вашингтоне. Наличие такого дипломата именно в момент кризиса и именно в Вашингтоне было большой удачей для обеих сторон.

В силу исключительной важности проблемы руководство ЭКСКОМ и ведение переговоров с Добрыниным Дж. Кеннеди поручил особо доверенному человеку — своему брату Роберту Кеннеди, официально не имевшему отношения к дипломатии (он был министром юстиции (генпрокурором) США). Однако, как показал Карибский кризис, он проявил себя умелым переговорщиком.

Наряду с официальными каналами советско-американского взаимодействия определенную роль сыграли еще два неофициальных — через резидента Первого главного управления

---

²³ См.: Микоян С.А. Указ. соч. С. 206.

КГБ (политическая разведка) А.С. Феклисова²⁴ и сотрудника резидентуры стратегической разведки военного ведомства — Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР (ГРУ ГШ) Г.Н. Большакова. Резидент ПГУ в Вашингтоне А.С. Феклисов работал под «крышей» советского посольства через внешнеполитического обозревателя «Эй-Би-Си» Джона Скали, который имел тесные контакты с кланом Кеннеди, в том числе с президентом.

Крайне важным было то, чтобы информация при прохождении по таким каналам не подвергалась искажениям, чтобы в ней не было изъятий и не содержалось домыслов, чтобы передавалась она максимально быстро.

Канал связи Большаков — Роберт Кеннеди возник еще до появления в Вашингтоне А.Ф. Добрынина в качестве посла. Свои донесения в Москву Большаков отправлял по каналам резидентуры ГРУ, но иногда он докладывал все послу Добрынину.

Установление канала связи Большаков — Роберт Кеннеди было санкционировано, как пишет А.А. Фурсенко, Президиумом ЦК КПСС «как неофициальный канал обмена информацией»²⁵. Большакову в связи с этим весной 1961 г. были направлены подробные инструкции. С мая 1961 г. по декабрь 1962 г. Большаков и Р. Кеннеди либо встречались, либо звонили друг другу 31 раз.

Госдепартамент США ревниво относился к этому контакту. Отрицательно относилось к этому и руководство ГРУ: деятельность Большакова нарушала всю военную субординацию. ФБР усилило слежку за Большаковым. По вполне понятным причинам весьма ревниво к этому каналу относился министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко, не говоря уже о самом Добрынине (в своих воспоминаниях он говорит о Большакове лишь как о «почтовом ящике»²⁶).

Как выявил в своем исследовании академик А.А. Фурсенко, в период апогея Карибского кризиса Громыко и Добрынину

---

²⁴ См.: *Крикунов В.П.* Неизвестное о развязке Карибского кризиса // Военно-исторический журнал. 1990. № 10. С. 37–38.

²⁵ См.: *Фурсенко А.А.* Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Знамя. 1997. С. 161–183.

²⁶ См.: *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 38.

удалось оттеснить Большакова от конфиденциального канала связи с американским руководством. Было принято решение Президиума ЦК КПСС с направлением Добрынину инструкции, в соответствии с которой он должен был общаться с Робертом Кеннеди, «минуя всяких посредников»²⁷. Но на заключительном этапе кульминационного периода Карибского кризиса, в так называемую черную субботу — 27 октября 1962 г., Роберт Кеннеди продублировал передачу сообщения для советского руководства на встрече в приватной обстановке с Большаковым после встречи с Добрыниным²⁸.

К контакту с Большаковым Р. Кеннеди прибег и позднее, когда основное решение по выходу из кризиса уже было достигнуто. Это произошло 9 ноября 1962 г. Кеннеди поставил вопрос о выводе с Кубы и бомбардировщиков Ил-28, подчеркнув, что конфликт по этому вопросу грозит ликвидацией достигнутых договоренностей²⁹.

Обладая на сегодняшний день разнообразными данными и оценками с обеих сторон, можно заключить, что в целом все эти каналы сработали оптимальным образом, без значительных искажений передаваемой информации (хотя, как показывает анализ данных, такие искажения временами и имели место). Решающая роль при этом, разумеется, принадлежала взаимодействию А.Ф. Добрынина и Роберта Кеннеди.

В современных условиях существуют технические возможности прямого общения между лидерами стран, которые могли бы оказаться в состоянии ядерного конфликта. Однако это не гарантирует прямого и быстрого взаимопонимания в силу наличия психологических и культурно-политических различий руководителей разных государств. Следует иметь в виду, что в некоторых потенциальных ядерных конфликтах налаженные прямые контакты могут отсутствовать, что резко увеличивает опасность начала обмена ядерными ударами.

Говоря о деятельности ЭКСКОМ, нельзя не отметить роль министра обороны США Роберта Макнамары — видного

---

²⁷ Фурсенко А.А. Указ. соч. С. 178–179.

²⁸ См.: Там же. С. 179.

²⁹ См.: Там же.

представителя американской технократии в верхнем эшелоне власти. Он предложил вариант действий Вашингтона, который помог получить время для переговоров с Москвой в целях нахождения взаимопонимания с советской стороной. Это было предложение о введении военно-морской блокады вокруг Кубы, которую американское руководство решило именовать «карантином», чтобы хоть как-то сбить остроту восприятия данной акции международным сообществом. К тому же, как отмечают Г. Аллисон и Ф. Зеликов, эксперты госдепартамента и министерства юстиции США определили, что блокаду Кубы в соответствии с «Договором о защите Западного полушария» Вашингтон мог объявлять, только проведя соответствующую резолюцию Организации американских государств, проходившую при получении за нее двух третей голосов³⁰.

С американской точки зрения, блокада в то же время создавала опасность того, что за этот период советские ракетчики на Кубе приведут ракеты в боеготовое состояние. Но она же давала возможность Вашингтону «поиграть мускулами»³¹ (прежде всего ВМС США при американском абсолютном превосходстве в этом районе мира). Время блокады было использовано и для наращивания группировки американских вооруженных сил в целом против Кубы.

Аллисон и Зеликов пишут (в том числе со ссылкой на советские источники), что «карантин» осуществлялся выборочно и несколько советских гражданских судов пересекли линию блокады без каких-либо последствий³².

Принятое решение о «карантине» позволило на определенное время снять вопрос о нанесении воздушных ударов по стартовым позициям советских ракет на Кубе, на чем настаивали американские высшие военные чины, прежде всего начальник штаба ВВС США генерал Кертис Лимэй. Макнамара к тому же контролировал действия военных (и особенно ВМС) по осуществлению блокады Кубы, сыграв, по ряду свиде-

---

³⁰ См.: Аллисон Г.Т., Зеликов Ф. Указ. соч. С. 165.

³¹ См.: Там же. С. 166.

³² См.: Там же. С. 437.

тельств, важную роль в предотвращении весьма опасных коллизий между советскими сухогрузами, входившими в зону блокады («карантина»), и осуществлявшими ее кораблями ВМС США. Макнамара следил за тем, чтобы действия даже отдельных кораблей американского флота не были чрезмерно жесткими, не вызвали дальнейшей эскалации конфликта... Это был, безусловно, крайне важный элемент взаимодействия двух противостоящих сторон в тех условиях. Такая контролирующая функция была не по душе командованию ВМС США, которое имело богатые традиции осуществления морской блокады, отработанные стандартные процедуры, но не для такого острого ядерного конфликта.

Профессор Г. Аллисон в упомянутой статье в «Foreign Affairs» справедливо обращает внимание на актуальность уроков Карибского (Кубинского ракетного) кризиса для современных ядерных конфликтов, в которые вовлечены США, — применительно к ядерной проблеме КНДР и ядерной проблеме Ирана. Он рекомендует избегать крайних вариантов в решении этих проблем: не бездействовать, но и не торопиться наносить удары военными средствами³³.

Карибский кризис подействовал, как говорится, отрезвляюще и на советское, и на американское руководство. Он нашел свою развязку во взаимоприемлемом в целом политическом решении, имевшем как публичную, так и непубличную часть. Президент США Дж.Ф. Кеннеди дал гарантии того, что Соединенные Штаты не будут вторгаться на Кубу, а руководство СССР выводило советские ракеты с Кубы (уже после того как было принято принципиальное решение по этому вопросу, пришлось переговорным путем решать и проблему бомбардировщиков Ил-28). Непубличная часть — обещание Кеннеди вывести американские ракеты «Юпитер» с ядерными головными частями с территории Турции — в скором времени была полностью реализована американской стороной.

Одним из уроков и последствий Карибского кризиса стало создание линии «горячей связи» между Вашингтоном и

---

³³ См.: Allison G.T. Op. cit.

Москвой, которая давала возможность в случае необходимости напрямую общаться высшим государственным руководителям (и соответственно верховным главнокомандующим) Советского Союза и США. Эта линия, во-первых, позволяла минимизировать возможные искажения во взаимной информации, во-вторых, вести прямые переговоры на высшем уровне, в-третьих, обеспечивала значительный выигрыш во времени. А время, как известно, всегда критически важный ресурс для руководителей высокого ранга, особенно в конфликтных и кризисных ситуациях. Такая линия между руководством России и США существует и по сей день и постоянно поддерживается в рабочем состоянии соответствующими службами обеих стран.

Нельзя забывать и о том, что Карибский кризис не только предостерег против повторения подобных ситуаций в будущем, но и способствовал концентрации усилий обеих сторон по наращиванию и качественному совершенствованию своих стратегических ядерных вооружений межконтинентальной дальности. Наличие таких средств в «достаточном» для убедительного ядерного сдерживания количестве было особенно важно для СССР, который с выводом своих ракет с Кубы лишился надежды иметь ракетно-ядерные средства передового базирования, способные поражать цели на территории США.

Генерал Грибков писал, что вывоз советских ракет с Кубы сопровождался досмотром наших судов американскими военными, что воспринималось нашими военными как унижение³⁴... Несомненно, это отложилось в памяти, в психологии и советского государственно-политического руководства, и высшего военного командования.

В последующие годы мне доводилось слышать от наших высокопоставленных военных, что тогда говорили: такому мы больше никогда не дадим повториться. Думается, во многом под влиянием «синдрома Карибского кризиса» Советским Союзом и был предпринят рывок в развитии стратегических ядерных сил межконтинентальной дальности. А.И. Грибков в

---

³⁴ См.: *Грибков А.И.* Разработка замысла и осуществление операции «Анадырь».

своим трудом говорит о том, что в принципе 40 ракет средней дальности с ядерными боевыми блоками, размещенные на Кубе, радикально не влияли на общий стратегический ядерный баланс СССР — США. С генералом Грибковым можно поспорить, ибо эти ракеты обладали сравнительно коротким полетным временем и были в принципе способны нанести в условиях войны «обезглавливающий» удар по значительной части американской системы государственного и военного управления. Хотя, конечно, им было весьма далеко до той точности и способности к поражению высокозащищенных (и заглубленных) целей, которой обладали американские баллистические ракеты средней дальности «Першинг-II» (их планировалось разместить в 1980-е годы в Западной Европе в ответ на развертывание советских ракет промежуточной дальности «Пионер» — «СС-20» в натовской классификации).

В 1972 г. после подписания первого соглашения по ограничению стратегических ядерных вооружений между СССР и США (Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений) того неравенства (в пользу США), которое имело место к моменту апогея Карибского кризиса, уже не было, и стороны достигли состояния, получившего наименование «паритет». (Напомним, что тогда же был подписан и бессрочный советско-американский Договор об ограничении систем ПРО, инициатором заключения которого стал Р. Макнамара — еще в 1967 г. на саммите в Гласборо; тогда СССР (в лице премьера А.Н. Косыгина) поначалу с негодованием отверг идею заключения соглашения об ограничении оборонительных, а не наступательных вооружений.) В более поздний период советской стороне (и американским сторонникам сохранения этого Договора) пришлось приложить немало усилий для того, чтобы Договор по ПРО 1972 г. как один из «краеугольных камней» обеспечения стратегической стабильности был сохранен вопреки действиям администрации Р. Рейгана с ее планами развертывания СОИ.

К величайшему сожалению, администрация Дж. Буша-мл. в 2002 г. в одностороннем порядке вышла из Договора по

ПРО, что существенно усложнило (особенно с политико-психологической точки зрения) обеспечение надежных, однозначных условий стратегической стабильности. Пагубность такого решения республиканской администрации США ощущается и в настоящее время. Следует иметь в виду, что, как отмечал несколько лет назад Г.Т. Аллисон, для значительной части американского «политического класса» вопрос о создании системы ПРО является не предметом национальных политико-военных, военно-технических и военно-экономических сообщений, а предметом «религиозной веры».

С актуализацией проблемы попыток наращивания (в очередной раз!) американской системы ПРО в последние 8–10 лет ситуация с обеспечением стратегической стабильности не вернулась к временам Карибского кризиса. Очень многое изменилось с тех пор как во взаимоотношениях наших двух государств, так и в развитии стратегических ядерных сил. Но ситуация выглядит менее стабильной, нежели это было, например, в 1990-е годы, когда США отказались от рейгановской программы СОИ, действовал Договор по ПРО 1972 г., а Москва и Вашингтон вели переговоры о разграничении стратегической и нестратегической системы ПРО.

Уроки Карибского кризиса крайне важны для других ядерных держав, помимо Российской Федерации и США. Ядерные конфликты, особенно между сравнительно новыми ядерными державами, в обозримой перспективе представляются, к сожалению, весьма вероятными. Разумеется, эти конфликты будут иметь другие причины и другие формы. Но сам факт того, что в октябре 1962 г. две державы очень близко подошли к применению ядерного оружия, достоин самого внимательного изучения в разных странах. Особое внимание должно быть обращено на предотвращение случайного или несанкционированного применения такого оружия в условиях ядерного конфликта. На решение этой задачи необходимо направить значительные усилия как технического, так и управленческого порядка. Эта тема должна постоянно находиться в фокусе внимания государственных руководителей и военного командования ядерных государств.

Кодобlockingочные устройства, равно как организационные процедуры, наряду с тщательным отбором персонала для обслуживания всех видов ядерных сил и средств должны быть под постоянным контролем соответствующих должностных лиц ядерных государств. Безусловно, это относится и ко всем категориям ядерного оружия.

Глава 8

22 ИЮНЯ 1941 г. И НЕКОТОРЫЕ ЕГО УРОКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. унесла, по официальным данным, 26,6 млн жизней наших граждан. Она стала самым жестоким испытанием всех материальных и духовных сил нашей страны и самой суровой проверкой боевых качеств Красной Армии и Красного Флота. Наш народ, наше государство, его вооруженные силы разгромили агрессора, которому покорились десятки стран Европы, водрузили победное знамя над Рейхстагом. Но до сих пор продолжаются споры о том, что стало причиной неудач первых месяцев сражений, того, что наши войска откатились от западных границ до Волги, а потом с огромным напряжением сил дошли до Берлина.

Гитлеровская Германия по многим параметрам была наиболее отлаженной и грозной военной машиной в мировой истории, не раз демонстрировавшей экстраординарные результаты. Значительная часть вермахта и войск СС сохраняли дееспособность вплоть до конца войны. И нашим войскам, и войскам наших союзников по антигитлеровской коалиции не раз приходилось вести тяжелые бои с немецкими войсками вплоть до капитуляции нацистской Германии. Вспомним хотя бы наступление 6-й танковой армии СССР в Арденнах в конце 1944 г. или бои Красной Армии в Венгрии, в районе острова Балатон в марте 1945 г.

Нашей стране, нашему народу выпала важнейшая миссия сыграть главную роль в ликвидации нацистского государства, в разгроме его военной машины. В отечественной исторической науке по разным причинам многие сильные стороны этой ма-

шины до сих пор недоучитывались, а некоторые практически не упоминались. Между тем их полный учет делает нашу победу в Великой Отечественной войне еще более впечатляющей. В России появляется все больше важных исследований, посвященных рассмотрению реального положения дел перед началом Великой Отечественной войны и в ходе этой войны в Красной Армии и на Красном Флоте, в их отдельных компонентах. Там не менее в комплексе проблемы и просчеты, которые имелись у наших вооруженных сил накануне войны, еще, как представляется, не раскрыты. Неполнота этих оценок, выводов имеет значение и для современности.

Сталин был, безусловно, прав, когда говорил, что будущая война, ставшая для нас Великой Отечественной, — это «война моторов». И для обеспечения Красной Армии «моторами» перед войной делалось очень и очень многое — и в количественном, и в качественном отношении. Но в формуле «война моторов» содержалось и определенное упрощение. Сама формула не включала целый ряд важных компонентов технического оснащения армии и флота, особенно оснащение средствами связи и управления. Упускался из виду и уровень подготовки военного персонала наших вооруженных сил, в ведении которых находилась эта техника.

«Война моторов» с новым уровнем организации и управления предполагала и новые оперативные формы применения разнородных сил и средств, которые, в свою очередь, приводили к весьма значительным изменениям в стратегии. Раскрытие, по выражению выдающегося отечественного военного историка и теоретика Александра Андреевича Свечина, «оперативной тайны» будущей войны вело бы к познанию и того, что можно назвать «стратегической тайной». В данном случае — «стратегической тайной» Второй мировой войны. К сожалению, ни советское государственное руководство, ни высшее военное командование не смогли вскрыть «стратегическую тайну» будущей войны накануне гитлеровской агрессии против СССР.

Разгадка оперативно-стратегических замыслов зависела и от понимания политико-идеологических установок инициатора Второй мировой войны — гитлеровской, нацистской

Германии. Последняя тема требует особого рассмотрения с учетом того, что реально было известно (и могло быть известно) высшему советскому руководству и военному командованию о таких установках Гитлера и его ближайшего окружения.

Познание «оперативной тайны» будущей войны во многом зависело и от понимания того, какие оргштатные формы принимают войска, нацеленные на реализацию новых оперативно-стратегических задач. Забегая вперед, можно сказать, что одним из наиболее показательных примеров такого рода было формирование в вермахте еще в середине 1930-х годов танковой группы — прообраза будущих танковых армий. В Красной Армии в этот период создавались мехкорпуса, затем танковые корпуса, которые были ликвидированы в 1939 г., потом снова мехкорпуса... О танковых группах (танковых армиях) в тот период речь в РККА не шла, хотя штатная численность танковой техники в советских мехкорпусах 1940—1941 гг. была примерно такой же, как и танковой группы вермахта. (В танковой группе было значительно больше мотопехоты и артиллерии, чем в советском мехкорпусе того периода.)

Очевидно, что управление немецкими танковыми группами и входившими в них моторизованными корпусами за счет боевого опыта, полученного в ходе польской кампании 1939 г. и войны на Западе в мае-июне 1940 г. было отработано значительно лучше, чем советскими бронетанковыми войсками. Исключительно важную роль играло взаимодействие танковых групп (да и сухопутных войск вермахта в целом) с немецкими ВВС, люфтваффе.

* * *

Положение дел со связью в начальный период войны маршал войск связи А.И. Белов в своем послевоенном труде оценивал как крайне неудовлетворительное. Он писал о том, что в начале войны в силу недостаточного уровня производства радиостанций радиосвязь, особенно в звене Генеральный штаб — фронт — армия, ни организационно, ни материально не была в полной мере подготовлена к решению задачи управления в новых условиях.

Г.К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» писал, что недооценка роли радиосвязи в современной войне в Советском Союзе шла с самого верха: «И.В. Сталин недостаточно оценивал роль радиосредств в современной войне, а руководящие военные работники не сумели своевременно доказать ему необходимость организации массового производства армейской радиотехники».

И дело было не только в самих средствах связи, но и в организации управления с использованием радиосвязи, к чему были плохо подготовлены штабы и командиры. Белов писал: «Положение усугублялось серьезными недостатками в самой организации управления войсками. Многие командиры и штабы не имели навыков управления войсками по радио с помощью коротких распоряжений, допускали отрыв от средств связи, развертывали пункты управления в неподготовленных местах». В последующем советским Государственным комитетом обороны была принята серия масштабных мер по выправлению положения дел со связью в руководстве войной и конкретными военными действиями. К 1943 г. положение с обеспечением средствами связи Красной Армии стало значительно улучшаться, в том числе за счет поставок по ленд-лизу.

Следует напомнить, что гитлеровское военное командование приложило огромные усилия для нарушения связи, для разрушения системы управления войсками РККА в западных округах с первых же минут развязывания военных действий 22 июня 1941 г. — особенно в оперативном звене. Слабость в обеспечении средствами связи и управлении войсками в сочетании с упомянутыми действиями гитлеровцев относятся к числу важнейших факторов, определивших тяжелые поражения и огромные потери РККА летом и осенью 1941 г.

Значительные проблемы со связью перед началом Великой Отечественной войны были и в авиации РККА, и в танковых войсках. По данным, приводимым современным исследователем М. Барятинским, из 832 танков Т-34, имевшихся в приграничных военных округах на 1 июня 1941 г., только 221 машина была оснащена радиостанциями. Оставляло желать лучшего и качество этих радиостанций. В результате резко снизились бо-

евые возможности даже мехкорпусов, почти полностью укомплектованных танками, в том числе новейшими, которых не было у гитлеровского вермахта; к этому следует добавить огромный некомплект автомобильной техники в мехкорпусах, резко снижавший их мобильность, реальные возможности по сосредоточению и развертыванию.

Ситуация с оснащением «тридцатьчетверки» — этого выдающегося творения советских оружейников — средствами радиосвязи, по ряду данных, не очень изменилась и в первой половине 1942 г. По оценкам, приводимым этим же автором, с января по июль 1942 г. Сталинградский тракторный завод, например, отправил в войска 2140 танков Т-34, из них только 360 (т.е. примерно около 17%) с радиостанциями. Примерно такая же картина наблюдалась и на других заводах. Фронтовики отмечали, что невысоким было и качество внутренней связи на танках Т-34 выпуска 1941–1942 гг. Положение дел с оснащением наших танков адекватными средствами радиосвязи радикально изменилось к лучшему лишь в 1943 г.

В обеспечении реальных боевых возможностей танков огромную роль, наряду со средствами связи, играли (играют) прицелы для танковых орудий. У наших танков были проблемы (на протяжении не одного года) и с качеством прицелов. Значение высококачественных прицелов стало особенно очевидным в ходе танковых боев и сражений на Курской дуге летом 1943 г., когда в частях и соединениях вермахта и войск СС появились «Тигры» (Т-VI), «Пантеры» (Т-V), модернизированные средние танки Т-IV с длинноствольной пушкой.

* * *

Не следует упускать из виду и проблемы с техникой, необходимой для ведения тактической и оперативной разведки. В частности, в наших вооруженных силах до конца Великой Отечественной войны так и не появился специальный самолет серийного выпуска для разведки и корректировки артиллерийского огня, подобный знаменитой «раме» («Фокке-Вульф 189»), которая широко использовалась гитлеровскими войсками, существенно повышая их боевые возможности.

В СССР во время войны в КБ Сухого был создан самолет-разведчик, аналогичный «Фокке-Вульф 189», с такой же компоновкой фюзеляжа (трехместный двухбалочный самолет с двумя двигателями воздушного охлаждения — «проект РК»). Однако по разного рода причинам он так и не был запущен в серию. После войны на базе модернизированного «проекта РК» создан самолет-разведчик Су-12, значительно больший по размерам, чем «рама». Но и он в серийное производство запущен не был.

Как отмечали немецкие специалисты, одной из задач такого рода самолетов было наблюдение за продвижением своих войск. (Это крайне важная функция боевого управления, которая часто недоучитывается в наших вооруженных силах. Оценивая общую боевую обстановку, вышестоящим инстанциям нельзя полагаться лишь на доклады нижестоящих штабов и командиров.) Достаточно большое число таких самолетов-разведчиков требовалось для ведения практически постоянного наблюдения (и аэрофотосъемки) за одними и теми же районами. При этом в германских вооруженных силах много внимания уделялось тому, чтобы данные аэрофотосъемки (и разведанные из других источников) не оставались в виде «коллекций» в высших штабах, а немедленно размножались и в требуемом количестве срочно рассылались в войска. К тому же «Фокке-Вульф» был весьма малоуязвимой машиной, на что обратили внимание многие асы советских Военно-воздушных сил.

Один из командующих гитлеровского люфтваффе фельдмаршал Альбрехт Кессельринг в своих воспоминаниях отмечал, что завоевание господства в воздухе германскими ВВС в первые дни войны против СССР обеспечила «прекрасно проведенная аэрофотосъемка» (и в целом «непрерывная воздушная разведка»). Благодаря ей, по оценке Кессельринга, советские самолеты в больших количествах были поражены на земле. К сожалению, этому во многом способствовал довоенный запрет высшего советского руководства сбивать гитлеровские самолеты, вторгавшиеся в воздушное пространство СССР. В результате, по ряду оценок, люфтваффе смогло практически беспрепятственно осуществить сотни разведывательных поле-

тов над войсками приграничных военных округов РККА в предвоенные месяцы 1941 г.

Завоевание гитлеровцами преобладания в воздухе с первых же часов войны позволило, в свою очередь, бомбардировщикам, штурмовикам и истребителям люфтваффе почти безнаказанно наносить удары по советским войскам, продвигающимся к линии фронта и от нее как в пешем строю, так и по железным дорогам, а также по обнаруженным местам скопления советских войск, усилить поддержку с воздуха действий танков и пехоты по подавлению местных очагов сопротивления (или по отражению попыток частей Красной Армии зайти во фланг гитлеровских войск).

Что касается ВВС Красной Армии, то, как отмечает в своем исследовании отечественный современный автор Б. Хазанов, «разведывательная и корректировочная авиация исполняла в предвоенный период роль “золушки советских ВВС”. Она не получала ни современной материальной части, ни опытных экипажей».

В вермахте накануне вторжения в Советский Союз значительно большее внимание, чем в наших вооруженных силах, уделялось средствам радиотехнической разведки. На первом этапе Великой Отечественной войны это давало германскому командованию дополнительные, весьма важные данные для нанесения ударов по важнейшим элементам системы военного управления, особенно в оперативном и даже в оперативно-стратегическом звене.

Если говорить о Красном Флоте, то здесь тоже ощущались острые проблемы со связью, с радиолокационными средствами, с морскими самолетами-разведчиками, с современными скорострельными орудиями для ПВО, с минными тральщиками и их современным оснащением (которое создавало бы условия для адекватных действий соответствующих сил РККФ в ситуациях с донными акустическими и магнитными минами).

В целом высшее советское государственно-партийное руководство и высшее военное командование накануне Великой Отечественной войны и в ее начальный период не смогло обратить должного внимания на многие «тонкие характери-

ки» технической оснащенности РККА и РККФ. В значительной мере это было прямым следствием сверхцентрализации системы принятия решений по вопросам военного строительства в СССР и массовых репрессий в отношении высококвалифицированных военных специалистов и работников оборонной промышленности.

Средства связи, аэрофотосъемки, радиоразведки, радиолокации — все это были «нерапортосъемкие средства» в отличие от танков, самолетов боевой авиации, надводных кораблей и подводных лодок. (С понятием «нерапортосъемкие средства» меня познакомили в 1980-е годы работники Комиссии по военно-промышленным вопросам (ВПК) Совмина СССР. В «рапортосъемкие», по их определению, попадало более воздействующее на воображение оружие — ракеты, танки, самолеты ударной авиации.)

Инерция доминирования в планах и отчетах строительства Вооруженных сил СССР, развития советского военно-промышленного комплекса «рапортосъемких» систем проявила себя в послевоенные десятилетия, о чем не раз говорили мне такие военачальники, как Маршал Советского Союза Н.В. Огарков, Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев, генерал армии В.М. Шабанов, генерал-полковник В.П. Миронов, генерал-полковник В.В. Скоков, адмирал В.В. Гришанов и др. Эта инерция в ряде случаев продолжает проявлять себя и в наше время.

* * *

Советская военная мысль с конца 1920-х годов упорно работала над поиском новых оперативных форм ведения боевых действий, где могли бы быть в полной мере использованы возможности танков и авиации, массированное применение которых обозначилось на Западном фронте еще в конце Первой мировой войны. На высоком профессиональном уровне были разработаны теория «глубокого боя» и теория «глубокой операции». Значительная часть трудов советских военных теоретиков по этой тематике вполне обоснованно публиковались открыто, становились достоянием большого числа командующих и командиров Красной Армии. К сожалению, в дальнейшем положение

дел изменилось. И сегодня до сих пор не найден оптимум между открытыми и закрытыми научными публикациями по военному делу для нужд российских Вооруженных сил. Аналогичные разработки велись и на Западе, в том числе в Германии.

Теория «глубокой операции» начала проверяться на учениях в СССР во второй половине 1930-х годов. Она отработывалась в ходе серии маневров и военных игр в Белоруссии, в Киевском и других округах. Формулы «глубокой операции» прошли апробацию и в ходе военно-стратегической игры, проводимой Генштабом РККА в 1936 г. Далее, как отмечают авторы фундаментального труда «История военной стратегии России», в ее развитии наступила совершенно недопустимая пауза, связанная с массовыми репрессиями командного состава Красной Армии. У гитлеровского вермахта такой паузы в развитии аналогичных концепций и их отработке не было¹. Возвращение теории «глубокой операции» в арсенал способов ведения вооруженной борьбы в нашей стране произошло лишь в 1940 г.: в декабре на совещании высшего командного состава РККА назначенный незадолго до этого командующим Киевским особым военным округом генерал армии Г.К. Жуков выступил с докладом «Характер современной наступательной операции» (вскоре Жуков будет назначен НГШ РККА). В этом докладе фактически развивались идеи В.К. Триандафиллова, М.Н. Тухачевского, Р.П. Эйдемана (которых уже не было в живых) и ряда других советских авторов теории «глубокой операции», разработанной ими еще в начале 1930-х годов.

К тому времени гитлеровцы уже дважды применили подобные «оперативные формулы», разгромив в ходе скоротечных боевых действий в 1939 г. Польшу, а затем, в 1940 г. — Францию, Англию, Бельгию и Голландию. Анализируя этот опыт, Жуков говорил в своем докладе о «решительном применении» немцами «танковых дивизий и мехкорпусов», но не отметил наличие у вермахта танковой группы (проблема танковых армий), состоящей из трех (!) корпусов.

---

¹ История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 232.

Заметим, в действиях немецких танковых войск не было таранных танковых ударов, где главную роль играли бы тяжелые «танки прорыва» (которым отводилась значительная роль в ряде советских и зарубежных разработок по проведению наступательных операций). Танковые соединения, в составе которых были лишь легкие и средние танки, применялись иным образом. Германия не обладала тяжелыми танками вплоть до 1943 г. (Нельзя не вспомнить, что А.А. Свечин предостерегал советских разработчиков теории «глубокой операции» от увлечения таранными ударами.)

У Жукова же в докладе значительный акцент был сделан на том, как тщательно немцы готовились к прорыву укрепрайонов. Хотя было известно, что в ходе кампании 1940 г. немцы практически не штурмовали укрепрайоны, а обходили их, прежде всего обходя с севера «линию Мажино» — там, где она была не достроена. (На то, что немцы действовали в обход «линии Мажино», обратил внимание в своем заключительном выступлении на этом совещании нарком обороны СССР С.К. Тимошенко.)

Опираясь на хорошо поставленную войсковую разведку, танковые части и соединения вермахта не «прогрызали» оборону противника, а находили пути прорыва на оперативную глубину противника на стыках соединений, на их флангах, понимая все сложности обеспечения взаимодействия противостоящих им соединений, объединений... В сочетании с массивным применением диверсионных групп в тылу противника, с хорошо скоординированными с действиями сухопутных войск ударами авиации танковые и механизированные войска вермахта прежде всего нарушали систему управления войсками, создавали во многих случаях хаос и панику, оказывая на противника мощное психологическое воздействие. В целом, видимо, эта сторона действий немецких танковых и механизированных войск была недооценена советским военным командованием в 1940–1941 гг.

Сила психологического воздействия их глубокого проникновения в боевые порядки и оперативные тылы противника нашла отражение в одном из рассказов известного француз-

ского писателя и военного летчика Антуана де Сент-Экзюпери, наблюдавшего с воздуха действия танковых войск вермахта в 1940 г. «Враг уяснил себе, — пишет он, — одну очевидную истину и пользуется ею. Люди занимают немного места на необъятных просторах земли. Чтобы построить солдат сплошной стеной, их потребовалось бы сто миллионов. Значит, промежутки между войсковыми частями неизбежны. Устранить их, как правило, можно подвижностью войск, но для вражеских танков слабо моторизованная армия как бы неподвижна. Значит, промежуток становится для них настоящей брешью. Отсюда простое тактическое правило: “Танковая дивизия действует, как вода. Она оказывает легкое давление на оборону противника и продвигается только там, где не встречает сопротивления”. И танки давят на линию обороны. Промежутки имеются в ней всегда. Танки всегда проходят»².

«Эти танковые рейды... — продолжает Сент-Экзюпери, — наносят непоправимый урон, хотя на первый взгляд они производят лишь незначительные разрушения (захват местных штабов, обрыв телефонных линий, поджог деревень). Танки играют роль химических веществ, которые разрушают не сам организм, а его нервы и лимфатические узлы. Там, где молнией пронеслись танки, сметая все на своем пути, любая армия, даже если с виду она почти не понесла потерь, уже перестала быть армией. Она превратилась в отдельные сгустки. Вместо единого организма остались только не связанные друг с другом органы. А между этими сгустками, как бы отважны ни были солдаты, — противник продвигается беспрепятственно. Армия теряет боеспособность, когда она превращается в скопище солдат»³.

Эти оценки Сент-Экзюпери — весьма ценный элемент вскрытия «оперативной тайны» Второй мировой войны. Писатель не обратил внимания на роль ударной авиации в обеспечении таких действий танковых войск противника, но об этом подробно говорили целый ряд других западных авторов того периода.

---

² *Сент-Экзюпери А. де.* Планета людей. Военный летчик. Письмо заложника / пер. с франц. М.: Художественная литература, 1997. С. 223–224.

³ Там же.

Одной из крупных проблем, с которыми столкнулось партийно-государственное руководство СССР и высшее военное командование Красной Армии, было отсутствие в СССР перед началом Великой Отечественной войны теории военной стратегии (включая вопросы стратегического руководства (управления)), столь же глубоко проработанной, как оперативное искусство и тактика. Вообще более или менее откровенно профессиональные авторы стали писать о проблемах с разработкой вопросов стратегии в СССР в тот период в середине 1980-х годов, по прошествии примерно четырех десятилетий после победоносного завершения нашей страной Великой Отечественной войны. До этого доминировали взгляды и публикации совершенно иного толка.

Предупреждающие сообщения разведчиков, даже не вызывавшие сомнений, не могли сыграть той роли, которую они должны и могли бы сыграть, если бы вплетались в канву адекватных реальностям того периода политико-военных и стратегических воззрений государственного руководства и высшего военного командования СССР. Это сказывалось и на том, как докладывались руководству разведданные.

Многим отечественным историкам известно, что в 1930-е годы преподавание военной стратегии в академиях было прекращено, а сама тема военной стратегии необоснованно стала прерогативой лишь высшего партийно-государственного руководства страны. Жертвой этого запрета оказались и Тимошенко, и Жуков, и их ближайшее окружение в Наркомате обороны, в Генштабе РККА — все те, кто по своим должностным обязанностям призван был заниматься не только вопросами оперативного искусства, но и стратегией.

По-видимому, этот запрет был связан с тем пониманием высшим партийно-государственным руководством СССР природы военной стратегии, в соответствии с которым, как отмечали многие видные отечественные и зарубежные военные теоретики, она не только находится в подчинении у политики, но и вся «пронизана политикой». Соответственно рассмотрение вопросов военной стратегии высшими военными профессионалами воспринималось партийно-государственными ру-

ководителями Советского Союза как вторжение военных в сферу «большой политики», которая в тот период нашей истории стала прерогативой исключительно узкого круга лиц, а фактически — одного человека.

Первые директивы, ушедшие в войска после начала гитлеровской агрессии, подтверждают, что у высшего советского партийно-государственного руководства и военного командования непосредственно перед войной не было адекватного понимания политико-идеологического характера войны, которая была развязана против нашей страны, — как войны тотальной, войны на уничтожение, и не только советского строя, но и великороссов, а также большинства других этносов нашей страны. Между тем именно такой политико-идеологический характер войны, максималистские цели, ставившиеся в отношении Советского Союза нацистским руководством Германии, во многом определяли характер использовавшейся военной стратегии и обеспечивающих ее реализацию форм оперативного искусства. Не была учтена у нас в должной мере и программная книга Гитлера «Майн кампф» (много раз издававшаяся в Германии в 1920-е и 1930-е годы).

В своих воспоминаниях (в полном их варианте, опубликованном уже в 1990 г.) об этом писал Георгий Константинович Жуков: со стороны вермахта «внезапный переход в наступление всеми имеющимися силами, притом заранее развернутыми на всех стратегических направлениях, не был предусмотрен»⁴. Далее Жуков признавался: «Ни нарком обороны, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков, ни руководящий состав Генштаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день компактными группировками на всех стратегических направлениях»⁵. Иными словами, Жуков подразумевал здесь характер стратегической внезапности, с которой пришлось иметь дело командованию РККА в 1941 г.

---

⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М.: Новости, 1990. Т. 1. С. 324.

⁵ Там же.

Маршал, правда, оговаривается: «нельзя сказать, что все это вообще свалилось нам, как снег на голову», поскольку в Наркомате обороны, в Генштабе РККА изучали «боевую практику гитлеровских войск в Польше, Франции и других странах»⁶. Но очевидно, что при этом упускались из виду определенные детали, оказавшиеся принципиально важными 22 июня 1941 г. и в последующие дни, недели, месяцы гитлеровской агрессии против СССР. Нарком обороны Тимошенко на совещании руководящего состава РККА заявил о том, что война на Западе 1940 г. ничего нового в стратегическом отношении не привнесла; новое, по его оценке, появилось лишь в оперативном искусстве. Он не смог оценить того, как радикально новые оперативные формы повлияли на стратегию и обеспечили скоротечный разгром такой первоклассной военной державы, как Франция, — что было для всех, в том числе и для советских политических и военных руководителей, большой неожиданностью.

Между тем в отечественной военной науке имелся глубокий и серьезный труд, в котором давалась оценка нового качества того, что продемонстрировал вермахт в 1939 г., разгромив в считанные дни Польшу. Автором его является профессор Военной академии им. Фрунзе комбриг Георгий Иссерсон.

Как отмечал этот комбриг в своей книге «Новые формы борьбы», вышедшей в свет в 1940 г., несмотря на очевидный рост напряженности в отношениях между Польшей и Германией еще с конца 1938 г., вылившейся накануне войны в открытые взаимные угрозы, начало военных действий оказалось небывалой стратегической внезапностью. «...Когда 1 сентября (1939 г. — А.К.) германская армия с полностью развернутыми силами открыла военные действия, перейдя границы бывшей Польши на всем протяжении, граничащем с Германией, это все свалилось как небывалая в таком виде стратегическая внезапность»⁷.

Далее Иссерсон делает исключительно важное сопоставление этого события и развертывавшейся на Западе Второй

---

⁶ Там же.

⁷ *Иссерсон Г.С.* Новые формы борьбы (опыт исследования современных войн). М.: Воениздат, 1940. С. 9.

мировой войны в целом с тем, что имело место в начальный период Первой мировой войны: «Никто не может теперь сказать, когда же произошла мобилизация, сосредоточение и развертывание — акты, которые по примеру прошлых войн, и в частности первой мировой империалистической войны, вполне определены рамками во времени»⁸.

Иссерсон приходит к выводу: «История столкнулась с новым явлением»⁹. По его оценке, все разработки военных теоретиков относительно «армии вторжения» как первого эшелона, за которым выступает масса главных сил, оказались несостоятельными. Масса главных сил сразу же была приведена в действие. Георгий Иссерсон при этом обратил внимание на то, что о таком способе развязывания войны открыто писала германская печать накануне самой войны.

Недавно генерал армии Махмут Гареев справедливо вспомнил о труде Иссерсона — этом крупном достижении отечественной военной науки...

Ряд ветеранов советской разведки неоднократно в беседах с автором отмечали, что в докладах, в разведывательных обзорах предвоенного времени акцент прежде всего делался не на добытых данных относительно уровня управления у вероятного противника, умении руководить в наступательных операциях огромными массами войск, а на численности и структуре его вооруженных сил, их дислокации, наличии основных видов вооружений и военной техники, ее тактико-технических характеристиках и т.п. В результате складывалась механистическая картина, не дававшая представлений о реальных боевых возможностях опаснейшего противника, постигшего «оперативную тайну» Второй мировой войны. Такого рода доклады разведки делались с учетом настроений и менталитета высшего руководства страны, его уровня понимания управления в военно-стратегической сфере. По этим данным соотношение сил выглядело неплохо (даже если возможности вермахта и его союзников завышались). И высшее руководство СССР не могло допустить,

---

⁸ *Иссерсон Г.С.* Указ. соч. С. 9.

⁹ Там же. С. 29.

что при таком соотношении сил Гитлер и командование вермахта могут решиться на войну с Советским Союзом не с ограниченными, а с самыми решительными целями, свойственными тотальной войне, с целями, напрямую вытекавшими из идеологии германского национал-социализма.

Научное издание

Кокошин Андрей Афанасьевич

**Политико-военные и военно-стратегические проблемы
национальной безопасности России
и международной безопасности**

Зав. редакцией *Е.А. Березнова*

Редактор *Г.Е. Шерихова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка: *Н.Е. Пузанова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 22.08.2013. Формат 60×88 1/16
Гарнитура Newton С. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 13,8
Тираж 600 экз. Изд. № 1673

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (499) 611-15-52

id.hse.ru

Уважаемые читатели!

Приглашаем Вас посетить сайт

Издательского дома

Высшей школы экономики по адресу:

id.hse.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг и журналов, информацию о новинках и планах на будущее, отрывки из книг, рецензии и многое другое.

Также на сайте размещена полная информация о том, где можно купить наши книги и как подписаться на журналы.

*Ждем вас круглосуточно,
каждый день!*

БукВышка

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Российские и зарубежные издания

Книги ИД ВШЭ

Сувенирная продукция

Периодика

CD и DVD

ЭКОНОМИКА

МЕНЕДЖМЕНТ

СОЦИОЛОГИЯ

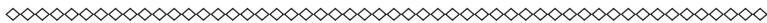
ПОЛИТОЛОГИЯ

ПРАВО

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ

ЛИНГВИСТИКА

Москва, ул. Мясницкая д. 20

тел. +7 (495) 628-29-60

email: books@hse.ru, <http://id.hse.ru/bookshop>

